Агата Кристи

ТРАГЕДИЯ В ТРЁХ

АКТАХ

Агата Кристи

ТРАГЕДИЯ В ТРЕХ АКТАХ

Моим друзьям — Джеффри и Ваиолет Шипстон

Действующие лица

Режиссер-постановщик:

Сэр ЧАРЛЗ КАРТРАЙТ

Помощники режиссера:

Мистер САТТЕРТУЭЙТ

Мисс ГЕРМИОНА ЛИТТОН ГОР

Костюмы от Модного дома

«Амброзия Лимитед»

Освещение:

Мосье ЭРКЮЛЬ ПУАРО

Акт первый

«Подозрение»

Глава 1

«Вороново гнездо»

Мистер Саттертуэйт сидел на террасе виллы «Вороново гнездо» и смотрел, как ее хозяин, сэр Чарлз Картрайт, взбирается по тропинке, ведущей от моря к дому.

Вилла «Вороново гнездо» представляла собой современный образчик бунгало, снабженного всяческими усовершенствованиями. Ни намека на портики, фронтоны и прочие архитектурные украшения, столь любезные сердцу зодчего средней руки. Это было незатейливое приземистое сооружение из белого камня, гораздо более просторное внутри, чем можно предположить по его внешнему виду.

«Вороновым гнездом» вилла была названа потому, что стоит высоко над морем, и из нее как на ладони видна гавань Лумаут. Терраса, обнесенная прочной балюстрадой, одной стороной круто нависает над морем. Если идти по дороге, то от «Воронова гнезда» до города не менее мили. Дорога эта, петляя, поднимается над морем и уходит в глубь по-

бережья. Но сэр Чарлз Картрайт шел сейчас крутой рыбачьей тропой, по которой до города рукой подать — минут семь пешком.

Сэр Чарлз был стройный загорелый человек средних лет, одетый в поношенные серые фланелевые брюки и белый свитер. Он шел размашистым шагом, слегка согнув руки в локтях. «Сразу видно — бывалый моряк», — сказали бы многие, глядя на него. Однако более проницательный наблюдатель призадумался бы, смущенный какой-то фальшью в этой картине. Перед ним бы тоже возникли палуба, шхуна… Но — не настоящие, а грубо намалеванные на заднике сцены… По палубе, залитой светом — не солнца, а юпитеров, — вразвалочку идет Чарлз Картрайт, согнутые в локтях руки слегка напряжены… И голос, хорошо поставленный, немного по-актерски форсированный, голос истинного джентльмена в роли английского моряка:

— Нет, сэр, — говорит Чарлз Картрайт, — весьма сожалею, но вы больше ничего от меня не услышите.

С шумом падает тяжелый занавес, вспыхивают лампионы, оркестр взрывается заключительным крещендо.

«Не желаете ли шоколаду? Лимонад, пожалуйста!» — щебечут хорошенькие девушки с наколками в виде огромных бантов. Заканчивается первый акт «Зова моря» с Чарлзом

Картрайтом в роли капитана Венстоуна.

С высоты своего положения мистер Саттертуэйт с улыбкой поглядывал на сэра Чарлза. Маленький, высохший почти до состояния мумии, мистер Саттертуэйт, попечитель всяческих искусств, и уж конечно же театра, закоренелый сноб, однако вполне приятный в обхождении, был непременным участником аристократических богемных забав и увеселений. Без него не обходилось ни одно более или менее заметное событие светской жизни. «И мистер Саттертуэйт» — этими словами неизменно заканчивался список приглашенных. Впрочем, мистер Саттертуэйт был наделен незаурядным умом и редкой проницательностью.

— Вот уж никогда бы не подумал, право, — тихо проговорил он, покачав головой.

Заслышав шаги у себя за спиной, он обернулся. Высокий седовласый джентльмен отодвинул кресло и уселся в него.

При взгляде на его немолодое, умное лицо, на котором лежала печать привычной доброжелательности, не возникало никаких сомнений относительно его профессии, словно на лбу у него было написано: «Врач. Харли-стрит».

Сэр Бартоломью Стрендж весьма преуспел в своей области. Он был известным специалистом по нервным заболеваниям, и недавно, по случаю Высочайшего тезоименитства, его возвели в дворянское звание.

Он придвинулся вместе с креслом к мистеру Саттертуэйту и сказал:

— Так о чем это вы никогда бы не подумали, а? Ну-ка выкладывайте.

Мистер Саттертуэйт, улыбаясь, показал глазами на сэра Чарлза, ловко поднимавшегося по тропинке.

— Никогда бы не подумал, что сэр Чарлз найдет удовольствие в столь долгом.., э-э.., заточении.

— Я и сам удивляюсь, ей-богу!

И доктор засмеялся, откинув назад голову.

— Я знаю Чарлза с детства. Мы и в Оксфорде вместе учились. Он всегда такой — в жизни играет лучше, чем на сцене. А играет он постоянно. Ничего не попишешь: при-

вычка — вторая натура. Он даже из комнаты не выйдет, как все люди, он… «удалится» да еще под занавес эффектную реплику бросит. Впрочем, он вечно примеряет к себе разные роли. Два года назад оставил сцену, дабы, по его словам, вкусить радости простой сельской жизни, вдали от света, и позволить себе наконец вполне насладиться тем, что так давно влекло его — морской стихией. И вот едет сюда и принимается строить «простой сельский коттедж». Три ванные комнаты, кругом разные новомодные штучки… Я тоже был уверен, что Чарлзу все это скоро наскучит. В конце концов ему ведь нужна публика. Два-три отставных капитана, стайка пожилых дам, пастор — разве это зрители? «Простой парень, влюбленный в море» — я думал, ему полугода для этой забавы за глаза хватит. Потом все ему прискучит, и он разыграет роль утомленного светом денди, скажем, в Монте-Карло или владетельного лорда где-нибудь в Шотландии, ведь Чарлз так непостоянен.

Доктор умолк. Он и так слишком долго говорил. Глаза его с неподдельной теплотой озабоченно следили за сэром Чарлзом, который поднимался по тропе к дому, не подозревая, что за ним наблюдают. Вот-вот он уже появится на террасе.

— Однако, сдается мне, мы ошиблись, — снова заговорил сэр Бартоломью. — Простая жизнь, похоже, ему не наскучила.

— В человеке, который превратил свою жизнь в театр, так легко ошибиться, — проговорил мистер Саттертуэйт. — Не стоит доверять его искренности.

Доктор кивнул.

— Да, вы совершенно правы, — задумчиво сказал он.

— Привет! — воскликнул Чарлз Картрайт, взбегая по ступеням на террасу. — «Мирабель» превзошла все ожидания. Жаль, что вы не пошли со мной, Саттертуэйт.

Мистер Саттертуэйт покачал головой. Пересекая Ла-Манш, он всякий раз терпел жестокие страдания и, не питая никаких иллюзий на свой счет, не хотел подвергать себя новым испытаниям. Утром из окна своей спальни он наблюдал за маневрами «Мирабели». Дул крепкий бриз, и мистер Саттертуэйт от души возблагодарил небо за то, что остался дома.

Подойдя к окну гостиной, сэр Чарлз велел подать напитки.

— Вам тоже следовало бы походить на яхте, Толли, — об-

ратился он к своему другу. — Вы же у себя на Харли-стрит только и делаете, что расписываете своим пациентам прелести морских прогулок.

— Знаете, в чем главное преимущество профессии врача? — проговорил сэр Бартоломью. — Возможность не следовать своим собственным советам.

Сэр Чарлз засмеялся. Он машинально все еще играл свою роль — этакого грубовато-веселого морского волка.

Он был необыкновенно хорош собой — великолепно сложенный, с худощавым ироничным лицом; едва заметная седина на висках только придавала ему изысканности. Его внешность не оставляла сомнений — в первую очередь он джентльмен, а потом уже актер.

— Вы ходили на яхте в одиночку? — спросил доктор.

— Нет. — Сэр Чарлз взял стакан с подноса, который держала нарядная горничная. — Со мной был матрос, уточняю — юная мисс Мими.

Едва уловимая тень смущения в тоне, каким это было сказано, заставила мистера Саттертуэйта насторожиться.

— Мисс Литтон Гор? Разве она что-нибудь смыслит в парусах, яхтах и прочих морских премудростях?

Сэр Чарлз грустно усмехнулся:

— Еще как смыслит, я по сравнению с ней новичок, но с ее помощью делаю успехи.

Мистер Саттертуэйт быстро прикинул в уме:

«Любопытно. Мими Литтон Гор, вот оно что. То-то ему здесь не наскучило. Да-а, возраст, опасный возраст. И, как водится, молоденькая девушка тут как тут…»

— Море… — мечтательно проговорил сэр Чарлз. — Солнце, ветер и море — что может быть лучше! И скромная обитель, куда так приятно вернуться.

И он окинул довольным взором свой дом с тремя ванными, несколькими спальнями, снабженными холодной и горячей водой, с системой центрального отопления и всякими новейшими электрическими приборами, с вышколенной горничной, уборщицей, поваром и судомойкой, дом, кото-

рый конечно же вполне соответствовал его представлениям о скромной деревенской обители.

На террасу вышла высокая, на редкость некрасивая женщина.

— Доброе утро, мисс Милрей.

— Доброе утро, сэр Чарлз. Доброе утро, — скупой наклон головы в сторону мистера Саттертуэйта и сэра Бартоломью. — Вот меню к обеду. Пожелаете изменить что-нибудь?

Сэр Чарлз взял меню и скороговоркой прочел:

— Так, посмотрим. Дыня-канталупа[1], русский борщ, свежая скумбрия, шотландская куропатка, суфле «Сюрприз», канапе «Диана»… Прекрасно, мисс Милрей. Гости прибудут поездом в четыре тридцать.

— Я уже отдала распоряжение Холгейту. Кстати, сэр Чарлз, прошу прощения, но, пожалуй, лучше бы мне сегодня обедать вместе со всеми.

Сэр Чарлз был явно удивлен, однако ответил вполне любезно:

— Разумеется, мисс Милрей, весьма рад.., но.., гм…

— В противном случае, сэр Чарлз, за столом окажется тринадцать человек, а вы же знаете, сколь свойственны людям суеверия, — спокойно объяснила мисс Милрей.

Сказано это было так, что никто не усомнился — сама-то мисс Милрей готова бесстрашно всю свою жизнь, изо дня в день садиться за стол тринадцатой.

— Все уже приготовлено. Я велела Холгейту съездить на автомобиле за леди Мэри и Беббингтонами. Вы не возражаете? — продолжала мисс Милрей.

— Отнюдь. Я как раз собирался просить вас об этом.

Мисс Милрей удалилась. На ее некрасивом лице застыла снисходительная улыбка.

— Совершенно изумительная женщина, — восхищенно сказал сэр Чарлз. — Правда, со мной обходится как с мла-

денцем, только что с ложечки не кормит.

— Воплощенная деловитость и исполнительность, — заметил Стрендж.

— Служит у меня уже шесть лет, — продолжал сэр Чарлз. — В Лондоне была секретарем, а теперь экономка, притом отменная. Хозяйство у нее налажено безукоризненно, как часовой механизм. И вот, вообразите, желает уйти от меня.

— Почему?

— Говорит, — сэр Чарлз рассеянно потер нос и сказал, скептически морщась, — говорит, что у нее больная и беспомощная мать. Лично я в это ни капельки не верю. У таких женщин, как мисс Милрей, вообще не может быть матери. Они появляются на свет с помощью динамо-машины. Нет, тут что-то другое.

Сэр Бартоломью хмыкнул.

— Вероятно, пошли какие-нибудь пересуды, — предположил он.

— Пересуды? — Глаза сэра Чарлза округлились. — О чем вы?

— Мой дорогой, неужели вы не знаете, как возникают сплетни?

— Вы хотите сказать, о ней и.., обо мне? Это с ее-то внешностью? И в ее возрасте?

— Ей, вероятно, нет и пятидесяти.

— А я уверен, что есть. — Сэр Чарлз задумался. — Нет, кроме шуток, Толли, вы обратили внимание на ее лицо? Глаза, нос, рот — все на месте, но разве это лицо? Лицо женщины? Самый неразборчивый ловелас не прельстился бы ею!

— О, вы недооцениваете этих старых дев. Бог знает, что у них на уме!

Сэр Чарлз покачал головой:

— Нет, не верю. Мисс Милрей так несокрушимо добро-

порядочна, что ей ничего подобного и в голову не придет. Она же ходячая добродетель. А в качестве секретаря или экономки ей просто цены нет. Я всегда, между прочим, считал, что секретарша должна быть страшна как смертный грех.

— Весьма разумно.

Сэр Чарлз, казалось, погрузился в глубокую задумчивость. Желая отвлечь его, сэр Бартоломью спросил:

— Кого вы сегодня ожидаете?

— Ну, во-первых, Анджи.

— Анджелу Сатклифф? Превосходно!

Мистер Саттертуэйт даже подался вперед — так не терпелось ему узнать, кто приглашен на обед. Анджела Сатклифф была известная актриса, уже не молодая, но пользующаяся неизменным успехом у зрителей и покоряющая всех тонким умом и обаянием. О ней говорили, что она вторая Эллен Терри[2].

— Затем Дейкерсы.

Мистер Саттертуэйт согласно кивнул. Миссис Дейкерс — та самая преуспевающая художница по костюмам, владелица Модного салона «Амброзия Лимитед». В театральных программках можно было прочесть, например, что «костюм мисс Блэнк в первом акте от „Амброзии“, Брук-стрит. Ее муж, капитан Дейкерс, пользуясь его собственным жаргоном завсегдатая лошадиных скачек, был темной лошадкой. Почти все время он проводил на ипподромах, а несколько лет назад и сам участвовал в ежегодных весенних скачках в Эйнтри.

В прошлом у него была какая-то сомнительная история, толком никто ничего не знал, но слухи ходили. Впрочем, следствия никакого не велось, во всяком случае, официально, но.., при упоминании о Фредди Дейкерсе кое у кого чуть заметно поднимались брови.

— Затем будет Энтони Эстор, драматург.

— О, конечно, — воскликнул мистер Саттертуэйт. — Это ведь ее перу принадлежит «Одностороннее движение». Я смотрел эту пьесу два раза. Нынче это гвоздь сезона.

Мистер Саттертуэйт был чрезвычайно доволен собой: для

него не тайна, что Энтони Эстор — женщина. И как ловко он это ввернул!

— Как же ее настоящая фамилия? Запамятовал, — сказал сэр Чарлз. — Уиллс, так, кажется? Я ведь только однажды с нею встречался. А сегодня пригласил ее, чтобы доставить удовольствие Анджеле. Вот вроде и вся компания.

— А из местных кто-нибудь будет?

— О да! Ну, разумеется, Беббингтоны. Он пастор, очень славный малый, вполне светский, его жена — весьма приятная дама. Дает мне уроки садоводства. Итак, будут Беббингтоны.., и леди Мэри с Мими. Пожалуй, все. Ах да! Еще некий юноша, его зовут Мендерс. Он, кажется, журналист. Красивый молодой человек. Ну вот и все.

Мистер Саттертуэйт, отличавшийся крайней дотошностью, принялся пересчитывать по пальцам:

— Мисс Сатклифф — раз, Дейкерсы — три, Энтони Эстор — четыре, леди Мэри с дочерью — шесть, пастор с женой — восемь, юноша — девять, с нами получается двенадцать. Кто-то из вас просчитался — мисс Милрей или вы, сэр Чарлз.

— Нет, мисс Милрей не может просчитаться, — заверил его сэр Чарлз. — Она никогда не ошибается. Позвольте.., да, ей-богу, вы правы. Одного упустил. Просто из головы вон. — Сэр Чарлз засмеялся. — Вот бы он огорчился. Этот человек невероятно честолюбив. Не знаю, кто может сравниться с ним в этом смысле.

В глазах мистера Саттертуэйта мелькнула насмешка. Он всегда считал, что самые честолюбивые создания на свете — это актеры. И сэр Чарлз отнюдь не исключение. «В своем глазу бревна не видишь», — подумал мистер Саттертуэйт, которого чрезвычайно позабавила эта мысль.

— Так кто же он?

— Один чудаковатый малый, — сказал сэр Чарлз. — Впрочем, весьма знаменитый. Возможно, вы о нем слышали. Эркюль Пуаро. Он бельгиец.

— А-а, детектив, — обрадовался мистер Саттертуэйт. — Как же, как же, мне приходилось встречаться с ним. Выдающаяся личность.

— Да, незаурядная, — согласился сэр Чарлз.

— Я с ним не знаком, — сказал сэр Бартоломью, — но наслышан о нем довольно. Он ведь, кажется, уже ушел в отставку, да? Не знаю, правда ли то, что о нем рассказывают, или просто досужие вымыслы… Что ж, Чарлз, будем надеяться, эти выходные пройдут без преступлений — Это отчего же? Только оттого, что с нами будет детектив? Помоему, Толли, вы ставите телегу впереди лошади, вам не кажется?

— Ну, у меня на этот счет своя теория.

— Что за теория, доктор? — заинтересовался мистер Саттертуэйт.

— Видите ли, я считаю, что человек сам притягивает к себе разные приключения, а не наоборот. Почему у одних людей жизнь увлекательная, а у других — унылая? Думаете, это зависит от обстоятельств? Ничуть не бывало. Один колесит по всему свету, и с ним ничего не случается. Накануне его приезда происходит кровавая бойня, только он уедет — землетрясение; на пароход, которому суждено пойти ко дну, он непременно опоздает. Другой же всю жизнь проводит в Бэллеме, ездит изо дня в день только в Сити, но у него сплошные неприятности.

Банды шантажистов, роковые красотки, угонщики авто-

мобилей — все тут как тут. Есть люди, которым на роду написано потерпеть кораблекрушение. Посади их в лодку посреди детского бассейна, они все равно утонут. А такие, как Эркюль Пуаро, не ищут преступление, оно само идет им в руки.

— В таком случае, — сказал мистер Саттертуэйт, — может, оно и к лучшему, что мисс Милрей присоединится к нам, все-таки хоть не будет за столом чертовой дюжины.

— Ладно уж, — сэр Чарлз сделал широкий жест, — будь по-вашему, Толли, пусть убивают, если вам так хочется. Ставлю только одно условие — жертвой буду не я.

И все трое, смеясь, пошли к дому.

Глава 2

Внезапная смерть

Больше всего на свете мистера Саттертуэйта интересова-

ли люди. Особенно представительницы прекрасного пола. Их он понимал очень хорошо, значительно лучше, чем это обычно свойственно мужчинам. Он без труда постигал их психологию, ибо ему самому были присущи некоторые женские черты. Дамы охотно поверяли ему свои тайны, но никогда не принимали его всерьез. Порой это немного огорчало мистера Саттертуэйта. Ему тогда казалось, что на сцене жизни он лишь зритель, наблюдающий за развитием драмы, в которой для него нет места. Но, честно говоря, эта роль вполне его устраивала.

Этим вечером, сидя в просторной гостиной, выходящей на террасу и стилизованной неким модным художником под роскошную каюту корабля, мистер Саттертуэйт с неподдельным интересом разглядывал волосы Синтии Дейкерс, стараясь подыскать название тому редкому оттенку, который Синтия ухитрилась им придать. Цвет был совершенно невиданный, но довольно приятный для глаз, какой-то зеленовато-бронзовый. Краска, должно быть, прямо из Парижа, предположил мистер Саттертуэйт. Трудно было сказать, хороша ли собой миссис Дейкерс на самом деле, но выглядела она сногсшибательно — высокая, с фигурой безупречно отвечающей требованиям моды. Шея и руки у нее в любое время года имели оттенок легкого курортного загара, естественного или искусственного — не разберешь. Зеленовато-бронзовые волосы уложены в замысловатую и, бесспорно, наимоднейшую прическу, которую способен сотворить только лучший лондонский парикмахер. Выщипанные брови, подкрашенные ресницы, чуть заметный налет тончайшего грима на лице, рот, незатейливо очерчен-

ный природой, но обретший с помощью помады изящный изгиб — все как нельзя более шло к ее вечернему платью, чрезвычайно простенькому (смешно, до чего обманчива эта кажущаяся простота!), из какой-то необычайной материи — тускло-синей, но как бы светящейся изнутри.

«Умеет себя подать, — подумал мистер Саттертуэйт, одобрительно глядя на нее. — Интересно, какова она на самом деле».

На этот раз он имел в виду не внешность миссис Дейкерс, а ее характер.

Говорила она с расстановкой, манерно растягивая слова:

— Мой дорогой, это было просто невероятно. Знаете, всегда существует нечто, по природе своей невозможное. Так вот, это было из разряда невозможного. Это было.., пронзительно.

«Пронзительно» — нынче очень модное словечко, — отметил про себя мистер Саттертуэйт. — У всех на языке это «пронзительно».

Сэр Чарлз, истово взбалтывая коктейли, разговаривал с

Анджелой Сатклифф, высокой, красивой, с седыми волосами, дерзко очерченным ртом и прелестными глазами.

Фредди Дейкерс беседовал с Бартоломью Стренджем.

— Все знают, что со старым Ледисборном. Вся конюшня знает, — говорил он визгливым голосом.

Фредди Дейкерс был низенький, рыжий человечек, с красным, обветренным лицом и усами щеточкой. Глаза у него бегали.

Рядом с мистером Саттертуэйтом сидела мисс Уиллс, чья пьеса «Одностороннее движение» была признана лондонской публикой чуть ли не самой остроумной и смелой за последние несколько лет. Мисс Уиллс, высокая, худощавая, со скошенным подбородком и светлыми в мелких кудряшках волосами, носила пенсне и была одета в ужасающе бесформенное платье из зеленого шифона.

— Я посетила юг Франции, — говорила она высоким невыразительным голосом, — но, право, мне там совсем не понравилось. Я чувствовала себя страшно неуютно. Но, конечно, для моей работы такие поездки необходимы. — Должна же я знать, что творится на белом свете.

«Бедняжка, — думал мистер Саттертуэйт, слушая ее. — Успех свалился на нее, как снег на голову, и она покинула свою келью, то бишь пансион, где-нибудь в Борнмуте. Уж там-то ей наверняка все по душе».

Как не похожи авторы на свои творения! Мистер Саттертуэйт всегда этому изумлялся. Что общего у блестящего, утонченного и остроумного Энтони Эстора с бесцветной мисс Уиллс? И вдруг он заметил, что в блекло-голубых глазах за стеклами пенсне светится острый, явно незаурядный ум. Мистер Саттертуэйт почувствовал на себе оценивающий взгляд этих глаз и даже немного смутился. Казалось, мисс Уиллс внимательно рассматривает его, будто старается запомнить на всю жизнь.

Сэр Чарлз между тем разливал коктейли.

— Позвольте предложить вам коктейль, — сказал мистер Саттертуэйт, живо вскакивая со своего места. Мисс Уиллс заулыбалась.

— Не возражаю, — сказала она.

Дверь отворилась, и горничная Тампл доложила, что прибыли леди Мэри Литтон Гор, мистер и миссис Беббингтон

и мисс Литтон Гор.

Мистер Саттертуэйт, снабдив мисс Уиллс коктейлем, ловко, бочком придвинулся поближе к леди Мэри Литтон Гор. Он, как известно, питал слабость к громким титулам.

Помимо того, что мистер Саттертуэйт был снобом, его всегда влекло к истинным аристократкам, а леди Мэри, бесспорно, была из их числа.

Оставшись вдовой с весьма скудными средствами и трехлетней дочерью на руках, она приехала в Лумаут и поселилась в небольшом коттедже, где и жила с тех самых пор. Из прислуги она держала лишь одну горничную, искренне ей преданную.

Леди Мэри была высокой и стройной женщиной и выглядела старше своих пятидесяти пяти лет. Выражение лица у нее было необыкновенно милое и немного застенчивое. Дочь она обожала и постоянно за нее тревожилась.

Гермиона Литтон Гор, которую все называли Мими, мало походила на мать. Во всяком случае, характер у нее был куда более решительный.

Пожалуй, красавицей ее не назовешь, думал мистер Саттертуэйт, но она, безусловно, весьма и весьма привлекательна. И причина тому — ее неуемная жизненная сила. Кажется, в ней больше жизни, чем во всех присутствующих здесь, вместе взятых.

Мими была среднего роста, с темными волосами и серыми глазами. Волосы тугими завитками падали на тонкую шею, светло-серые глаза глядели открыто и смело, изящно круглились нежные щеки, заразительно звучал смех — все создавало ощущение пленительной молодости и живости.

Она стояла, болтая с Оливером Мендерсом, который только что вошел в гостиную.

— Вот уж не думала, что прогулки на яхте тебе наскучат. Ты же всегда их любил.

— Мими, дорогая, просто я повзрослел, — отвечал он, цедя слова и чуть поднимая брови.

Красивый молодой человек. На вид ему лет двадцать пять. Пожалуй, в его красоте есть что-то слащавое. И еще.., что-то от иностранца, что ли? Нечто не совсем английское…

За Оливером Мендерсом наблюдал не только мистер Саттертуэйт. С него не сводил глаз маленький человечек, у которого голова по форме удивительно напоминала яйцо, а усы явно выдавали в нем иностранца. Мистер Саттертуэйт уже нашел случай напомнить о себе мосье Эркюлю Пуаро. Маленький человечек оказался чрезвычайно любезен. Правда, мистер Саттертуэйт заподозрил, что он намеренно подчеркивает свою неанглийскую манерность. Его небольшие насмешливые глаза, казалось, говорили: «Вы ждете, что я буду строить из себя шута? Разыгрывать комедию? Bien, — пусть будет по-вашему!»

Но сейчас в глазах Эркюля Пуаро не было насмешки. Взгляд его был серьезен и немного печален.

Преподобный Стивен Беббингтон, приходский священник Лумаута, подошел к леди Мэри и мистеру Саттертуэйту. Ему было шестьдесят с небольшим, выцветшие глаза его смотрели добродушно, и держался он подкупающе скромно.

— Мы счастливы, что сэр Чарлз тут у нас поселился. Он так благороден.., так великодушен. Более приятного соседа нельзя и пожелать. Думаю, леди Мэри со мной согласится.

Леди Мэри улыбнулась:

— Мне он очень нравится. Успех совсем не вскружил ему голову… Порой он бывает простодушен, как дитя, — добавила она с ласковой улыбкой.

Появилась горничная, неся поднос с коктейлями, а мистер Саттертуэйт все еще размышлял о том, сколь неистребим в женщинах материнский инстинкт. С его викторианским воспитанием он особенно ценил в них эту черту.

— Тебе можно выпить коктейль, мам, — сказала Мими, подлетая к ним со стаканом в руке, — но только один.

— Спасибо, дорогая, — кротко проговорила леди Мэри.

— Полагаю, — сказал его преподобие, — я тоже могу позволить себе один коктейль. Надеюсь, миссис Беббингтон не станет возражать.

Он добродушно засмеялся, не слишком громко, как и приличествует пастору.

Мистер Саттертуэйт перевел взгляд на миссис Беббингтон, которая настойчиво втолковывала сэру Чарлзу что-то

важное, кажется, о пользе чернозема.

«Какие прелестные у нее глаза», — подумал мистер Саттертуэйт.

Миссис Беббингтон, крупная, довольно небрежно одетая женщина, производила впечатление особы весьма решительной, деятельной и совершенно чуждой мелочности. Словом, как справедливо сказал о ней Чарлз Картрайт, это была весьма достойная дама.

— Скажите, — леди Мэри подалась вперед, — кто эта молодая женщина в зеленом? Вы с ней разговаривали, когда мы вошли.

— Она драматург, ее псевдоним Энтони Эстор.

— Неужели? Эта.., эта бесцветная особа? О! — Она осеклась. — Как дурно с моей стороны так говорить! Но я просто потрясена. Она совсем не похожа… Это же вылитая школьная учительница, притом провинциальная!

«Не в бровь, а в глаз», — восхитился про себя мистер Саттертуэйт и рассмеялся. Мистер Беббингтон, прищурив свои кроткие близорукие глаза, старался разглядеть лицо

мисс Уиллс. Потом он поднес ко рту стакан, сделал глоток и поперхнулся. «Бедняга, не привык к коктейлям, — улыбаясь про себя, подумал мистер Саттертуэйт. — Наверное, считает их неизбежным злом, данью времени». Мистер Беббингтон, собравшись с духом, решительно сделал еще один глоток, поморщился и сказал:

— Так это она там стоит?.. О, Боже…

Он схватился рукой за горло.

В этот миг раздался мелодичный голосок Мими Литтон Гор:

— Оливер.., ты увертлив, как.., как Шейлок…

«Ну конечно, — подумал мистер Саттертуэйт, — вот оно что… Никакой он не иностранец, он просто еврей! А какая великолепная пара! Оба так молоды, так красивы. А ссоры? Ссоры — тоже красноречивое свидетельство…»

Тут его внимание привлек какой-то звук, раздавшийся рядом. Мистер Беббингтон поднялся с кресла и стоял, покачиваясь, лицо у него свело судорогой.

— Смотрите! — сказала Мими своим звонким голосом.

Разговоры смолкли, и все взоры устремились на нее.

— Смотрите, — повторила она, не замечая, что леди Мэри, встав с места, предостерегающе подняла руку. — Мистеру Беббингтону дурно.

Сэр Бартоломью поспешно подошел к пастору и, осторожно поддерживая, повел его к дивану, стоявшему у стены. Все столпились вокруг, наперебой предлагая свою помощь.

Стрендж стоял, склонившись над мистером Беббингтоном. Минуты две спустя он выпрямился и покачал головой. Понимая, что нет смысла ходить вокруг да около, доктор коротко сказал:

— К сожалению, он мертв.

Глава 3

Сэр Чарлз сомневается

— Саттертуэйт, можно вас на минуту, — сказал сэр Чарлз, выглянув из комнаты.

Прошло уже часа полтора.

Потрясенные свидетели ужасного события с трудом приходили в себя. Леди Мэри вывела рыдающую миссис Беббингтон из гостиной и увезла домой. Мисс Милрей принялась деловито названивать по телефону. Прибыл местный доктор и взял на себя все хлопоты. Гости наскоро пообедали и, по молчаливому уговору, разошлись по своим комнатам. Мистер Саттертуэйт тоже направился было к себе, когда сэр Чарлз его окликнул, выглянув из гостиной.

Подавляя легкую дрожь, мистер Саттертуэйт переступил порог комнаты. Он был уже далеко не молод, и вид смерти наводил на него грусть… Наверное, он и сам скоро.., нет, к чему эти мысли… «Пожалуй, лет двадцать я еще проскриплю», — подумал он, подбадривая себя.

В гостиной, кроме сэра Чарлза, был только Бартоломью

Стрендж. Увидев мистера Саттертуэйта, он одобрительно кивнул.

— Он-то нам и нужен, — сказал доктор. — На него можно положиться. Умен и опытен.

Мистер Саттертуэйт опустился в кресло рядом с доктором. Сэр Чарлз нервно расхаживал по комнате. На этот раз он забыл, как следует ходить старому морскому волку, и походка у него была самая что ни на есть сухопутная.

— Чарлз считает, что тут что-то неладно, — сказал сэр Бартоломью. — Я говорю о смерти несчастного Беббингтона.

Мистер Саттертуэйт подумал, что доктор неудачно выразил свою мысль. Естественно, «неладно». А как же иначе назвать то, что тут случилось? Или же Стрендж вкладывает в эти слова какой-то иной смысл?

— Все это ужасно, — осторожно начал мистер Саттертуэйт. — Совершенно ужасно, — добавил он, почувствовав, как у него снова по спине пошли мурашки.

— Гм, разумеется, ужасно, — согласился доктор, в голосе

которого едва заметно проскальзывали нотки профессионального равнодушия.

Сэр Чарлз, метавшийся из угла в угол, внезапно остановился.

— Толли, вы когда-нибудь видели, чтобы человек вот так просто взял и умер?

— Нет, — ответил, подумав, сэр Бартоломью. — Нет, не видел. — Впрочем, мне не так уж часто приходится видеть смерть, как вам могло бы показаться. Обычно у невропатологов пациенты не умирают. Они живут и здравствуют, принося нам доход. Не сомневаюсь, Мак-Дугл видит смерть гораздо чаще, чем я.

Доктор Мак-Дугл, которого вызвала мисс Милрей, был самым известным врачом в Лумауте.

— Мак-Дугл не видел, как умирал мистер Беббингтон. Когда доктор приехал, он уже был мертв. Что Мак-Дуглу известно? Только то, что могли ему рассказать мы.., и вы, — говорил сэр Чарлз. — Он считает, что это апоплексический удар, что Беббингтон был стар и не слишком здоров. Такое объяснение меня не устраивает.

— Его, вероятно, тоже, — буркнул сэр Бартоломью. — Однако доктор в любом случае обязан хоть что-то сказать. Апоплексический удар очень подходящий диагноз — по существу, он может означать что угодно, но для непрофессионалов звучит весьма убедительно. К тому же Беббингтон действительно был стар и в последнее время жаловался на недомогание, его жена сказала нам об этом. Возможно, он и сам не подозревал, насколько серьезно болен.

— Был ли это типичный приступ, или удар, или как там еще вы его называете?

— Типичный в каком смысле?

— Ну, типичный для какой-то известной вам болезни.

— Если бы вы изучали медицину, — сказал сэр Бартоломью, — вы бы знали, что типичных случаев почти не бывает.

— На что вы, собственно, намекаете, сэр Чарлз? — спросил мистер Саттертуэйт.

Картрайт ничего не ответил. Просто махнул рукой.

Стренджд усмехнулся:

— Да он и сам не знает. Такова уж его природа — вечно все драматизирует.

Сэр Чарлз с укором посмотрел на доктора. Лицо у него стало замкнутое и сосредоточенное. Он покачал головой и, казалось, погрузился в глубокое раздумье.

«Кого же он сейчас мне напоминает?», — мучительно гадал мистер Саттертуэйт, глядя на сэра Чарлза. — Ага, вот оно что — Аристид Дюваль, директор Секретной службы, распутывающий головоломные хитросплетения тайного заговора. Да, несомненно, он невольно уже начал прихрамывать, как Аристид Дюваль, известный Среди друзей под именем «Хромой».

Между тем сэр Бартоломью, призвав на помощь здравый смысл, подвергал смутные подозрения сэра Чарлза безжалостному анализу.

— Что вы, собственно, предполагаете, Чарлз? Самоубийство? Или, может быть, убийство? Кому нужно убивать безобидного старого пастора? Просто нелепость! Ну, допустим, самоубийство… Можно даже представить себе, что у Беббингтона были причины покончить с собой…

— Какие?

Сэр Бартоломью пожал плечами.

— Разве можно проникнуть в тайну человеческой души? Ну, например, Беббингтон узнал, что неизлечимо болен, что у него, скажем, рак. Вот вам и причина. Естественно, он не хочет подвергать жену страшному испытанию и не хочет, чтобы она видела его мучительную смерть. Разумеется, это только предположение. А по сути, у нас нет веских оснований считать, что Беббингтон хотел покончить с собой.

— Я-то как раз меньше всего думаю о самоубийстве, — сказал сэр Чарлз.

Бартоломью Стрендж снова издал свой хриплый, кудахтающий смешок.

— Ну конечно. Вам подавай что-нибудь невероятное. Какую-нибудь сенсацию, вроде: «Новый, не оставляющий никаких следов яд в коктейле»!

Сэр Чарлз болезненно поморщился:

— Пожалуй, мне это совсем ни к чему, черт побери! Вспомните, Толли, ведь это я смешивал коктейли.

— А-а, понимаю! Среди нас маньяк-убийца! У нас симптомы отравления появятся позже, и к утру мы все, конечно, уже сыграем в ящик!

— Подите к черту с вашими шуточками, вы… — Сэр Чарлз задохнулся от возмущения.

— На самом деле я не шучу, — сказал доктор. Он вдруг заговорил совсем по-другому — серьезно и сочувственно:

— Смерть Беббингтона не повод для шуток. Я высмеиваю вашу подозрительность, Чарлз, потому что.., не хочу, чтобы вы по своему легкомыслию сотворили зло.

— Зло? — удивился сэр Чарлз.

— Хоть вы-то, Саттертуэйт, догадываетесь, к чему я клоню?

— Кажется, да.

— Неужели вы не понимаете, Чарлз, — продолжал сэр Бартоломью, — что ваша глупая подозрительность может обернуться злом? Поползут разные слухи. Грязные сплетни, не имеющие ничего общего с тем, что произошло на самом деле. Представляете, какую боль они причинят миссис Беббингтон? Мне ли не знать, как все это бывает? Внезапная смерть.., кто-то что-то сболтнет.., тотчас пойдут пересуды, потом они начнут множиться, обрастать подробностями, и ничего уже нельзя остановить. Черт побери! Неужели до вас не дошло, Чарлз, как жестоко, как ненужно то, что вы затеяли? Вы даете волю своему пылкому воображению, что в данном случае весьма и весьма опасно.

Лицо Чарлза выразило нерешительность:

— Признаться, об этом я не подумал.

— Вы славный малый, Чарлз, но напрасно даете волю воображению: вас заносит. Послушайте, неужели вы всерьез можете поверить, что кто-то хотел прикончить этого безобидного старика?

— Нет, пожалуй, нет, — сказал сэр Чарлз. — Вы правы, это нелепо. Простите, Толли, но, ей-богу, это не блажь, у меня на самом деле такое чувство, что здесь что-то неладно.

Мистер Саттертуэйт кашлянул.

— Позвольте мне высказать свои соображения. Мистер Беббингтон дурно себя почувствовал вскоре после того, как сюда приехал, а точнее, сразу, как только выпил коктейль. Видите ли, случилось так, что я заметил, как он поморщился, отпив из стакана. Я-то подумал, что он просто не привык к вкусу коктейля. Теперь допустим, что предположение сэра Бартоломью верно, то есть мистер Беббингтон имел причины покончить с собой. Кстати, мне это представляется вполне правдоподобным, подозревать же убийство, по-моему, просто нелепо. Далее, как мне кажется, теоретически возможно, хотя и несколько сомнительно, что мистер Беббингтон незаметно подсыпал что-то себе в стакан. Заметим, что в этой комнате ничего не тронуто. Стаканы с коктейлем стоят на своих местах. Вот стакан мистера Беббингтона. Я точно знаю, потому что мы с ним сидели рядом и разговаривали. Мне кажется, сэр Бартоломью, надо бы исследовать содержимое стакана мистера Беббингтона, это можно проделать тихо и незаметно, дабы не вызвать никаких пересудов.

Сэр Бартоломью встал и взял стакан.

— Ладно уж, — сказал он, — только, чтобы ублажить вас, Чарлз, хотя, ей-богу, ставлю десять против одного, что там нет ничего, кроме джина и вермута.

— Идет! — сказал сэр Чарлз. — Знаете, Толли, — добавил он, криво усмехнувшись, — отчасти вы сами виноваты в том, что у меня так разыгралось воображение.

— Я?

— Ну да, вы с вашими разговорами о преступлении сегодня утром. Вы сказали, что этот малый, Эркюль Пуаро, нечто вроде буревестника: стоит ему появиться, как тут же совершается преступление. Не успел он приехать, и вот пожалуйста… Естественно, мне сразу пришла в голову мысль об убийстве.

— Интересно, что думает… — начал было мистер Саттертуэйт и умолк.

— Вот именно, — сказал сэр Чарлз. — Мне тоже интересно. Что скажете, Толли? Мы можем спросить у него самого. Только удобно ли это?

— Щекотливый вопрос, — заметил мистер Саттертуэйт.

— Мне известна врачебная этика, но провалиться мне на этом месте, если я что-нибудь знаю об этике сыщиков.

— Профессионального певца спеть не попросишь, — задумчиво сказал мистер Саттертуэйт. — Можно ли просить профессионального детектива заняться расследованием? Весьма щекотливый вопрос.

— Я того же мнения, — сказал сэр Чарлз. В эту минуту послышался тихий стук в дверь, и не кто иной как Эркюль Пуаро с виноватым видом заглянул в комнату.

— Входите, входите, — вскричал сэр Чарлз, вскакивая с места. — Мы как раз о вас говорили.

— Мне не хотелось бы показаться навязчивым…

— Напротив, вы как нельзя более кстати. Хотите выпить?

— Благодарю вас, нет. Я редко пью виски. Немного сиропа, пожалуй…

Однако сироп не принадлежал к числу тех напитков, которые, по представлениям сэра Чарлза, заслуживали внимания. Усадив гостя в кресло, он прямо перешел к делу.

— Начнем без всяких прелюдий, — сказал он. — Мы только что говорили о вас, мосье Пуаро, и.., и о том, что сегодня случилось. Послушайте, вам не кажется, что тут есть нечто подозрительное?

Брови Пуаро поползли вверх.

— Подозрительное? Что вы подразумеваете?

— Мой друг забрал себе в голову, что мистера Беббингтона отравили, — пояснил сэр Бартоломью.

— А вы? Вы с ним согласны?

— Мы хотели бы знать, что об этом думаете вы.

Пуаро помолчал.

— Мистеру Беббингтону стало дурно очень неожиданно.., что правда, то правда.

— Вот именно.

Мистер Саттертуэйт изложил мосье Пуаро версию самоубийства и свои соображения насчет того, чтобы исследовать содержимое стакана.

Пуаро одобрительно кивнул:

— Во всяком случае, это не помешает. Зная психологию людей, могу сказать, что версия убийства представляется мне маловероятной. Кому понадобилось убивать такого славного, безобидного старика? Версия самоубийства кажется мне еще менее правдоподобной. Но так или иначе, исследовав содержимое стакана, мы сможем прийти к какому-то заключению.

— Каков же, по-вашему, будет результат исследования?

Пуаро пожал плечами:

— Каков? Могу только догадываться. Хотите, чтобы я поделился с вами своими соображениями?

— Да…

— Полагаю, в стакане окажутся лишь остатки превосходного сухого мартини. — Тут последовал поклон в сторону сэра Чарлза. — Отравить мистера Беббингтона коктейлем было бы очень.., очень трудно: как подгадать, чтобы он взял с подноса именно тот стакан, в который подсыпали яд?.. Если же этот славный старик решился на самоубийство, думаю, он не стал бы этого делать публично. На такое мог бы пойти только тот, кто начисто лишен такта, а мистер Беббингтон производил впечатление на редкость деликатного человека. Таково мое мнение.

Наступило молчание. Потом сэр Чарлз глубоко вздохнул, открыл окно, выглянул.

— Ветер переменился, — сказал он.

Детектив снова уступил место старому морскому волку.

Однако проницательному мистеру Саттертуэйту показалось, будто сэр Чарлз огорчен, что не успел доиграть роль,

которая ему так пришлась по душе.

Глава 4

Современная Элайн

— Ну, а вы, мистер Саттертуэйт, что вы об этом думаете? Скажите прямо!

Мистер Саттертуэйт спешно прикинул: можно ли как-нибудь вывернуться. И понял, что спасения нет. Здесь, на рыбацком причале, Мими Литтон Гор умело отрезала ему все пути к отступлению. Ох уж эти нынешние барышни, ни жалости в них, ни сострадания, а уж до чего энергичны, прямо страшно становится.

— Сэр Чарлз вбил эту мысль вам в голову, — сказал мистер Саттертуэйт.

— Ничего подобного. Она давно там сидела. С самого начала, если хотите знать. Поймите, все это случилось так

внезапно, так страшно…

— Но ведь мистер Беббингтон был уже стар, не слишком здоров…

Мими решительно его прервала:

— Вздор! Он страдал всего лишь невритом и ревматическим артритом, да и то в легкой форме. От этого не умирают. Раньше у него не было никаких приступов. Он как то самое скрипучее дерево, которое сто лет стоит. А что вы скажете по поводу расследования?

— В общем, там не было обнаружено ничего.., э-э.., особенного.

— А что вы думаете о показаниях доктора Мак-Дугла? Сплошные медицинские термины, скрупулезно описаны все внутренности… Вам не показалось, что он просто страхует себя, обрушивая на следователя эту словесную лавину? Помните, что он там нагородил? «Не обнаружено ничего, свидетельствующего о том, что смерть не вызвана естественными причинами». Не проще было бы сказать, что мистер Беббингтон умер своей смертью?

— А вам не кажется, дорогая, что это просто казуистика?

— При чем здесь я? Поймите, доктор Мак-Дугл явно оказался в тупике, и его профессиональная дотошность — это ширма, за которой он укрыл свои сомнения. А каково мнение сэра Бартоломью Стренджа?

Мистер Саттертуэйт пересказал Мими кое-что из того, что изрек ученый доктор.

— Значит, и он просто отмахнулся… — в раздумье проговорила Мими. — Конечно, он человек осторожный… Наверное, все эти знаменитости с Харли-стрит таковы.

— Но ведь в стакане не обнаружили ничего, кроме джина и вермута, — напомнил ей мистер Саттертуэйт.

— Именно это и решило все дело. Тем не менее то, что произошло уже после следствия, вселяет в меня сомнения…

— Сэр Бартоломью, верно, что-то вам сказал?

Мистер Саттертуэйт вдруг почувствовал живой интерес к

разговору.

— Не мне, а Оливеру. Оливеру Мендерсу, он был тогда среди приглашенных, правда, вы, наверное, его не помните.

— Напротив, очень хорошо помню. Вы с ним, кажется, в большой дружбе?

— Да, были. Правда, теперь мы с ним все время ссоримся. Он вступил в дело к своему дяде и стал, как бы это сказать, какой-то пресный, что ли. Правда, уверяет, что бросит службу и займется журналистикой — он неплохо пишет. Но я не верю в эти разговоры. Он хочет одного — разбогатеть. Это так противно, по-моему. Вы не согласны, мистер Саттертуэйт?

Он был растроган ее молодостью, ее детской самоуверенностью…

— Голубушка, — сказал он, — на свете так много противного! Так много противных людей, одержимых не только мыслью о деньгах.

— Да, правда, люди по большей части просто свиньи, — с готовностью согласилась Мими. — Вот почему я так го-

рюю по мистеру Беббингтону. Понимаете, я его очень любила. Он меня готовил к конфирмации, да и вообще… И хотя во многом это, конечно, ахинея, но у него так славно все получалось. Видите ли, мистер Саттертуэйт, я на самом деле исповедую христианскую веру, не в такой степени, конечно, как мама — она не расстается с молитвенником, не ленится ни свет ни заря ходить к службе и все такое прочее. Нет, у меня это скорее от ума. И потом, христианство это же историческое явление. Церковь засорена павликианской ересью.., вообще там такая неразбериха. Но само христианское вероучение, по-моему, правильное. Поэтому я не могу, как Оливер, принять социалистическую идею. На самом деле наши взгляды во многом схожи — общественная собственность и все такое прочее, однако разница состоит в том, что.., впрочем, хватит об этом. Просто Беббингтоны — настоящие христиане. Не суют нос в чужие дела, никого не осуждают, ко всем добры и терпимы. Они пользуются здесь всеобщей любовью… Кроме того, Робин…

— Робин?

— Это их сын… Его убили в Индии… Мне.., я была им увлечена.

Мими прищурилась и устремила взгляд вдаль, на море…

Потом встрепенулась, возвращаясь мыслями к настоящему, к мистеру Саттертуэйту.

— Теперь вы понимаете, почему я так мучаюсь. А вдруг мистер Беббингтон умер не своей смертью, представьте только…

— Дитя мое! Послушайте…

— Вы же понимаете, как странно все получилось. Ужасно странно!

— Но вы только что говорили, что у Беббингтонов просто не могло быть врагов!

— В том-то и дело! Невозможно представить себе хоть сколько-нибудь правдоподобный мотив…

— Опять вы за свое! Ведь в коктейле ничего не обнаружили.

— А если ему что-то впрыснули под кожу?

— Ну, конечно, яд, которым индейцы в Южной Америке пропитывают стрелы! — подхватил мистер Саттертуэйт с добродушной насмешливостью.

Мими хмыкнула.

— Точно. Яд, не оставляющий следов. Видно, вам все это кажется детской выдумкой. Погодите, придет день, когда вы поймете, что мы правы.

— Кто это «мы»?

— Сэр Чарлз и я. — Мими немного покраснела. Мистер Саттертуэйт, как истинный сын своего времени, когда в каждом доме в книжном шкафу можно было найти «Мудрые мысли на все случаи жизни», тотчас вспомнил строки из Теннисона:

> Годами вдвое старше, чем она,
> Шрам на лице обветренном и темном.
> Лишь раз взглянула — и навеки влюблена,
> Свершился рок…

Однако мистер Саттертуэйт тотчас же почувствовал легкое смущение — кому придет в голову облекать свои мысли в стихотворную форму, это в наше-то время! Да и Теннисон нынче не в моде. Кроме того, сэр Чарлз, конечно, обветрен и темен.., от загара, но шрама на лице у него нет. А Мими Литтон Гор, хоть и способна на испепеляющую страсть, но чтобы чахнуть от любви, равно как и пускаться в плаванье по реке на утлом суденышке? Нет, что-то не верится! В ней нет ничего от лилейной девы, обитавшей некогда в Астолате… Кроме молодости, думал мистер Саттертуэйт.

Юных девушек всегда привлекают мужчины средних лет с интригующим прошлым. Мими, кажется, не исключение.

— Почему он до сих пор не женился? — вдруг спросила она.

— Ну-у… — Мистер Саттертуэйт призадумался. «Из осторожности», чуть было не сорвалось у него с языка, но он понимал, что для Мими Литтон Гор такой ответ не годится.

У сэра Чарльза было множество любовных похождений, и не только с актрисами, однако ему всегда удавалось благополучно избегать брачных уз. Но Мими, безусловно, жаждала услышать более романтическое объяснение.

— Та девушка, что умерла от чахотки.., актриса, ее имя начинается на букву «М»… Ведь сэр Чарлз был в нее влюблен, правда?

Мистер Саттертуэйт понял, о ком идет речь. Молва действительно связывала имя сэра Чарлза с этой юной особой, впрочем, достоверно ничего известно не было, и мистеру Саттертуэйту даже и в голову бы не пришло считать, что сэр Чарлз не женится, потому что хранит верность ее памяти, но из деликатности он промолчал.

— Наверное, у него было столько любовных связей, что и не счесть, — сказала Мими.

— Э-э.., гм.., вероятно, — промямлил мистер Саттертуэйт, чувствуя себя безнадежно старомодным.

— А мне нравится, когда у мужчины есть любовные связи, — продолжала Мими. — Значит, он не гомик и вообще без всяких отклонений.

Викторианским представлениям мистера Саттертуэйта был нанесен еще один сокрушительный удар. Бедняга совсем растерялся. Мими, казалось, не замечала его смущения.

— Знаете, — продолжала она как ни в чем не бывало, — сэр Чарлз на самом деле гораздо умнее, чем вы, может быть, думаете. Конечно, порой он ведет себя так, будто он на сцене, играет очередную роль. Послушать его, так он и под парусом ходить не умеет. Но за этой маской кроется недюжинный ум. Вы, наверное, считаете, что он все время позирует — ничего подобного. Посмотрите, как он теперь держится. Вы скажете — рисуется, примеряет к себе роль великого детектива. Да, если он действительно захочет сыграть эту роль, у него она прекрасно получится.

— Возможно, — согласился мистер Саттертуэйт. Тон, которым это было произнесено, явственно выдавал его чувства. Мими не преминула облечь их в словесную форму со всей присущей ей пылкостью.

— Значит, по-вашему, тут разыгралась не ужасная трагедия под названием «Смерть пастора», а всего лишь грустная интермедия «Печальное происшествие на званом обеде», обычная семейная драма. Интересно, что думает мосье Пуаро. Уж он-то в таких делах должен разбираться.

— Мосье Пуаро посоветовал дождаться результатов анализа коктейля. Но, по его мнению, оснований для подозрений нет.

— Что ж, — сказала Мими. — Он постарел. Его время прошло.

Мистер Саттертуэйт внутренне содрогнулся, а Мими продолжала, не заметив, как жестоко прозвучали ее слова.

— Пойдемте к нам, попьете с мамой чаю. Вы ей нравитесь. Она мне говорила.

Весьма польщенный, мистер Саттертуэйт принял приглашение.

Придя домой, Мими поспешила позвонить сэру Чарлзу и объяснить, куда подевался его гость.

Мистера Саттертуэйта провели в крохотную гостиную, обитую выцветшим ситцем и уставленную старинной, тщательно отполированной мебелью. Гостиная была выдержана в безупречно викторианским духе. «Вот комната истинной леди», — одобрительно подумал мистер Саттертуэйт.

У них с леди Мэри завязалась приятная, совсем не светская, как можно было бы ожидать, беседа. Они болтали

мило и непринужденно, совсем по-домашнему. Заговорили о сэре Чарлзе. Близко ли его знает мистер Саттертуэйт? Не сказать, чтобы слишком, но… Несколько лет назад он вложил деньги в один спектакль, где играл сэр Чарлз. С тех пор они подружились.

— Он необыкновенно обаятелен, — с улыбкой сказала леди Мэри, — Мими со мной согласна. Думаю, вы заметили, что она жаждет обрести кумир, которому можно поклоняться?

Мистер Саттертуэйт подумал, что леди Мэри, должно быть, немного встревожена этим обстоятельством. Но ничуть не бывало.

— Мими совсем не знает света, — вздохнула она. — Мы весьма стеснены в средствах. Моя кузина вывозила ее несколько раз, когда Мими гостила у нее в городе, но с тех пор, не считая случайных визитов, бедная девочка безвыездно сидит дома. А ведь в молодости надо познавать мир, вращаться в обществе. Это просто необходимо, иначе… Словом, чрезмерная замкнутость в семейном кругу таит в себе бездну опасностей.

Мистер Саттертуэйт согласился с леди Мэри. Он сразу подумал о сэре Чарлзе и прогулках на яхте, но вскоре выяснилось, что почтенная дама имеет в виду совсем иное.

— Как славно, что сэр Чарлз поселился тут у нас. Для дочери это соседство весьма благотворно. Круг ее общения сразу расширился. Понимаете, здесь у нас очень мало молодежи, а юноши просто все наперечет. Боюсь, Мими выскочит замуж за кого попало, просто потому, что нет никакого выбора.

Мистер Саттертуэйт, как всегда, понял все с полуслова.

— Вы говорите о молодом Оливере Мендерсе, не так ли?

Леди Мэри залилась румянцем. Она была искренне удивлена.

— О, мистер Саттертуэйт, не понимаю, как вы догадались! Я и впрямь думала именно о нем. Одно время они с Мими были неразлучны. Верно, я несколько старомодна, но признаться, не могу одобрить направления его мыслей.

— Молодые люди должны перебеситься, — заметил мистер Саттертуэйт.

Леди Мэри покачала головой:

— Мне так тревожно… Конечно, он подходящая партия, я давно знаю и Оливера Мендерса, и его дядю, который недавно взял Оливера к себе на службу. Весьма состоятельный человек. Но дело не в этом… Конечно, глупо с моей стороны, но…

И она, не находя слов, чтобы выразить одолевавшие ее сомнения, снова покачала головой.

— И тем не менее, леди Мэри, вы ведь не желаете, чтобы ваша дочь вышла замуж за человека, вдвое ее старше, — тихо и доверительно сказал мистер Саттертуэйт, вдруг почувствовав себя другом дома.

Ответ леди Мэри его удивил.

— Возможно, это было бы даже лучше. По крайней мере знаешь, чего от него ждать. В этом возрасте мужчины обычно не совершают безумств, грехи молодости уже позади, и они становятся…

Леди Мэри не успела закончить фразу, как в гостиную влетела Мими.

— Как ты долго, дорогая, — сказала леди Мэри.

— Звонила сэру Чарлзу, мамочка. Он остался один на один со своей славой. — Мими с упреком посмотрела на мистера Саттертуэйта. — Вы мне ничего не сказали. Оказывается, все разъехались!

— Да, еще вчера. Остался только сэр Бартоломью Стрендж. Он хотел побыть с сэром Чарлзом еще дня два, но сегодня утром срочной телеграммой его вызвали в Лондон. Один из его пациентов тяжело занемог.

— Жаль, — сказала Мими. — Мне хотелось еще раз на всех посмотреть. Вдруг удалось бы найти ключ.

— Какой ключ, дорогая?

— Мистер Саттертуэйт знает. А впрочем, это не важно. Оливер пока еще здесь. Его мы тоже привлечем. Он неплохо соображает, когда захочет.

Когда мистер Саттертуэйт вернулся в «Вороново гнездо», сэр Чарлз сидел на террасе, глядя на море.

— Привет, Саттертуэйт. Пили чай у Литтон Горов?

— Да. Надеюсь, вы ничего не имеете против?

— Разумеется, нет. Мими мне звонила… Удивительное создание…

— И весьма привлекательное, — заметил мистер Саттертуэйт.

— Гм, да, пожалуй.

Сэр Чарлз встал, прошелся по террасе.

— Господи! — вдруг с горечью воскликнул он. — И зачем только я сюда приехал!

Глава 5

— Да, ему не позавидуешь! — сказал себе мистер Саттертуэйт.

Внезапно он почувствовал жалость к своему другу. Влюбиться в пятьдесят два года! Надо ж такому случиться! И с кем! С Чарлзом Картрайтом, легкомысленным и беспутным сердцеедом. И ведь отлично понимает, какое разочарование его ждет. Юные тянутся к юным.

«Обычно девушки своих чувств напоказ не выставляют, — подумал мистер Саттертуэйт. — А Мими будто нарочно старается показать, что неравнодушна к сэру Чарлзу. Если бы действительно с ее стороны что-то было, она не стала бы этого афишировать. Юный Мендерс — вот кто у нее на уме».

Как правило, мистер Саттертуэйт отличался большой проницательностью.

Однако он не учел одно обстоятельство, возможно, потому, что даже и не подозревал о его существовании: юные не ценят преимуществ молодости, напротив, зрелый возраст в глазах молодой девушки лишь добавляет привлекатель-

ности ее избраннику. Далеко не молодой мистер Саттертуэйт был уверен, что Мими не может предпочесть мужчину средних лет своему ровеснику. Ведь молодость — это неоценимый, волшебный дар, выше которого нет ничего на свете, так он считал.

Он еще более укрепился в этих мыслях, когда Мими позвонила после обеда и попросила разрешения привести Оливера, чтобы, как она выразилась, посоветоваться, Бесспорно, он был красив, этот молодой человек — темные, с тяжелыми веками глаза, звериная грация в движениях. Казалось, он просто позволил себя привести, не в силах противиться напору Мими. Видно было, что к ее затее он относится с ленивым пренебрежением.

— Пожалуйста, уговорите мисс Литтон Гор бросить все это, сэр, — обратился он к сэру Чарльзу. — Только ужасающе здоровая буколическая жизнь[3], которую она ведет, может породить такую неуемную энергию. Знаете, Мими, вы просто отвратительно энергичны. И вообще, что у вас за детские пристрастия везде искать убийства, сенсации и прочий вздор?

— Однако вы скептик, Мендерс!

— Разумеется, сэр. Беббингтон — симпатичнейший старый зануда. И умер он своей смертью. Подозревать здесь

убийство, по-моему, просто смешно.

— Надеюсь, вы окажетесь правы, — сказал сэр Чарлз.

Мистер Саттертуэйт бросил на него быстрый взгляд. Какую роль играет сейчас Чарлз Картрайт? Нет, это уже не бывалый моряк и не знаменитый сыщик. Это уже что-то новенькое.

Мистер Саттертуэйт был поражен, когда понял, в каком амплуа выступает сейчас его друг. Сэр Чарлз играл вторую скрипку — при Оливере Мендерсе.

Он отсел в сторонку, в темный угол и наблюдал за Мими и Оливером. Они, как всегда, спорили, Мими — пылко, Оливер — томно.

Сэр Чарлз выглядел сейчас старше, чем обычно, и казался утомленным.

Мими с обычной своей горячностью и самоуверенностью все время пыталась вовлечь его в разговор, но он отвечал неохотно и односложно.

Около одиннадцати Мими и Оливер собрались уходить. Сэр Чарлз тоже вышел на террасу — хотел посветить им фонариком, чтобы не оступились на крутой каменистой тропинке.

Однако в этом не было никакой необходимости — стояла великолепная лунная ночь. Молодые люди ушли, их голоса доносились все слабее.

«Луна луной, а схватить простуду не хотелось бы», — подумал мистер Саттертуэйт и вернулся в гостиную. Сэр Чарлз еще немного постоял на террасе. Потом вошел, запер за собою дверь и, подойдя к бару, налил себе виски с содовой.

— Завтра уезжаю отсюда навсегда, — сказал он.

— Что?! — удивленно вскричал мистер Саттертуэйт. На лице сэра Чарлза мелькнуло что-то вроде грустного удовольствия — его признание явно произвело сильное впечатление на мистера Саттертуэйта.

— Это — единственное, — что — мне — остается, — сказал сэр Чарлз, делая ударение на каждом слове. — Виллу продам. Никто никогда ничего не узнает… — Голос его чуть заметно, но весьма эффектно дрогнул.

Самолюбие сэра Чарлза, уязвленное ролью второй скрипки, жаждало удовлетворения. Теперь он исполнял великолепную сцену самопожертвования, столь часто игранную им в разных спектаклях: вот он во имя священных уз брака отрекается от возлюбленной и отсылает ее назад, в объятия безутешного супруга; или в силу роковых обстоятельств отказывается от девушки, к которой пылает безумной страстью.

— Убраться с дороги — вот все, что я могу сделать, — продолжал он с веселым отчаянием в голосе. — Молодость тянется к молодости… Эти двое, они созданы друг для друга… Я должен исчезнуть…

— Куда же это? — поинтересовался мистер Саттертуэйт.

Сэр Чарлз беззаботно махнул рукой.

— В никуда. Разве теперь это важно?.. Может быть, махну в Монте-Карло, — добавил он вдруг, немного выйдя из образа, но тут же спохватился и заговорил, как того требовала чувствительная сцена, упавшим голосом:

— Затеряться ли в толпе.., или в пустыне… Какая разни-

ца? По сути своей человек всегда одинок… Одиночество — вот мой удел…

Это была явно реплика под занавес.

Кивнув своему собеседнику и единственному зрителю, сэр Чарлз покинул комнату.

Мистер Саттертуэйт, следуя примеру хозяина, тоже решил идти спать.

«Ну уж, ты если и затеряешься, то отнюдь не в пустыне», — с усмешкой подумал он.

Наутро сэр Чарлз, извинившись, объявил своему другу, что покидает его — сегодня же уезжает в город.

— Вы же оставайтесь, дружище. Хотя бы до завтра. Я знаю, вы собирались к Харбертонам в Тевисток. Шофер отвезет вас туда на автомобиле. Я же, приняв решение, не должен мешкать. Главное — не мешкать!

Сэр Чарлз решительно расправил плечи, крепко пожал мистеру Саттертуэйту руку и препоручил его всемогущей

мисс Милрей.

Мисс Милрей, как и прежде, была готова взвалить на себя все дела и заботы. Узнав о намерениях сэра Чарлза, она не выразила ни удивления, ни каких-либо иных чувств. Тщетно старался мистер Саттертуэйт вызвать ее на разговор. Ничто не могло вывести мисс Милрей из равновесия, — кажется, поумирай внезапно все кругом, она и бровью не поведет. Что бы ни случилось, она все принимала как данность и сразу начинала действовать наиболее целесообразным образом. Она телефонировала агентам по продаже недвижимости, рассылала за границу телеграммы, истово стучала на пишущей машинке. Мистер Саттертуэйт, удрученный зрелищем столь сокрушительной деловитости, бежал из дома. Он бесцельно брел по причалу, когда кто-то вдруг схватил его за руку. Обернувшись, он увидел бледную и взволнованную Мими.

— Что все это значит? — гневно выпалила она.

— Что именно? — попытался выиграть время мистер Саттертуэйт.

— Говорят, сэр Чарлз уезжает.., и собирается продавать «Вороново гнездо».

— Совершенно верно.

— Он уезжает?!

— Уже уехал.

— О! — Мими выпустила его руку. Она вдруг показалась ему маленькой девочкой, которую жестоко и несправедливо обидели.

Мистер Саттертуэйт не знал, что сказать.

— Куда он уехал?

— За границу. На юг, во Францию.

— О!

И снова он не нашел, что ответить. Нет, видно, сэр Чарлз для нее не просто кумир, тут еще и нечто иное…

Мистеру Саттертуэйту стало жаль девушку, и он принял-

ся сочинять в уме речь, которая могла бы ее утешить, как вдруг она сама заговорила, чем повергла его в неописуемый ужас.

— Это все они! Те две стервы! Но все-таки которая же из них? — Мими задыхалась от ярости.

Мистер Саттертуэйт смотрел на нее, разинув рот. Мими снова схватила его за руку и принялась трясти что было сил.

— Вы знаете! — кричала она. — Которая из них? Та, что седая, или другая?

— Постойте, дорогая, я не понимаю, о чем вы?

— Как бы не так! Отлично понимаете! Конечно же тут замешана женщина! Ведь я ему нравилась, знаю, что нравилась. Проклятье! Ведьмы, они, должно быть, это поняли тогда, в тот вечер. Ненавижу женщин! Мерзкие твари! А как она одета, помните, та, что с зелеными волосами? Я чуть не лопнула от зависти. Такое платье рассчитано на то, чтобы привлекать мужчин. И не возражайте! Конечно, она стара и безобразна как смертный грех, но это ничему не мешает. По сравнению с ней любая из нас кажется чучелом. Так это она? Или другая, та, что с седыми волосами? В

ней что-то есть — сразу видно. Она из тех, кто, как магнит, притягивает к себе мужчин. И он называл ее Анджи… Ту, что похожа на сухую кочерыжку, можно в расчет не брать. Так какая же все-таки — та, что разодета, или Анджи?

— Душенька, вы бог знает что выдумали. Его.., э-э… Чарлза Картрайта ни капельки не интересует ни та, ни другая.

— Не верю! Во всяком случае, он-то их интересует.

— Нет, нет и нет. Вы ошибаетесь. Все это ваши фантазии.

— Стервы! — сказала Мими. — Вот они кто!

— Не следует употреблять этого слова, душенька.

— В таком случае могу придумать что-нибудь и похлеще!

— Верю, верю. Только, заклинаю вас, не делайте этого! Поймите, вы глубоко заблуждаетесь.

— Тогда почему он отсюда бежал?

Мистер Саттертуэйт закашлялся.

— Полагаю, он.., э-э, думал, что так будет лучше.

Мими так и впилась в него взглядом.

— Вы считаете, что он бежал.., из-за меня?

— Ну да.., отчасти, возможно.

— Так, значит, он бежал от меня… Наверно, я была более откровенна, чем следует. Мужчины терпеть не могут, когда за ними гоняются, правда? Видно, мама права… Вы не представляете, как она забавно говорит о мужчинах, так старомодно и уважительно: «Мужчина ненавидит, когда его преследуют. Порядочная девушка не должна бегать за мужчиной. Пусть он бегает». Пусть «бегает»! Звучит двусмысленно, вам не кажется? Ведь можно истолковать и наоборот. Сэр Чарлз так и сделал. Бежал от меня. Испугался. Черт побери! И ведь нельзя за ним бежать — того и гляди, загонишь его на край света.

— Гермиона, — сказал мистер Саттертуэйт, — достаточно

ли серьезно ваше отношение к сэру Чарлзу?

Девушка метнула на него нетерпеливый взгляд.

— Ну конечно!

— А как же Оливер Мендерс?

Но Мими только небрежно отмахнулась от этого вопроса, а вместе с ним и от Оливера Мендерса. Ее мысли были заняты совсем другим.

— А если написать ему, как вы думаете? Конечно, ничего такого, что может его отпугнуть, так просто, вздор какой-нибудь, светские сплетни… Пусть успокоится и поймет, что ему нечего бояться, правда?

Она нахмурилась.

— Какая же я дуреха! Вот мама бы куда лучше со всем этим справилась. У них, у тех, кто воспитан в викторианском духе, столько разных уловок в запасе. Могут, например, зардеться, как маков цвет, и удалиться. Я ничего этого не умею. Я думала, его надо как-то поощрять. Немного

подталкивать, что ли. Скажите, — она резким движением повернулась к мистеру Саттертуэйту, — скажите, он видел, как мы с Оливером поцеловались?

— Не знаю. Когда?

— Ну в ту лунную ночь. Когда спускались по тропинке. Я думала, сэр Чарлз смотрит на нас с террасы. Мне казалось, если он увидит, как мы с Оливером… Ну, я подумала, что это его немного расшевелит. Ведь я же ему нравилась. Ей-богу, нравилась.

— Не слишком ли жестоко вы обошлись с Оливером?

Мими решительно тряхнула головой.

— Ничуть. Оливер считает, что его поцелуй — великая честь. Конечно, это удар по его тщеславию, но, право, мне теперь не до него. Я хотела подстегнуть Чарлза. Он в последнее время переменился, стал какой-то официальный.

— Дитя мое, мне кажется, вы не понимаете, почему сэр Чарлз бежал столь поспешно. Он подумал, что вы питаете склонность к Оливеру. Он бежал, чтобы избавить себя от ненужных страданий.

Мими круто повернулась к нему, схватила за плечи и впилась в него взглядом.

— Это правда? Неужели это правда? Остолоп! Болван! О, Боже!..

Она выпустила мистера Саттертуэйта и зашагала рядом, подпрыгивая от возбуждения.

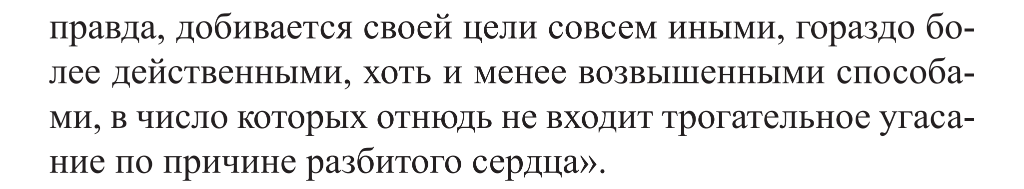
— Ну, тогда он вернется, — сказала она. — Вернется. А если нет…

— А если нет?

Мими засмеялась.

— Я его заставлю. Вот увидите.

«Разумеется, лексикон мисс Литтон Гор несколько отличается от лексикона лилейной девы, обитавшей в Астолате, — думал мистер Саттертуэйт, — тем не менее между ними можно усмотреть значительное сходство. Мими,

правда, добивается своей цели совсем иными, гораздо более действенными, хоть и менее возвышенными способами, в число которых отнюдь не входит трогательное угасание по причине разбитого сердца».

Акт второй

«Уверенность»

Глава 1

Сэр Чарлз получает письмо

Мистер Саттертуэйт решил денек-другой провести в Монте-Карло. В сентябре всем прочим местам на свете он предпочитал Французскую Ривьеру, тем более что в Англии летний сезон светских раутов к этому времени уже завершился.

Мистер Саттертуэйт сидел в парке, наслаждаясь солнцем и просматривая позавчерашний номер «Дейли мейл».

Внезапно знакомое имя привлекло его внимание. «Смерть сэра Бартоломью Стренджа». Мистер Саттертуэйт быстро пробежал глазами заметку:

«С прискорбием извещаем о смерти сэра Бартоломью Стренджа, известного специалиста по нервным болезням. В этот день сэр Бартоломью устраивал званый вечер в своем загородном доме в Йоркшире. Он был совершенно здоров и находился в превосходном расположении духа. Смерть наступила внезапно, в конце обеда. Сэр Бартоломью оживленно разговаривал, держа в руках рюмку портвейна, когда с ним неожиданно случился апоплексический удар. Он скончался, прежде чем ему успели оказать медицинскую помощь. Мы понесли невосполнимую утрату. Сэр Бартоломью был…»

Затем следовало описание выдающейся деятельности и заслуг сэра Бартоломью Стренджа.

Газета выпала из рук мистера Саттертуэйта. Он был пот-

рясен. Перед глазами у него стоял доктор, такой, каким он запомнился ему в последний раз — крепкий, пышущий здоровьем, в расцвете сил. И вот, пожалуйста, — скоропостижно скончался. В сознании мистера Саттертуэйта назойливо мелькали обрывки фраз из газетной статьи: «…держа в руках рюмку портвейна…», «…неожиданно случился апоплексический удар…», «…скончался, прежде чем ему успели оказать медицинскую помощь…»

Не коктейль, правда, а портвейн, но в остальном все поразительно схоже с тем, что произошло в Корнуолле. В памяти всплыло кроткое лицо мистера Беббингтона, искаженное болью…

«Ну, в конце концов, допустим…» — начал было сам с собой рассуждать мистер Саттертуэйт, как вдруг увидел, что к нему по лужайке приближается сэр Чарлз Картрайт.

— Саттертуэйт, вот так встреча! Именно вас-то мне и надо! Вы уже знаете о Толли?

— Вот только что прочел.

Сэр Чарлз плюхнулся на скамью рядом с мистером Саттертуэйтом. На нем был новенький, с иголочки, яхтсменский костюм. Ни тебе серых фланелевых штанов, ни грубо-

го свитера. Элегантный спортсмен, какого можно увидеть только здесь, на Ривьере.

— Послушайте, Саттертуэйт, Толли был здоров как бык. Абсолютно здоров! Можете считать, что я свихнулся, но то, что с ним случилось, как две капли воды похоже на.., на то, что…

— Случилось в Лумауте? Да, вы правы… А впрочем, мы, наверное, ошибаемся. Это, может быть, чисто внешнее сходство. В конце концов внезапная смерть наступает сплошь и рядом от самых разных причин.

Сэр Чарлз нетерпеливо поморщился.

— Я только что получил письмо, — сказал он, — от Мими Литтон Гор.

— Первое? — спросил мистер Саттертуэйт, пряча улыбку.

— Нет, — простодушно ответил сэр Чарлз, — первое я получил вскоре после приезда сюда. Почти сразу. Она сообщала всякие новости.., и прочее. Я ей не ответил… К черту это все, Саттертуэйт! Я не решился ей писать… Она ни о чем не догадывается, разумеется.., я не желаю ставить

себя в дурацкое положение.

— А что она пишет теперь?

— Теперь… Зовет приехать и помочь ей…

— Помочь? — удивился мистер Саттертуэйт.

— Да, понимаете, когда это случилось с Толли.., она там была.., у него.

— Была у сэра Бартоломью Стренджа, когда он умер?

— Да.

— И что она об этом пишет?

Сэр Чарлз вытащил из кармана письмо. Немного поколебавшись, он протянул его другу.

— Прочтите сами.

Мистер Саттертуэйт принялся читать с живейшим любопытством:

«Дорогой сэр Чарлз, не знаю, когда это письмо до вас дойдет. Надеюсь, скоро. Я так тревожусь, просто не знаю, что делать. Думаю, вы уже знаете из газет о смерти сэра Бартоломью Стренджа. Понимаете, дело в том, что скончался он точно так же, как мистер Беббингтон. Таких совпадений просто не бывает… Не может быть, и все тут… Я страшно обеспокоена всем этим…

Послушайте, может быть, вы вернетесь и что-нибудь предпримете? Возможно, мои выводы покажутся вам слишком уж поспешными, но ведь у вас и раньше были подозрения, только никто не хотел к вам прислушаться. И вот теперь убит не кто-нибудь, а ваш друг. Если вы не вернетесь, никто никогда не докопается до истины, а вы можете это сделать, я уверена. Я всей душой это чувствую…

Да, вот еще что. Я серьезно тревожусь об одном человеке… Он здесь абсолютно ни при чем, уверена, но все получилось как-то странно. Право, не умею объяснить всего этого в письме… Может быть, вы все-таки вернетесь? И выясните всю правду. Уверена, у вас получится.

Искренне ваша

Мими».

— Ну, что? — нетерпеливо спросил сэр Чарлз. — Конечно, немного сумбурно, видно, она очень спешила. Что скажете?

Мистер Саттертуэйт медленно сложил листок, стараясь выиграть время. Да, письмо сумбурно, но он отнюдь не был уверен, что оно написано в спешке. Напротив, ему показалось, что оно тщательно продумано. Оно взывало к самолюбию сэра Чарлза, его благородству и мужеству.

Мистер Саттертуэйт, который довольно хорошо изучил сэра Чарлза, был убежден, что он клюнет на эту приманку.

— Кто этот «один человек», как вы думаете? — спросил мистер Саттертуэйт.

— Мендерс, я полагаю.

— Он что, тоже там был?

— Вероятно. Правда, не понимаю, как он там оказался. Толли встречался с ним только раз — в тот вечер, у меня. Почему он пригласил Мендерса, не представляю.

— Он что, часто устраивал такие приемы?

— Раза три-четыре в году. И уж непременно в день начала ежегодных скачек «Сент-Леджер».

— И подолгу он бывал в Йоркшире?

— Да, у него там большой санаторий.., или частная лечебница, как угодно. Он купил и восстановил старинное поместье Мэлфорт-Эбби и на его территории построил санаторий.

— Понятно.

Мистер Саттертуэйт немного помолчал.

— Интересно, кто еще был в числе приглашенных? — ска-

зал он.

Сэр Чарлз предположил, что это легко можно узнать из газет, и они вдвоем принялись просматривать разделы светской хроники.

— Ага, вот оно, — сказал сэр Чарлз и стал читать вслух:

«Сэр Бартоломью Стрендж, как обычно, в день начала ежегодных скачек „Сент-Леджер“ приглашает друзей погостить в его загородном доме в Йоркшире. Среди приглашенных лорд и леди Идеи, леди Мэри Лигптон Гор, сэр Джослин и леди Кемпбелл, капитан Дейкерс и миссис Дейкерс, мисс Анджела Сатклифф, известная актриса».

Сэр Чарлз и мистер Саттертуэйт посмотрели друг на друга.

— Дейкерсы, Анджела Сатклифф, — сказал сэр Чарлз, — но ни слова об Оливере Мендерсе.

— Давайте посмотрим сегодняшнюю «Континентал дейли мейл», — предложил мистер Саттертуэйт. — Может быть,

там что-нибудь есть?

Сэр Чарлз стал не спеша перелистывать газету, и вдруг он весь напрягся.

— Господи! Вы только послушайте, Саттертуэйт.

«В ходе расследования по делу покойного сэра Бартоломью Стренджа сегодня подтвердился вердикт, гласящий, что смерть наступила вследствие отравления никотином. Сведениями о том, кем и каким образом был использован этот яд, следствие не располагает».

Сэр Чарлз нахмурился.

— Отравлен никотином. Звучит не очень убедительно — как-то не верится, что от никотина может случиться удар. Ничего не понимаю.

— И что же вы намерены делать?

— Что делать? Заказать на сегодняшний же вечер место в

спальном вагоне «Голубого экспресса».

— Отлично, — сказал мистер Саттертуэйт. — Вероятно, и я поступлю точно так же.

— И вы? — удивился сэр Чарлз.

— Именно. Такие происшествия как раз по моей части, — скромно ответил мистер Саттертуэйт. — Я.., э-э.., у меня есть некоторый опыт. К тому же я хорошо знаю полковника Джонсона, начальника тамошней полиции. Такое знакомство нам пригодится.

— Спасибо, старина, — с чувством сказал сэр Чарлз. — Итак, иду в железнодорожную контору.

«А девица-то не промах, — подумал мистер Саттертуэйт. — Своего добилась. Заставила-таки сэра Чарлза вернуться. Знать бы еще, что в ее письме правда, а что она присочинила. Мисс Литтон Гор обожает приключения, это бесспорно».

Пока сэр Чарлз добывал билеты, мистер Саттертуэйт прогуливался по парку, не без приятности для себя размышляя о мисс Литтон Гор. Ее находчивость и напористость

восхищали его, заставляя умолкнуть слабенький голос викторианской нравственности, осуждающей тех представительниц прекрасного пола, которые в сердечных делах осмеливаются поступать слишком решительно, отнимая эту возможность у сильной половины рода человеческого.

Мистер Саттертуэйт, как уже упоминалось, отличался редкой наблюдательностью. Внезапно он прервал свои размышления о женском поле вообще и о мисс Литтон Гор в частности, воскликнув про себя: «Ну и голова, ни дать ни взять — яйцо! Где-то я уже ее видел… Но где?»

Обладатель головы столь редкостной формы сидел на скамье, задумчиво глядя в пространство. Это был коротенький человечек с большущими усами, которые до смешного не вязались с его ростом.

Невдалеке, недовольно хмурясь и переминаясь с ноги на ногу, стояла маленькая английская девочка. Время от времени она в задумчивости принималась пинать носком туфельки бордюр, окаймляющий клумбу с лобелией[4].

— Ну, что ты делаешь, дорогая! Перестань, пожалуйста, — рассеянно сказала ей мать и снова погрузилась в модный журнал.

— А что мне еще делать? — буркнула малышка. Низенький человечек обернулся к девочке, и тут мистер Саттертуэйт узнал его.

— Мосье Пуаро, — сказал он. — Какая приятная неожиданность!

Мосье Пуаро поднялся со скамьи и отвесил изысканно-вежливый поклон:

— Enchante, monsieur.[5]

Обменявшись рукопожатием, оба джентльмена уселись рядом.

— Такое впечатление, что все съехались в Монте-Карло. Полчаса назад я встретил тут сэра Чарлза Картрайта, а теперь вот вас.

— Разве сэр Чарлз тоже здесь?

— Да, занимается парусным спортом. Вы слышали, что он навсегда расстался с Лумаутом?

— Нет, не слышал и, признаться, очень удивлен.

— А я нет. Видите ли, Картрайт не из тех, кто способен навсегда удалиться от света.

— Да-да, в этом-то я целиком с вами согласен. Меня удивляет другое. Ведь, кажется, у сэра Чарлза есть особая — и надо сказать, обворожительная! — причина, удерживающая его в Лумауте, а? Разве я не прав? Эта забавная девчушка, которую все зовут Мими?

Глаза Пуаро лукаво поблескивали.

— О, значит, вы тоже это заметили?

— Разумеется. У меня безошибочный нюх, впрочем, у вас, кажется, тоже. Ах, lajeunesse![6] Она так трогательна!

Он вздохнул.

— Да-а, насчет причины вы попали в самую точку, — сказал мистер Саттертуэйт. — Однако именно поэтому-то сэр

Чарлз и бежал из Лумаута.

— Бежал от мадемуазель Литтон Гор? Но ведь он ее обожает, это ясно как день. Зачем же бежать?

— Ах, мосье Пуаро, вам этого не понять. Чисто национальные комплексы, свойственные только нам, англосаксам.

Однако мосье Пуаро продолжал развивать свою мысль.

— Конечно, — сказал он, — это лучший способ достичь своей цели. Стоит только бежать от женщины, как она тут же бросится вдогонку за вами. Безусловно, сэр Чарлз, столь опытный в сердечных делах, хорошо это знает.

Рассуждения мосье Пуаро позабавили мистера Саттертуэйта.

— Признаться, у меня на этот счет иное мнение, — сказал он. — А что привело сюда вас? Вы на отдыхе?

— Да, теперь это мое обычное времяпрепровождение. Видите ли, я весьма преуспел в своей профессии. Нажил изрядное состояние. Ушел в отставку. Теперь вот путешест-

вую, смотрю на мир.

— Превосходно! N’est ce pas?[7]

— Ма-мо-чка, — капризно затянула девочка, — ну чем мне заняться, скажи?

— Моя дорогая, — с упреком обратилась к ней мать, — разве тебе здесь не нравится? Посмотри, какое теплое солнышко!

— Но мне здесь нечем заняться!

— Побегай, поиграй. Ступай посмотри на море.

— Maman, — сказала вдруг невесть откуда взявшаяся девочка-француженка. — Joue avec moi![8]

— Amusetoi avec ta balle, Marcelle![9], — досадливо поморщилась maman, подымая глаза от книги.

С унылым видом малышка послушно принялась стучать мячом о землю.

— Jema’muse[10], — вздохнул Эркюль Пуаро с грустью. И как бы в ответ на мысль, которую он прочел во взгляде мистера Саттертуэйта, проговорил:

— И все же… Ну, вы меня понимаете…

Наступило неловкое молчание.

— Видите ли, — снова заговорил Пуаро. — Детство у меня прошло в бедности. Семья была большая, и нам пришлось самим выбиваться в люди. Я пошел работать в полицию, трудился в поте лица. И постепенно поднимался по служебной лестнице. Мое имя стало известным в профессиональных кругах, сначала на родине, в Бельгии, а потом и в других странах. Потом я вышел в отставку. А вскоре после этого началась война.[11] Я был ранен. Больной и измученный, я приехал в Англию и нашел здесь приют у одной добросердечной леди. И вдруг она умирает.., насильственной смертью — ее отравили. Eh bien, тут уж я сделал все, на что был способен. Заставил поработать свои серые клеточки. И нашел убийцу. Тогда я понял, что для меня еще не все потеряно. В самом деле, я никогда прежде не чувствовал себя столь уверенно. Так началась моя новая деятельность в качестве частного сыщика. Сколько захватывающих, загадочных, головоломных дел я распутал! Ах, мистер Саттертуэйт, что это была за жизнь! Какая уди-

вительная вещь людская психология! Вскоре я стал весьма состоятельным человеком. И вот в один прекрасный день я понял, что могу осуществить все свои мечты — денег у меня хватит.

Пуаро положил руку на колено мистера Саттертуэйта.

— Друг мой, — с чувством продолжал Пуаро, подавшись к собеседнику, — бойтесь того дня, когда ваши мечты сбудутся. Посмотрите на эту малышку. Как она мечтала о загранице.., казалось, что все будет таким удивительным, таким необыкновенным. Понимаете, о чем я?

— Понимаю, — сказал мистер Саттертуэйт. — Вы не радуетесь жизни.

— Совершенно верно, — кивнул Пуаро и, глядя на своего собеседника, подумал про себя: «До чего же он похож на доброго гнома!»

И впрямь, на маленьком сморщенном личике мистера Саттертуэйта выражалось живое сочувствие, глаза щурились в добродушно-лукавой улыбке. «Сказать? Или все-таки промолчать?» — прикидывал он.

Потом подчеркнуто неторопливо он развернул газету, которую все еще держал в руках.

— Вы уже видели это, мосье Пуаро? — сказал он, указывая на сообщение о смерти сэра Бартоломью.

Пуаро взял газету. Мистер Саттертуэйт внимательно наблюдал за ним. Лицо маленького бельгийца было непроницаемо, однако чувствовалось, что он весь напрягся, как терьер, учуявший в норе крысу.

Эркюль Пуаро еще раз пробежал глазами сообщение, сложил газету и вернул ее мистеру Саттертуэйту.

— Любопытно, — сказал он.

— Да. Похоже, сэр Чарлз был прав, а мы все ошибались.

— Да, — кивнул Пуаро, — кажется, мы ошибались… Признаться, мой друг, мне не верилось, что кто-то мог убить этого безобидного старика… Что ж, вероятно, я ошибся… Хотя, понимаете, не исключено, что вторая смерть — просто совпадение. Иногда случаются самые удивительные совпадения! Это говорю вам я, Эркюль Пуаро.

Он помолчал, потом снова задумчиво заговорил:

— Видимо, сэр Чарлз Картрайт интуитивно угадал правду. Он ведь актер… А они так тонко все воспринимают, так впечатлительны, живут чувствами, а не рассудком. Как правило, в жизни это ни к чему хорошему не приводит, но иногда оказывает неоценимую услугу. Кстати, а где сейчас сэр Чарлз?

Мистер Саттертуэйт улыбнулся.

— Могу сказать совершенно точно. Пошел в железнодорожную контору. Мы с ним сегодня возвращаемся в Англию.

— Ага… — многозначительно сказал мосье Пуаро. Его острый, чуть насмешливый взгляд, казалось, спрашивал: «Откуда у нашего славного сэра Чарлза такая прыть? Решил все-таки разыграть роль сыщика-любителя? Или тут что-то другое?»

Мистер Саттертуэйт никак не ответил на этот невысказанный вопрос, но его молчание было столь красноречиво, что мосье Пуаро угадал ответ.

— Понимаю, — сказал он, — Прелестные глазки мадемуазель Литтон Гор играют тут не последнюю роль. Сэр Чарлз руководствуется не только чувством долга, не правда ли?

— Видите ли, мисс Литтон Гор написала ему и просила вернуться.

Пуаро кивнул.

— Любопытно, — сказал он. — Никак не могу понять…

Мистер Саттертуэйт перебил его:

— Нынешних молодых девиц? Стоит ли удивляться? Я тоже их не понимаю. А уж таких, как мисс Литтон Гор…

Тут Пуаро, в свою очередь, прервал его:

— Прошу прощения, я не о том. Мисс Литтон Гор для меня не загадка. Я встречал много таких, как она! Вот вы говорите «нынешние девицы», а по-моему, они… Как бы это сказать?.. Извечный тип.

Мистер Саттертуэйт был немного раздосадован. Ему казалось, что он, и только он, понимает мисс Литтон Гор. А этот нелепый иностранец — что он может знать о молодой девушке, да к тому же англичанке?

— Психология людей… — задумчиво и мечтательно говорил между тем Пуаро. — Что может быть интереснее! Однако знание ее бывает порой весьма опасным оружием.

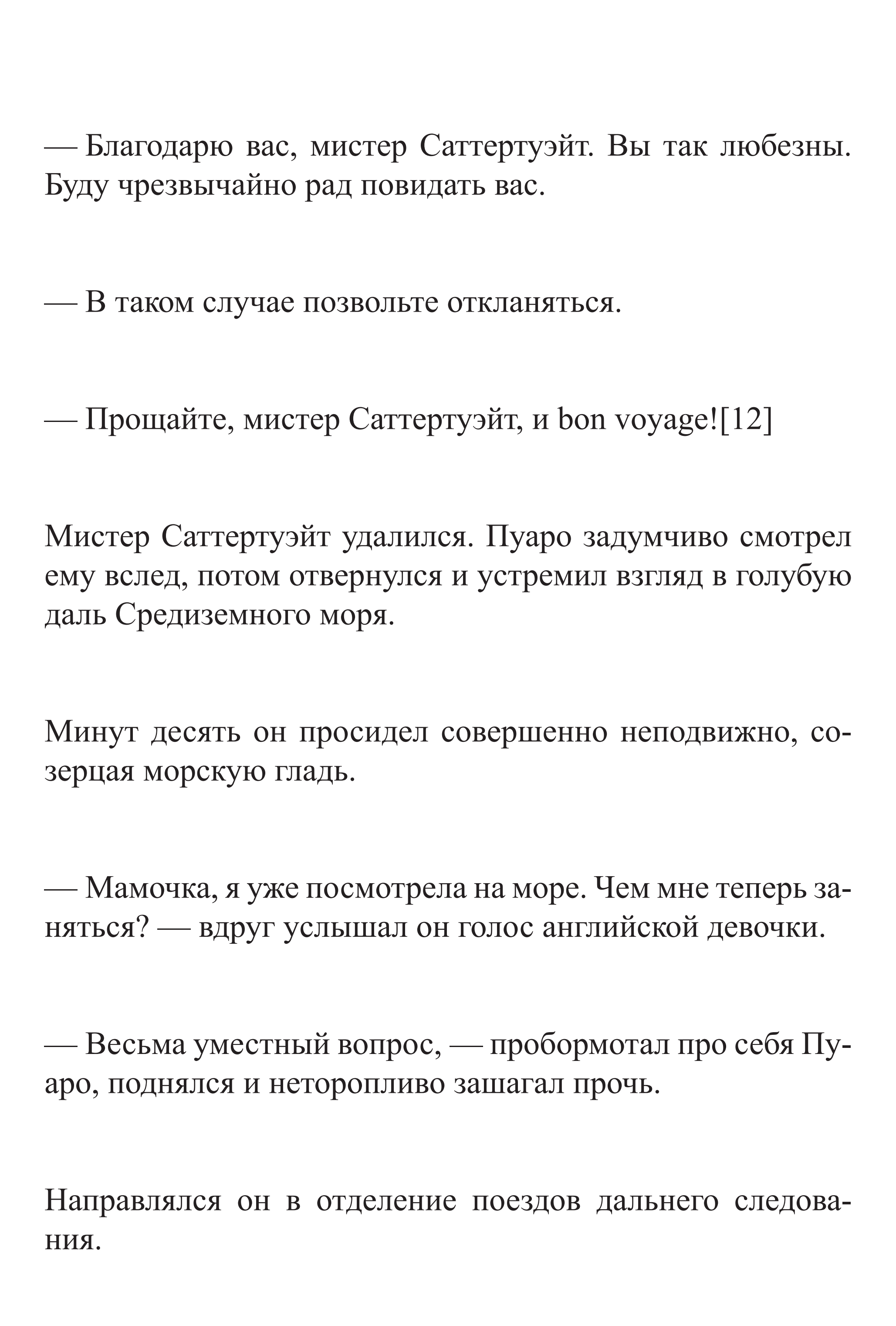
— Полезным, — поправил мистер Саттертуэйт.

— Возможно. Зависит от того, как посмотреть.

— Ну, мне, пожалуй, пора, — нерешительно сказал мистер Саттертуэйт, поднимаясь со скамьи. Он был немного разочарован — рыбка не клюнула на его наживку. Да-а, на этот раз его психологический расчет оказался неверным. — Приятного вам отдыха.

— Благодарю вас.

— Будете в Лондоне, навестите меня. Вот мой адрес. — Мистер Саттертуэйт протянул мосье Пуаро свою визитную карточку.

— Благодарю вас, мистер Саттертуэйт. Вы так любезны. Буду чрезвычайно рад повидать вас.

— В таком случае позвольте откланяться.

— Прощайте, мистер Саттертуэйт, и bon voyage![12]

Мистер Саттертуэйт удалился. Пуаро задумчиво смотрел ему вслед, потом отвернулся и устремил взгляд в голубую даль Средиземного моря.

Минут десять он просидел совершенно неподвижно, созерцая морскую гладь.

— Мамочка, я уже посмотрела на море. Чем мне теперь заняться? — вдруг услышал он голос английской девочки.

— Весьма уместный вопрос, — пробормотал про себя Пуаро, поднялся и неторопливо зашагал прочь.

Направлялся он в отделение поездов дальнего следования.

Глава 2

Исчезновение дворецкого

Сэр Чарлз и мистер Саттертуэйт сидели в кабинете полковника Джонсона. Начальник полиции был высок, краснолиц, с громоподобным голосом и открытым взглядом.

Полковник с явным удовольствием приветствовал мистера Саттертуэйта, а уж при виде сэра Чарлза Картрайта он просто не мог сдержать восторга.

— Моя супруга — заядлая театралка. Она ваша поклонница. Как это говорят американцы? Фанатка? Да-да, именно так их называют — фанаты. Я и сам не прочь посмотреть хорошую добротную пьесу, знаете, без всяких там современных вывертов. Нынче ведь на сцене играют бог знает что — тьфу!

Сэр Чарлз, который никоим образом не мог принять упрек

полковника на свой счет, ибо никогда не играл в пьесах, способных оскорбить хороший вкус, держался со свойственной ему изящной непринужденностью. Когда он упомянул о цели их визита, полковник Джонсон с любезной готовностью рассказал им все, что было известно ему самому.

— Стало быть, он ваш друг? Какое несчастье. Какое непоправимое несчастье! У нас он пользовался большой известностью. Говорят, у него превосходный санаторий, да и сам сэр Бартоломью был отличнейший малый. А уж о том, какой он знаменитый доктор, и говорить нечего. Благородный, великодушный, его все так уважали. Кому бы пришло в голову, что его могут убить! Но это именно убийство. Предполагать самоубийство нет никаких оснований, а о несчастном случае и речи быть не может.

— Мы с мистером Саттертуэйтом только что из-за границы, — сказал сэр Чарлз, — и ничего толком не знаем. Так, кое-что из газет да разные слухи.

— И вы, стало быть, хотите узнать все как можно подробнее? Ну что ж, я расскажу вам, как обстоят дела. Думаю, прежде всего нам надо взяться за поиски дворецкого. Он появился тут совсем недавно, сэр Бартоломью нанял его недели две назад. После убийства он сразу исчез.., испарился, как дым. Подозрительно, правда?

— И куда же он мог деться?

Красное от природы лицо полковника еще больше побагровело.

— Считаете, что это наш промах? Не удивлюсь, черт побери, если у вас сложилось такое впечатление. Разумеется, он был в числе подозреваемых.., как и все остальные. На наши вопросы он отвечал вполне удовлетворительно… Сообщил адрес агентства в Лондоне, через которое он получил место. Перед этим служил у сэра Горацио Бирда. На допросе держался учтиво, никаких признаков волнения или беспокойства не проявлял. А потом исчез… И ведь за домом велось постоянное наблюдение. Мои ребята клянутся, что глаз не сомкнули, но я все равно устроил им хорошую выволочку.

— Поразительно, — заметил мистер Саттертуэйт.

— Кроме всего прочего, — задумчиво проговорил сэр Чарлз, — с его стороны это страшная глупость. Он же понимал, что его ни в чем не подозревают. А своим дурацким побегом только привлек к себе внимание.

— Совершенно верно. Но пусть не надеется — ему от нас

не скрыться. Его приметы разосланы повсюду. Не пройдет и нескольких дней, как его задержат.

— Очень странно, — сказал сэр Чарлз. — Ничего не понимаю.

— О нет! Причина-то ясна. Нервы сдали. Испугался.

— Но если у него хватило мужества совершить убийство, чего же он потом так испугался?

— Бывает… Всякое бывает. Я эту публику знаю. Слабаки в основном. Испугался, что его заподозрили, вот и сбежал.

— А те сведения, что он дал, вы проверили?

— Разумеется, сэр Чарлз. Все как положено. Агентство в Лондоне все подтвердило. Отличное рекомендательное письмо от сэра Горацио Бирда. Правда, сам сэр Горацио сейчас в Западной Африке.

— Значит, письмо может быть поддельным?

— Точно, — сказал полковник Джонсон, одаривая сэра Чарлза благосклонным взглядом, словно школьный учитель, восхищенный успехами своего ученика. — Мы телеграфировали сэру Горацио, однако он сейчас на сафари, и ответ, видимо, немного задерживается.

— Когда исчез этот малый?

— Наутро после смерти сэра Бартоломью. Среди приглашенных на обеде присутствовал доктор, сэр Джослин Кэмпбелл, который, видимо, что-то смыслит в токсикологии. Они с Дэвисом, местным доктором, сошлись во мнениях и сразу же вызвали полицию. В тот же вечер мы всех допросили. Потом Эллис, этот самый дворецкий, ушел к себе в комнату, как обычно, а утром его не нашли. Постель была нетронута.

— Стало быть, бежал под покровом ночи?

— Похоже. А одна из приглашенных, мисс Сатклифф, актриса, может быть, слышали, осталась ночевать в доме сэра Бартоломью.

— Как же, конечно.

— Так вот, мисс Сатклифф подала нам мысль. Она полагает, что дворецкий улизнул из дома через потайной ход. — Полковник с виноватым видом высморкался. — Черт знает что, прямо Эдгар Уоллес, но вообще-то все может быть. Сэр Бартоломью, говорят, даже очень гордился этим самым ходом. Он сам его показывал мисс Сатклифф. Подземный ход ведет к разрушенному кирпичному зданию в полумиле от дома.

— Вполне возможное объяснение, — заметил сэр Чарлз. — Только.., разве дворецкий знал о существовании этого хода?

— В том-то и дело. Моя супруга говорит, что слуги всегда все знают. По-моему, она абсолютно права.

— Насколько я понял, сэра Бартоломью отравили никотином, — сказал мистер Саттертуэйт.

— Верно. Средство-то уж больно необычное. Редко применяется. А если человек такой заядлый курильщик, как доктор, это еще больше осложняет дело. Я хочу сказать, он ведь мог и естественной смертью умереть от никотина. Только, конечно, слишком уж неожиданно все случилось.

— А как это произошло?

— Этого мы не знаем, — признался полковник Джонсон. — В том-то и дело. Медицинская экспертиза показывает, что яд был проглочен сэром Бартоломью за несколько минут до смерти.

— Помнится, там подавали портвейн.

— Верно. Казалось бы, яд должен был быть в портвейне. Однако его там нет. Мы исследовали стакан сэра Бартоломью. В нем, кроме портвейна, ничего не обнаружено. Остальные стаканы стояли на подносе в буфетной, в них тоже никаких примесей не оказалось. И ел сэр Бартоломью то же, что и остальные. Суп, жареный палтус, фазан с картофелем, шоколадное суфле, тосты с икрой. Кухарка служит тут уже пятнадцать лет. Нет, решительно, не вижу никакой возможности подсыпать яд, и тем не менее он обнаружен в желудке сэра Бартоломью. Скверное дело.

Сэр Чарлз живо обернулся к мистеру Саттертуэйту.

— То же самое, — в волнении сказал он. — Совершенно то же самое. Простите, полковник, сейчас все объясню. Точно такой же случай произошел у меня в доме, в Корнуолле…

Полковник слушал с большим интересом.

— По-моему, я слышал об этом. От одной юной леди — мисс Литтон Гор.

— Да-да, она там была. Значит, она вам рассказала?

— Да, и очень отстаивала свою версию. Однако, признаюсь вам, сэр Чарлз, как-то не очень мне во все это верится. И потом, почему исчез дворецкий? У вас ведь дворецкий не исчезал?

— У меня не дворецкий, а горничная.

— А может быть, это был переодетый мужчина?

Сэр Чарлз засмеялся, вспомнив смазливую Тампл, которую природа щедро одарила всяческими женскими прелестями.

Полковник Джонсон тоже улыбнулся с виноватым видом.

— Чего только не взбредет в голову, — смущенно сказал он. — Нет, все-таки я не очень полагаюсь на мнение мисс Литтон Гор. Там ведь умер старик пастор, да? Кому могло понадобиться его убивать?

— Это-то и удивительно, — сказал сэр Чарлз.

— Скорее всего это просто совпадение. А вот дворецким нам надо заняться. Очень возможно, что он преступник-рецидивист. К сожалению, не удалось обнаружить отпечатков пальцев. Следователь все облазил и в спальне, и в буфетной. Увы!

— Если убийца действительно дворецкий, интересно, какие у него были мотивы?

— Это один из самых трудных вопросов, — признался полковник Джонсон. — Может быть, он хотел что-то украсть, а сэр Бартоломью его заподозрил?

Сэр Чарлз и мистер Саттертуэйт хранили вежливое молчание. Да и сам полковник Джонсон, казалось, почувствовал неубедительность своего предположения.

— Пока мы можем только гадать. Вот когда посадим Джо-

на Эллиса под замок да выясним, что он за птица, не попадался ли нам раньше, вот тогда и с мотивами будет полная ясность.

— Полагаю, вы ознакомились с бумагами сэра Бартоломью?

— Разумеется, сэр Чарлз. Мы уделили им самое пристальное внимание. Надо познакомить вас со старшим инспектором Кроссфилдом, которому поручено вести дело. На этого парня можно положиться. Он согласен со мной в том, что преступление, возможно, связано с профессией сэра Бартоломью. Каких только тайн не хранят доктора! Бумаги сэра Бартоломью самым тщательным образом разобраны и каталогизированы. Этим занимались его секретарь, мисс Линден, и старший инспектор Кроссфилд.

— И что же, ничего существенного?

— Ровным счетом ничего, сэр Чарлз.

— А ничего не пропало — серебро, драгоценности, ну хоть что-то?

— Ничего.

— Кто находился в доме в тот день?

— У меня есть список… Где же он? А, наверное, остался у Кроссфилда. Вам надо с ним поговорить… Кстати, я жду его с минуты на минуту, он должен явиться с докладом… А вот, кажется, и он.

Старший инспектор Кроссфилд, крупный, внушительного вида малый, говорил медленно, как бы с трудом подбирая слова, однако голубые его глаза глядели умно и проницательно.

Он поздоровался с полковником Джонсоном, и тот представил его своим собеседникам.

Будь мистер Саттертуэйт один, ему вряд ли удалось бы заставить Кроссфилда разговориться. Старший инспектор терпеть не мог этих джентльменов из Лондона, этих сыщиков-дилетантов, которые лезут со своими завиральными «идеями». Иное дело сэр Чарлз. Старший инспектор Кроссфилд по-детски благоговел перед знаменитыми актерами. Ему посчастливилось дважды лицезреть сэра Чарлза на сцене, и теперь, когда его кумир предстал перед ним во плоти, старшего инспектора просто распирало от прилива дружеских чувств и желания всячески услужить

сэру Чарлзу.

— Имел честь видеть вас в Лондоне, сэр. Мы были там с супругой. Пьеса называлась «Выбор лорда Эйнтри». Мы сидели в партере, в заднем ряду… Театр был переполнен… Два часа пришлось выстоять за билетами. Но с женой никакого сладу не было. Я, говорит, непременно должна видеть сэра Чарлза Картрайта в «Выборе лорда Эйнтри». Это было в «Пэлл-Мэлл».

— Я ведь теперь, как вы знаете, оставил сцену. Но в «Пэлл-Мэлл», надеюсь, мое имя еще помнят.

С этими словами сэр Чарлз, черкнув несколько слов на своей визитной карточке, протянул ее Кроссфилду, — Когда вы с миссис Кроссфилд в следующий раз соберетесь в Лондон, покажите в билетной кассе эту карточку, и лучшие места вам обеспечены.

— Вы слишком добры, сэр Чарлз.., слишком, право! Представляю, что будет с моей супругой, когда я ей об этом расскажу.

Словом, теперь старший инспектор был мягкий как воск в руках сэра Чарлза.

— Весьма необычный случай, сэр. В моей практике это первый случай отравления никотином. Доктор Дэвис говорит то же самое.

— Вот уж не знал, что никотин — это яд.

— По правде говоря, я тоже, сэр. Но доктор говорит, что несколько капель чистого алкалоида — это такая жидкость без запаха и цвета, — достаточно, чтобы повлечь почти мгновенную смерть.

Сэр Чарлз присвистнул:

— Мощное средство!

— Совершенно справедливо, сэр. И тем не менее оно, как известно, широко употребимо. Например, раствором никотина опрыскивают розы. Его можно получить из обыкновенного табака.

— Розы… — повторил сэр Чарлз. — Постойте, где я это слышал…

Он нахмурился, потом тряхнул головой.

— Нет ли чего-нибудь нового, Кроссфилд? — спросил полковник Джонсон.

— Ничего определенного, сэр. Сообщили, что Эллиса видели в Дареме, в Инсунче, Бэллеме, в Лендс-Энде и еще в дюжине других мест. Полагаю, далеко не все эти сведения заслуживают внимания. — Старший инспектор снова обратился к сэру Чарлзу:

— Стоит только разослать приметы подозреваемого, как он сразу обнаруживается в ста разных местах по всей Англии.

— Каковы же его приметы? — спросил сэр Чарлз. Полковник Джонсон, порывшись у себя на столе, нашел нужную бумагу и прочитал:

— Джон Эллис, рост средний, примерно, пять футов семь дюймов, немного сутулится, волосы седые, короткие бакенбарды, глаза темные, голос хриплый, нет одного верхнего зуба — это видно, когда он улыбается. Особых примет не имеется.

— Хм, — произнес сэр Чарлз. — Весьма неопределенно, если не считать бакенбард и зуба. Впрочем, бакенбарды он уже наверняка сбрил, а что до зуба, то вряд ли у него так уж много поводов для улыбок.

— Загвоздка в том, что наблюдательных людей очень мало. Если бы вы знали, с каким трудом я раздобыл у прислуги эти скудные сведения. Как водится, об одном и том же человеке вам наговорят самое разное: высокий, худой, плотный коротышка, среднего роста, коренастый, стройный — и зачем только людям глаза даются!

— Как, по-вашему, старший инспектор, убийца — этот самый Эллис?

— Ну а почему еще он удрал? От этого не отмахнешься.

— Да, вы правы, этого со счетов не сбросишь, — задумчиво проговорил сэр Чарлз.

Кроссфилд принялся докладывать полковнику о тех мерах, которые были приняты к этому часу. Полковник Джонсон одобрительно кивнул, а потом, попросив у старшего инспектора список тех, кто находился в доме в ночь убийства, протянул его сэру Чарлзу. В списке стояло четырнадцать имен:

Марта Леки, кухарка;

Беатрис Черч, старшая горничная;

Дорис Кокер, горничная;

Виктория Болл, горничная;

Алиса Уэст, горничная, прислуживающая за столом;

Вайолет Бассингтон, судомойка.

Все они находились в услужении у покойного довольно продолжительное время и пользовались его доверием. Мисс Леки служит в доме около пятнадцати лет.

Глэдис Линден — секретарь, тридцать три года, служит у сэра Бартоломью в течение трех лет; относительно мотивов преступления ничего сообщить не может.

Приглашенные:

Лорд и леди Идеи, 187, Кадоган-сквер;

Сэр Джослин и леди Кэмпбелл, 1256, Харли-стрит;

Мисс Анджела Сатклифф, 28, Кантрелл, Мэншенс, Юго-Западный сектор, 3;

Капитан Дейкерс и миссис Дейкерс, 3, Сент-Джонс-хаус, Западный сектор, 1.

(Миссис Дейкерс возглавляет Модный дом «Амброзия Лимитед» на Брутон-стрит.) Леди Мэри и мисс Гермиона Литтон Гор, вилла «Роза», Лумаут.

Мисс Мюриэл Уиллс, 5, Аппер-Кэтчард-роуд, Тутинг.

Мистер Оливер Мендерс, «Шпейер и Росс», Олд Броуд-стрит, Восточно-Центральный сектор, 2.

— Хм, в газетах нет ни слова о Тутинге. А юный Мендерс

тоже, оказывается, там был.

— Несчастный случай, сэр, — пояснил старший следователь Кроссфилд. — Этот молодой человек врезался на своем мотоцикле в стену, которой обнесено поместье, и сэр Бартоломью пригласил его к себе в дом, хотя, как я понимаю, они были едва знакомы.

— Весьма легкомысленный поступок, — заметил сэр Чарлз живо.

— Вот именно, сэр, — сказал старший инспектор. — Сдается мне, парень хватил лишку. Будь он трезвый, разве его угораздило бы протаранить стену?

— Да, наверняка как следует приложился к бутылке, — кивнул сэр Чарлз.

— Вот и я того же мнения, сэр.

— Ну что ж, весьма вам признателен, старший инспектор. А теперь мы хотели бы посетить поместье. Вы не против, полковник?

— Разумеется, нет, сэр Чарлз. Хотя вряд ли вам удастся узнать больше того, что я вам рассказал.

— Кто-нибудь есть теперь в доме?

— Только прислуга, сэр, — ответил Кроссфилд. — Гости разъехались сразу после допроса, а мисс Линдон вернулась на Харли-стрит.

— Нельзя ли повидать доктора.., э-э… Дэвиса, так, кажется? — спросил мистер Саттертуэйт. — Хорошая мысль.

Заручившись адресом доктора Дэвиса и сердечно поблагодарив полковника Джонсона, сэр Чарлз и мистер Саттертуэйт отбыли в Мелфорт-Эби.

Глава 3

Кто из них?

— Что скажете, Саттертуэйт? — спросил сэр Чарлз, когда они вышли на улицу.

— А вы?

Мистер Саттертуэйт, как всегда, прежде чем высказаться, предпочитал услышать мнение своего собеседника. Чего не скажешь о сэре Чарлзе.

— Все они ошибаются, Саттертуэйт. Все! Дался им этот дворецкий! Считают, раз он удрал, значит, он убийца. Глубочайшее заблуждение! Нельзя рассматривать смерть сэра Бартоломью независимо от того, что произошло у меня в доме.

— Вы по-прежнему считаете, что эти две трагедии связаны между собой?

Задавая себе этот вопрос, мистер Саттертуэйт в глубине души уже ответил на него утвердительно.

— Безусловно. Они должны быть связаны. Все указывает на это… Нужно только обнаружить то общее, что их связывает… И в конце концов найти того, кто все это совершил…

— Да, — согласился мистер Саттертуэйт. — Но это не так просто, как может показаться на первый взгляд. В обоих этих случаях довольно много совпадений. Ведь почти все, кто был тогда у вас, присутствовали и здесь, на обеде у сэра Бартоломью. Представляете себе?

Сэр Чарлз кивнул.

— Еще бы… А вы представляете себе, что из этого следует?

— Это вы о чем, Картрайт?

— О чем, черт побери! Да о том, что тут не простое совпадение. Тут что-то кроется. Почему в обоих случаях фигурируют одни и те же лица? Случайность? Отнюдь! Это нарочно подстроено… Толли что-то задумал.

— О! — сказал мистер Саттертуэйт. — А впрочем, вполне возможно…

— Вот именно. Вы ведь были едва знакомы с Толли. А я его знал очень хорошо. О том, что у него на уме, он обыч-

но помалкивал. И умел выжидать. Сколько лет я его знал, и не было случая, чтобы он, что-то не продумав, рубил сплеча. Беббингтон убит… Да-да, убит. Довольно увиливать, давайте называть вещи своими именами — убит в моем доме. Толли смеется над моей подозрительностью, но его и самого мучают сомнения. Ни словом, ни взглядом он себя не выдает — это вполне в его духе, но исподволь вынашивает какой-то план. Что именно он замышлял, не знаю. Едва ли он подозревал кого-то конкретно. Но был уверен, что убийца — один из гостей. Вот и задумал что-то, чтобы вывести его на чистую воду…

— Зачем же он пригласил Иденов и Кэмпбеллов?

— Для маскировки. Чтобы никто ни о чем не догадался.

— И что же он задумал, как по-вашему?

Сэр Чарлз пожал плечами. Движение это показалось мистеру Саттертуэйту слишком уж нарочитым: англичане обычно обходятся куда более скупыми жестами. Очевидно, сэр Чарлз снова играл роль Аристида Дюваля, шефа Секретной службы. Он даже снова стал припадать на левую ногу.

— Откуда мне знать? Я ведь не ясновидящий. Можно толь-

ко гадать. Очевидно одно — он действительно что-то, замышлял… Но его расчет не оправдался. Убийца оказался хитрее, чем думал Толли… Он первым нанес удар…

— Он?

— Или она. К яду могла прибегнуть и женщина, у них это даже лучше получается.

Мистер Саттертуэйт промолчал.

— Ну что, вы согласны? — спросил сэр Чарлз. — Или разделяете общее мнение: «Во всем виноват дворецкий. Убийство — его рук дело»?

— А почему он сбежал? Как вы это объясните?

— Да что мне за дело до него? По-моему, он здесь ни при чем… Во всяком случае, его можно понять.

— Разве?

— Конечно. Допустим, в полиции правы — Эллис преступ-

ник, связанный, скажем, с воровской шайкой. С помощью поддельных рекомендаций он получает место дворецкого. А тут в доме убийство. Что Эллису остается? Он понимает, что полиции известно о его прошлом, что в Скотленд-Ярде наверняка есть отпечатки его пальцев. Естественно, он до смерти перепугался и удрал.

— По подземному ходу?

— На черта ему подземный ход? Эти олухи полицейские все на свете проспали — он улизнул у них из-под носа.

— Звучит весьма правдоподобно.

— Ну а сами-то вы что думаете, Саттертуэйт?

— Я-то? Да то же, что и вы. С самого начала я разделял ваши подозрения. И по поводу дворецкого вполне с вами согласен — довольно топорная версия. Уверен, что убийца бедняги Беббингтона повинен и в смерти сэра Бартоломью.

— По-вашему, это кто-то из гостей?

— Да, кто-то из гостей.

Они помолчали, потом мистер Саттертуэйт спросил с нарочитой небрежностью:

— Как вам кажется, кто именно?

— О, Господи, Саттертуэйт, откуда мне знать?

— Ну, разумеется, знать вы ничего не можете, — терпеливо пояснил мистер Саттертуэйт. — Просто я подумал, может, у вас мелькнула какая-нибудь догадка… Нет, понятно, не логически обоснованная версия, а так, внезапное озарение…

— Нет, никаких озарений… — Сэр Чарлз задумался. — Понимаете, Саттертуэйт, — пылко проговорил он, — чем больше думаешь об этом, тем меньше верится, что преступление совершено кем-то из этих людей!

— Да нет, мне ваша версия представляется вполне убедительной, — медленно, как бы размышляя вслух, сказал мистер Саттертуэйт. — Я имею в виду ваше предположение, что сэр Бартоломью собрал тех, на кого падает подозрение. Правда, надо учесть, что собрал-то он не всех. На-

пример, не было ни вас, ни меня, ни миссис Беббингтон. Юного Мендерса тоже надо исключить.

— Почему?

— Потому, что он случайно там оказался. Сэр Бартоломью его не приглашал. Значит, он не входит в круг подозреваемых.

— Тогда надо исключить и Энтони Эстор.

— Да нет же, она там была — это мисс Мюриэл Уиллс из Тутинга.

— Ах да, я совсем забыл, что она мисс Уиллс.

Сэр Чарлз нахмурился. Мистер Саттертуэйт всегда отличался умением читать чужие мысли. Вот и сейчас он совершенно точно знал, о чем подумал его друг. И когда сэр Чарлз заговорил, у мистера Саттертуэйта имелись все основания поздравить себя.

— А знаете, Саттертуэйт, вы правы. Нельзя подозревать всех, кого он пригласил.., потому что, в конце концов, там

ведь были леди Мэри и Мими… Нет, безусловно, он просто хотел воспроизвести ту обстановку… Он кого-то подозревал и рассчитывал, что у него будет достаточно свидетелей. Видимо, так…

— Да, вероятно. Теперь нам остается только гадать. Ну, допустим, мы исключим Литтон Горов и вас, меня, миссис Беббингтон и Оливера Мендерса. Кто остается? Анджела Сатклифф?

— Анджи? Побойтесь Бога, мой дорогой, они с Толли старинные друзья.

— Стало быть, Дейкерсы?.. Значит, именно их вы подозреваете? Могли бы сразу сказать, когда я вас спросил.

Сэр Чарлз взглянул на мистера Саттертуэйта, у которого был скромно-торжествующий вид.

— Вероятно, мог бы, — задумчиво проговорил Картрайт. — Не то чтобы я их подозревал, а… Просто, кажется, они больше, чем кто-либо… Начать с того, что я их плохо знаю. Но, ей-богу, никак не возьму в толк, чем Фредди Дейкерсу, который всю жизнь торчит на скачках, или Синтии, владелице баснословно дорогого модного салона, мог помешать старый безобидный пастор…

Сэр Чарлз недоуменно покачал головой. Потом лицо его оживилось.

— Постойте-ка, ведь есть еще эта Уиллс. Опять о ней забыл. Почему-то все время о ней забываю. Что-то в ней есть такое.., неопределенное, что ли, черт ее знает.

Мистер Саттертуэйт улыбнулся.

— Помните знаменитую борисовскую строку: «Малый, который все пишет и пишет…»? Так вот это прямо о ней сказано. Уверен, мисс Уиллс все свое время проводит за этим занятием. Заметили, какой у нее острый взгляд? Даже очки не могут этого скрыть. Думаю, у мисс Уиллс уже имеются заслуживающие внимания записи об этом деле.

— Вы уверены? — с сомнением сказал сэр Чарлз.

— Пока я уверен в одном — нам надо пообедать. А потом отправиться в Мелфорт Эбби. Может быть, удастся там что-нибудь разузнать.

— Кажется, мой друг, вы находите удовольствие в этом но-

вом занятии, — заметил сэр Чарлз с насмешливым огоньком в глазах.

— Не таком уж новом. Мне и прежде приходилось расследовать преступления. Однажды у меня сломался автомобиль, и я остановился в одной уединенной гостинице… — негромко начал было мистер Саттертуэйт, но его голос потонул в сочных раскатах хорошо поставленного баритона сэра Чарлза:

— Вот, помнится, когда я гастролировал в двадцать первом году…

Глава 4

Показания прислуги

В лучах заходящего сентябрьского солнца Мелфорт Эбби являло собой самую мирную, идиллическую картину. Санаторий размещался в старинном аббатстве, построенном еще в пятнадцатом веке. Потом, когда его восстанавливали, пристроили еще одно крыло. Нового здания отсюда

видно не было — оно стояло в некотором отдалении.

Сэра Чарлза и мистера Саттертуэйта встретила миссис Леки, повариха, дородная дама, облаченная по случаю траура во все черное и с заплаканными глазами. Однако сразу видно было, что ее хлебом не корми, только дай поговорить. Сэр Чарлз был ей знаком, и поэтому она адресовалась главным образом к нему:

— Уверена, сэр, вы понимаете, каково мне досталось. Хозяин умер, и тут все и началось. Полон дом полисменов, всюду суют свой нос. Вы не поверите, даже в мусорных баках рылись. А допросами так просто замучили. Вот уж не думала, что доживу до такого! А доктор какой достойный джентльмен был. Уж мы все так радовались, когда ему звание пожаловали, нам с Беатрис этот день на всю жизнь запомнился, хотя она двумя годами позже меня сюда поступила. Этот молодчик из полиции (его-то джентльменом никак не назовешь, уж кто-кто, а я повидала на своем веку джентльменов и понимаю благородное обхождение), вот я и говорю, этот молодчик, может, он и старший инспектор, не знаю, врать не буду… — Тут миссис Леки остановилась, чтобы перевести дух и выбраться из словесной трясины, в которой она увязла. — Вот я и говорю, допрашивает он меня обо всех горничных, они славные девушки, говорю, все до одной… Ну, случается, говорю, что Дорис когда и проспит утром, бывает, пожурю ее, а Викки, так она и нагрубить может, чего же и ждать от молодых, если мамаши дома их не воспитывают… Но девушки они все славные,

и ничего другого я ему сказать не могу, хоть он и старший инспектор. «Да, — говорю ему, — не думайте, что я стану возводить на них напраслину». Они славные девушки, и точка, а к убийству они никакого касательства не имеют, прямо грех и подумать про них такое.

Миссис Леки снова перевела дух.

— Вот мистер Эллис — совсем другое дело. Мне о нем ничего не известно, и я не поручусь за него, он явился сюда из Лондона, здесь его никто не знал, а мистер Бейкер сейчас на отдыхе.

— Бейкер? — переспросил мистер Саттертуэйт.

— Ну да, мистер Бейкер, он вот уже семь лет как служит дворецким у сэра Бартоломью. Вообще-то он почти все время живет в Лондоне, на Харли-стрит. Вы, наверное, его помните, сэр? — обратилась миссис Леки к сэру Чарлзу, и он кивнул в ответ. — Сэр Бартоломью привозил его сюда, когда ждал гостей. У мистера Бейкера здоровье пошаливает, так сказал сэр Бартоломью, и он отпустил его на пару месяцев, пусть, мол, отдохнет хорошенько, такой щедрый джентльмен, сэр Бартоломью, послал мистера Бейкера на курорт, в Брайтон, и за лечение заплатил. А мистера Эллиса пригласил сюда на это время, и я так и сказала этому старшему инспектору, что, мол, ничего о мистере Элли-

се не знаю, хотя послушать его, так он служил в самых знатных домах, и то сказать, держался он как настоящий джентльмен.

— Может быть, в нем было что-нибудь необычное, вы не заметили? — с надеждой спросил сэр Чарлз.

— Как странно, что вы спрашиваете об этом, сэр! Право, уж не знаю, как и сказать, в общем-то — и да и нет…

Сэр Чарлз взглядом подбодрил миссис Леки, и она снова заговорила:

— Что-то было в нем такое, только вот что, не знаю как и сказать…

«Вот так всегда и бывает, когда случается несчастье, — с досадой подумал мистер Саттертуэйт. — Как ни презирала полицейских миссис Леки, она не устояла против них. Раз они считают Эллиса преступником, она усматривает в нем что-то „такое"".

— Ну, во-первых, держался он надменно. Нет, не подумайте чего, уж насчет вежливости — полный порядок, ничего не скажешь, настоящий джентльмен… В самых лучших

домах служил. Но держался особняком, чуть что — сразу к себе в комнату. Какой-то он.., право, не знаю, как сказать.., какой-то, ну, словом, что-то в нем такое…

— Может быть, он вовсе и не дворецкий, вам не показалось? — спросил мистер Саттертуэйт.

— Да нет, служил он исправно, сэр. Делал свое дело, как полагается… И обо всяких знаменитостях много чего знал.

— Ну, например? — осторожно спросил сэр Чарлз. Но миссис Леки решила, видимо, что с нее довольно. Взгляд у нее стал какой-то отсутствующий. Мало ли что служанки болтают, не в ее правилах повторять всякие сплетни. Порядочная женщина никогда не станет этого делать.

— Не могли бы вы описать его наружность? — спросил мистер Саттертуэйт в надежде снова ее разговорить. Миссис Леки и впрямь оживилась:

— Охотно, сэр. Очень почтенный джентльмен, седой, носит бакенбарды, немного сутулый. Видно, недавно начал полнеть, и это его очень заботило. Руки у него вроде немного трясутся, но не думайте, не по той причине. От спиртного он воздерживался.., не в пример многим. Сда-

ется мне, у него что-то неладно с глазами, слезятся, что ли, от света. Он почти всегда ходил в очках.

— А какие-нибудь особые приметы есть? — спросил сэр Чарлз. — Шрам? Родимое пятно? Изуродованные пальцы?

— Нет, ничего такого не было, сэр.

— Насколько проще все в детективных романах, — вздохнул сэр Чарлз. — Уж там-то всегда имеются особые приметы.

— У него не хватает одного зуба, — сказал мистер Саттертуэйт.

— Возможно, сэр. Но сама я этого не замечала.

— А как он вел себя в тот вечер, когда был убит сэр Бартоломью? — спросил мистер Саттертуэйт.

— Право, ничего не могу сказать, сэр. Понимаете, у меня было полно хлопот на кухне. Где уж было мне что-то заметить!

— Да-да, понимаю.

— Когда мы узнали, что хозяин скончался, нас как громом ударило. Мы с Беатрис уж так рыдали, никак не могли успокоиться. Девушки, конечно, тоже были не в себе. Мистер Эллис держался спокойно, он ведь здесь новенький. Он проявил сочувствие и заставил нас с Беатрис выпить немного портвейна, чтобы мы чуток пришли в себя. Подумать только, что все это время он… Негодяй!

Миссис Леки задохнулась от негодования.

— Насколько я понял, он исчез ночью?

— Да, сэр. Ушел в свою комнату, а утром его уже и след простыл. Тут-то его полиция и заподозрила.

— Да, большая глупость с его стороны. А вы не знаете, как ему удалось удрать?

— Понятия не имею. Полицейские всю ночь стерегли дом, и они не видели, чтобы он выходил… Полицейские, конечное дело, тоже люди, хоть и напускают на себя такой

вид, что не подступишься. Подумать только, врываются в приличный дом и везде суют свой нос…

— Говорят, здесь есть какой-то подземный ход, — сказал сэр Чарлз.

Миссис Леки фыркнула.

— Кто говорит-то? Полицейские!

— А может быть, и правда есть?

— Да всякое говорят, — неохотно выдавила миссис Леки.

— Где же вход в него, вы не знаете?

— Нет, сэр. Если он и существует, этот самый подземный ход, так от слуг это надо держать в тайне. Чтобы соблазну не было, не то горничные повадятся убегать из дому. Мои-то девушки и входят и выходят только через черный ход. И мы всегда знаем, где они.

— Весьма похвально, миссис Леки. Отдаю должное вашей

мудрости, — сказал сэр Чарлз, и миссис Леки вся расцвела от его слов.

— Нельзя ли нам прямо сейчас поговорить с другими слугами?

— Конечно, можно, сэр, но едва ли они смогут что-нибудь добавить к тому, что я рассказала.

— О, конечно, конечно, я понимаю. Но я хотел бы узнать не столько об Эллисе, сколько о самом сэре Бартоломью… Как он держался в тот вечер, ну и так далее. Он ведь был мой друг.

— Как не знать, сэр, как не понимать! Можно поговорить с Беатрис и с Алисой. Алиса как раз прислуживала за столом.

— Да, мне бы хотелось с ней побеседовать.

Миссис Леки, однако, ревностно чтила служебную иерархию и потому первой прислала старшую горничную Беатрис Черч. Это была рослая, худощавая женщина со строго поджатыми губами и выражением воинствующей добродетели на лице.

Задав миссис Черч несколько ничего не значащих вопросов, сэр Чарлз подвел разговор к интересующей его теме. Как держали себя гости? Какое впечатление произвела на них смерть сэра Бартоломью? Что говорили? Что делали?

Беатрис заметно оживилась: люди нередко находят в чужом несчастье некое странное удовольствие.

— Значит, мисс Сатклифф, так на ней просто лица не было. Она, бывало, и раньше у нас гостила. Я ей говорю, может, выпьете, мисс, немного бренди, а то, мол, чаю крепкого принесу, так она, бедняжка, и слышать ничего не хотела. Только таблетку аспирина и приняла. Ни за что, говорит, не усну. Утром приношу ей чай, а она спит себе, как дитя.

— А миссис Дейкерс?

— Ну, эту леди ничем не проймешь! Похоже, Беатрис не питала особой симпатии к Синтии Дейкерс.

— Только и думала, как поскорей отсюда улизнуть. Все боялась, как бы ее дела не пострадали. Как же, известная портниха в Лондоне, мистер Эллис говорил нам.

С точки зрения Беатрис, шитье, пусть даже и для знатных, все равно — ремесло, то есть занятие малопочтенное.

— Что делал ее муж?

Беатрис фыркнула.

— Что делал? На виски налегал, чтобы успокоиться.., или чтобы взбодриться, не знаю.

— А леди Мэри Литтон Гор?

— О, это настоящая леди. — У Беатрис даже голос потеплел. — Моя бабушка служила в доме ее отца. Говорят, в молодости леди Мэри была красавица. Ну и что же, что она теперь небогата, все равно она благородная леди… Всегда такая уважительная, никаких забот-хлопот с ней нет, и говорит всегда так ласково. Дочка у нее тоже славная девушка. Не сказать, чтобы они хорошо знали сэра Бартоломью, но обе очень горевали.

— Что вы думаете о мисс Уиллс?

На лице у Беатрис вновь появилось жесткое выражение.

— Не знаю, что и сказать про нее. Что у нее на уме, не разберешь.

— А о ней самой что вы думаете? — повторил сэр Чарлз. — Ну же, Беатрис, смелее!

Улыбка вдруг вспыхнула на деревянном лице Беатрис.

Сэр Чарлз держался с ней так приветливо, так по-мальчишески открыто, что она не могла противиться его непобедимому обаянию, столь хорошо знакомому зрителям.

— Право, сэр, не знаю, что и сказать.

— Ну, просто расскажите, какие мысли, какие чувства вызывает у вас мисс Уиллс.

— Да никаких, сэр. Она, само собой, будет, как бы это сказать…

Беатрис запнулась.

— Ну-ну, Беатрис, говорите же!

— Она вроде попроще, не такая, как остальные, сэр. Понятно, это не ее вина, — снисходительно сказала Беатрис. — Но она так себя ведет… Настоящей леди не пристало подглядывать и разнюхивать.

Сэр Чарлз настойчиво старался выяснить подробности, но Беатрис уходила от ответа и твердила только, что мисс Уиллс везде совала свой нос. Сэр Чарлз просил привести хоть один пример, но, увы, Беатрис упорно повторяла одно и то же: мисс Уиллс, мол, лезла не в свое дело.

Наконец мистер Саттертуэйт не выдержал и тоже включился в разговор.

— Мистер Мендерс появился неожиданно не так ли? — сказал он.

— Да, сэр. Он врезался в стену почти у самых наших ворот. Мое счастье, говорит, что это случилось здесь, а не где-нибудь еще. В доме, конечное дело, было полно гостей, но мисс Линдон устроила его на ночь в маленьком кабинете.

— Ну и что, все удивились, когда он появился?

— А как же, известное дело, сэр.

От разговора об Эллисе Беатрис уклонилась. Сказала, что она почти не видела его. Раз он сбежал, значит, что-то с ним неладно, хотя зачем бы ему убивать хозяина, она ума не приложит. И никому это не ведомо.

— Не вспомните ли, Беатрис, как вел себя сэр Бартоломью? Предполагал ли он, что может случиться что-либо подобное? Не задумал ли он чего?

— Он был очень веселый, сэр. Все время посмеивался, будто какую шутку с кем сыграл. И даже с Эллисом пошутил, ей-богу, сама слышала, а с Бейкером сроду такого не бывало. Он слуг строго держал, даром что добрый был, но чтобы разговоры разговаривать или там шутки… Нет, такого не было.

— Что же он такого сказал Эллису? — нетерпеливо спросил мистер Саттертуэйт.

— Ну, разве я могу упомнить, сэр! Мистер Эллис ему говорит, по телефону, мол, звонили, а сэр Бартоломью ему: «Вы правильно фамилию запомнили, вы уверены?», а мистер Эллис так почтительно отвечает: «Правильно, мол, сэр, уверен». Тогда доктор засмеялся и говорит: «Вы славный малый, Эллис, вам просто цены нет». А потом мне: «Вы согласны со мной, Беатрис?» У меня прямо глаза на лоб полезли, до того я удивилась, сэр, хозяин сроду никогда так не говорил, сэр. Уж я и не знала, право, как и ответить.

— Ну а Эллис?

— Ему вроде как не понравилось, сэр. Вроде как он к такому не привык. Надулся, спину выпрямил, словно аршин проглотил.

— Что же это был за телефонный звонок, не знаете? — спросил сэр Чарлз.

— Звонок-то? Да это из санатория звонили, сказали, что больную, мол, привезли и что поездку она перенесла хорошо.

— Фамилию не запомнили?

— Чудная какая-то фамилия, сэр. — Беатрис запнулась. — Миссис де Рашбриджер, что ли… Кажется, так, но не поручусь…

— Ничего-ничего, — успокоил ее сэр Чарлз. — И впрямь такое имя, что по телефону и не разберешь. Ну, благодарю вас, Беатрис. Теперь мы хотели бы поговорить с Алисой.

Когда Беатрис вышла, сэр Чарлз и мистер Саттертуэйт обменялись впечатлениями.

— Стало быть, мисс Уиллс подглядывала и совала нос не в свое дело, капитан Дейкерс прикладывался к бутылке, миссис Дейкерс держалась как ни в чем не бывало. Ну и что? По существу, ничего.

— Действительно ничего, — согласно кивнул мистер Саттертуэйт.

— Теперь вся надежда на Алису.

Алиса, темноглазая женщина лет тридцати, несмотря на свою застенчивость, была рада случаю поболтать.

Нет, сама она не верит, что мистер Эллис замешан в преступлении. Ведь у него повадка настоящего джентльмена. Это полицейские подозревают, что он преступник, а она, Алиса, убеждена, что этого быть не может.

— По-вашему, выходит, это был действительно самый обычный дворецкий? — спросил сэр Чарлз.

— Ну, не скажу, что самый обычный, сэр. Не похож на дворецкого. Делал все вроде, что полагается, но как-то не так, как другие.

— Значит, вы думаете, не он отравил сэра Бартоломью?

— По моему разумению, сэр, не мог он такое сделать. Мы с ним вместе прислуживали за столом, и, если бы он чего подсыпал хозяину, я бы видела.

— Ну а напитки?

— Вина подавал Эллис сам, сэр. Сперва херес к супу, потом рейнвейн и кларет. Но как он мог подсыпать яд в вино, сэр? Ведь тогда бы все отравились.., все до единого. А ведь хозяин ничего не кушал особо, нет, все как остальные. Так

же и портвейн, сэр. Все джентльмены его пили, а леди — нет, не скажу, чтобы все, а так, некоторые.

— Как унесли рюмки, на подносе?

— Да, сэр. Я держала поднос, а мистер Эллис ставил на него рюмки, потом я отнесла поднос в буфетную, там они и остались. А потом, когда пришли полицейские и все осматривали, рюмки из-под портвейна так на подносе и стояли. И в них полицейские тоже ничего не нашли.

— Значит, доктор и пил и ел то же, что остальные, вы в этом уверены?

— Видеть-то я не видела, сэр, но уверена.

— А не мог кто-то из гостей дать ему…

— Нет-нет, сэр!

— Вы слышали когда-нибудь о подземном ходе, Алиса?

— Да, один из садовников мне говорил. Он будто бы вы-

ходит в лесу, у старых развалин. Но в доме я не видела никакого потайного хода.

— А Эллис ничего о нем не говорил?

— Нет, сэр, да и откуда ему знать такое?

— Кто же отравил хозяина, Алиса, как вы думаете?

— Не знаю, сэр. Не верю, что кто-то мог… Думается мне, что это несчастный случай, сэр.

— Гм… Благодарю вас, Алиса.

— Если бы не смерть Беббингтона, — сказал сэр Чарлз, когда девушка вышла из комнаты, — мы могли заподозрить в преступлении эту молодую особу. Она довольно хорошенькая… И она подавала на стол… Нет, что-то не то. Во-первых, убийство Беббингтона, во-вторых, Толли никогда на смазливых девиц не заглядывался. Не из той он породы.

— Не забывайте, ему было пятьдесят пять, — многозначительно заметил мистер Саттертуэйт.

— К чему вы об этом вспомнили?

— В этом возрасте мужчина способен потерять голову из-за молоденькой девицы. Не исключение даже те, кто прежде особой прытью не отличался.

— Какого черта, Саттертуэйт, мне самому скоро стукнет пятьдесят пять.

— Знаю.

Под его пристальным добродушно-насмешливым взглядом сэр Чарлз опустил глаза. Кровь бросилась ему в лицо…

Глава 5

В комнате дворецкого

— Не осмотреть ли нам комнату Эллиса? — сказал мистер Саттертуэйт, вдоволь насладившись замешательством своего друга.

— Блестящая мысль! — воскликнул сэр Чарлз, обрадовавшись возможности отвлечь внимание мистера Саттертуэйта от щекотливой темы. — Я и сам хотел вам это предложить.

— Полицейские, разумеется, уже основательно ее обыскали.

— А-а, полицейские…

Аристид Дюваль презрительно поморщился. Стараясь поскорее избавиться от невольного смущения, сэр Чарлз с удвоенной энергией принялся играть роль прославленного сыщика.

— Полицейские все тупицы, — безапелляционно изрек он. — Что они искали в комнате Эллиса? Разумеется, доказательства его вины. Мы же будем искать доказательства его невиновности, а это совсем иное дело.

— Вы что же, совершенно уверены в его невиновности?

— Если наша версия смерти Беббингтона верна, то Эллис должен быть невиновен.

— Ну да, к тому же…

Мистер Саттертуэйт вдруг умолк. Он чуть было не сказал, что если Эллис — преступник-рецидивист и он убил сэра Бартоломью, потому что тот его разоблачил, то дело это окажется совершенно заурядным и скучным. Хорошо, что мистер Саттертуэйт вовремя спохватился — ведь сэр Бартоломью был другом сэра Чарлза Картрайта, и такое высказывание было бы верхом бестактности.

Беглый осмотр комнаты Эллиса не дал ничего интересного. В комоде аккуратными стопками лежало белье, в платяном шкафу висели костюмы и пальто безупречного кроя, от дорогих портных. Наверное, эти элегантные вещи достались ему от его прежних хозяев. Нижнее белье тоже удивляло своим отменным качеством. Тщательно начищенная обувь была надета на колодки.

Мистер Саттертуэйт поднял ботинок.

— Девятый номер.., точно — девятый, — пробормотал

он.

Но что это дает, если никаких следов обнаружено не было?

Судя по тому, что в шкафу не оказалось фрака дворецкого, именно в нем Эллис и бежал. Мистер Саттертуэйт обратил особое внимание на это обстоятельство.

— Любой здравомыслящий человек переоделся бы в обычный костюм.

— Да, в самом деле, старина… Нелепо, конечно, но такое впечатление, будто он никуда не сбежал… Чепуха какая-то…

Они продолжали обыскивать комнату. Ни писем, ни документов, только две вырезки из газеты, одна — о лечении мозолей, другая — о предстоящей свадьбе какой-то дочери герцога.

На приставном столике, рядом с маленьким пузырьком чернил, лежал бюварг, но ручки не было. Сэр Чарлз вынул промокательную бумагу со следами чернил, поднес ее к зеркалу, но — увы! — сплошная мешанина, в которой

ничего не разберешь. Вероятно, бумагой пользовались не однажды и к тому же чернила, видно, были старые.

— Стало быть, здесь он вообще ничего не писал или же писал, но промокашкой не пользовался, — заключил мистер Саттертуэйт. — А эти отпечатки на промокательной бумаге — давнишние. Да, вот посмотрите… — С довольным видом он указал на еле различимые буквы «Л. Бейкер». — Значит, действительно Эллис промокательной бумагой не пользовался.

— Вообще-то странно… — глубокомысленно проговорил сэр Чарлз.

— Что именно?

— Ну, ведь обычно человек все-таки пишет письма…

— Только не преступник.

— Да, наверное, вы правы… Должно быть, у него действительно темное прошлое, иначе зачем ему бежать. Ясно одно: Толли убил не он.

Они тщательно осмотрели весь пол, подняли ковер, заглянули под кровать, но ничего не обнаружили. Вот разве что чернильное пятно у камина, а в остальном — сплошное разочарование.

Они вышли из комнаты дворецкого, чувствуя, что рвения у них заметно поубавилось.

Да, наверное, в романах все куда проще.

Порасспросили испуганных младших горничных, которые явно испытывали священный трепет перед миссис Леки и Беатрис Черч, но ничего нового из этой беседы не извлекли и обескураженные покинули дом сэра Бартоломью.

— Итак, Саттертуэйт, — заговорил сэр Чарлз, когда они шли по парку (автомобиль Саттертуэйта должен был ждать их у будки сторожа), — можем ли мы хоть что-нибудь из этого извлечь?

Мистер Саттертуэйт задумался. Он не спешил с ответом. Что-то ведь должно было привлечь к себе его внимание. Признаться, что они впустую потеряли время, ему не хотелось. Он одно за другим перебрал в уме показания прислуги — итог был мизерный.

Как подытожил сэр Чарлз, мисс Уиллс только и делала, что за всеми подглядывала да вынюхивала, мисс Сатклифф от потрясения была просто не в себе, миссис Дейкерс выказала полное равнодушие, а капитан Дейкерс то и дело прикладывался к бутылке. Все это ничего не давало, разве что оставалось предположить, что Фредерик Дейкерс дал волю своим пагубным наклонностям, чтобы заглушить голос совести. Однако Дейкерс и без того частенько прикладывался к бутылке, мистеру Саттертуэйту это было отлично известно.

— Ну так что же? — нетерпеливо повторил сэр Чарлз.

— Ничего, — нехотя признался мистер Саттертуэйт, — Вот только.., вероятно, мы вправе предположить, судя по газетной вырезке, что Эллису досаждали мозоли.

Сэр Чарлз криво усмехнулся…

— Весьма резонное умозаключение. Ну а.., что это нам дает?

Мистеру Саттертуэйту пришлось признать, что ровным счетом ничего.

— И еще одно… — начал было он и запнулся.

— Что? Да говорите же, дружище. Тут любая мелочь играет роль.

— Удивительно, как это сэр Бартоломью мог шутить с дворецким, помните, горничная рассказывала. По-моему, на него это непохоже.

— Совсем непохоже, — с жаром подхватил сэр Чарлз. — Я ведь хорошо знал Толли. Лучше, чем вы. Балагуром его никак не назовешь. Он никогда бы не стал так себя вести. Разве что какие-то особые обстоятельства… Вы правы, Саттертуэйт, это загадка. Ну а что это нам дает?

— Видите ли, — начал мистер Саттертуэйт и запнулся, сообразив, что вопрос сэра Чарлза был сугубо риторический. Ему вовсе не требовалось узнать мнение мистера Саттертуэйта. Ему надо было высказать свое.

— Помните, когда все это произошло, Саттертуэйт? Сразу после того, как Эллис сообщил сэру Бартоломью о телефонном разговоре. Логично предположить, что именно этот разговор вызвал у сэра Бартоломью приступ веселости. Помните, я спросил у горничной, что это был за разго-

вор.

Мистер Саттертуэйт кивнул:

— Сообщили, что миссис де Рашбриджер прибыла в санаторий, — сказал он. — Я тоже обратил внимание на это обстоятельство. Хотя в самом сообщении нет ничего, что могло бы развеселить сэра Бартоломью.

— На первый взгляд, разумеется, нет. Но если наши рассуждения верны, в этом сообщении должно крыться нечто важное.

— Возможно, — неуверенно проговорил мистер Саттертуэйт.

— И весьма. Надо только выяснить. А вдруг это какой-то шифр и за этим безобидным сообщением кроется что-то совсем иное, например, что-то, связанное со смертью Беббингтона, если Толли действительно втайне предпринял свое собственное расследование. Скажем, нанял частного сыщика и условился с ним, что если их подозрения подтвердятся, сообщить об этом по телефону шифрованной фразой. Знаете, когда человек отваживается на рискованную затею и она ему удается, он может утратить привычную сдержанность. Тогда понятна и веселость Толли, и то,

что он переспросил у Эллиса имя этой дамы. Ведь он-то знал, что на самом деле ее не существует.

— Стало быть, вы считаете, что никакой де Рашбриджер на свете нет?

— Я считаю, что мы должны это выяснить.

— Каким образом?

— Пойти и спросить у старшей сестры.

— Боюсь, что это не очень удобно.

Сэр Чарлз улыбнулся.

— Предоставьте это мне, — сказал он.

Они свернули с подъездной аллеи и направились к санаторию.

— Ну а вы-то сами, Картрайт? Что-нибудь привлекает

ваше внимание? Я хочу сказать, теперь, когда мы побывали в доме?

— Да, что-то там было… Но что? Сейчас не вспомню, — в раздумье проговорил сэр Чарлз.

Мистер Саттертуэйт удивленно на него посмотрел.

Сэр Чарлз нахмурился.

— Не знаю, как и объяснить, — продолжал он, — Что-то.., показалось мне подозрительным… Не правдоподобным… Только вот… Тогда у меня не было времени подумать об этом, и я отогнал от себя эту мысль.

— И теперь не можете вспомнить?

— Не могу… Помню только, в тот момент я сказал себе: «Как странно!»

— Когда это было? Когда мы расспрашивали прислугу? Кого именно?

— Говорю вам, не помню. Чем больше об этом думаю, тем труднее вспомнить… Надо отвлечься, тогда может быть, само всплывет в памяти.

Вот наконец и новый корпус — большое современное здание, отделенное от парка забором. Они прошли через калитку к парадной двери и, позвонив, объяснили, что хотели бы видеть старшую сестру.

К ним вышла высокая женщина средних лет с умным лицом и уверенными манерами. Как выяснилось, она знала, что сэр Чарлз друг покойного сэра Бартоломью.

Он только что из-за границы, объяснил ей сэр Чарлз, и потрясен смертью своего друга, а также ужасными подозрениями, возникшими в ходе следствия. Поэтому он, естественно, поспешил сюда, чтобы самому все узнать.

В ответ старшая сестра проникновенно сообщила, что смерть сэра Бартоломью — невосполнимая утрата для всех, что это был выдающийся специалист. Сэр Чарлз озабоченно поинтересовался, что теперь будет с санаторием. Старшая сестра ответила, что у сэра Бартоломью есть два компаньона, опытные доктора. Один из них и живет здесь, при санатории.

— Сэр Бартоломью, я знаю, гордился этим заведением, — сказал сэр Чарлз.

— Да, лечение здесь идет весьма успешно.

— Вы ведь специализируетесь на заболеваниях нервной системы?

— Да.

— Кстати, здесь лечилась родственница моего приятеля, я недавно встретил его в Монте-Карло. Не вспомню сейчас ее имени… Какое-то странное… Рашбриджер или Расбриггер, кажется.

— Наверное, миссис де Рашбриджер?

— Вот-вот. Она еще здесь?

— О да. Но, боюсь, вам не удастся ее повидать.., пока. У нее очень строгий режим, никаких писем, никаких визитов… Это может ее взволновать.

— Понимаю. Неужели ей так худо?

— Довольно тяжелое нервное расстройство… Провалы памяти и сильнейшее истощение нервной системы. Но мы поставим ее на ноги.

Старшая сестра ободряюще улыбнулась.

— Позвольте… Кажется, Толли.., сэр Бартоломью мне о ней рассказывал… По-моему, они были друзья, если не ошибаюсь?

— Не думаю, сэр Чарлз. По крайней мере, доктор никогда об этом не говорил. Она ведь недавно приехала из Вест-Индии. Право, так забавно получилось! Прислуга никак не могла запомнить ее имя… Горничная у нас такая бестолковая. Представляете, приходит ко мне и говорит: «Приехала миссис Вест-Индия». Вместо Рашбриджер — Вест-Индия! И самое забавное — она действительно прямо из Вест-Индии.

— В самом деле, ужасно забавно. Ее муж тоже приехал?

— Нет еще.

— Да, действительно… Должно быть, я ее с кем-то спутал. А что, ее заболевание как-то особенно интересовало сэра Бартоломью?

— Да нет, амнезия — довольно распространенное явление. Но тем не менее такие больные всегда представляют интерес для врача… Каждый случай чем-то отличается от других. Редко встретишь двух похожих больных.

— Вообще говоря, как-то все странно… Ну что же, благодарю вас. Приятно было с вами познакомиться. Толли вас очень ценил, я знаю. Он мне так много о вас говорил, — приврал под конец сэр Чарлз.

— О, как приятно это слышать, — зарделась польщенная старшая сестра. — Какой прекрасный был человек… Такая утрата для всех нас. Мы просто потрясены.., ошеломлены. Подумать только — убийство! Кто мог желать смерти доктору Стренджу! Невероятно. Этот негодяй дворецкий… Надеюсь, полиция его схватит. И ведь никаких мотивов у него не было.

Сэр Чарлз только печально покачал головой, они откланялись и направились по аллее к тому месту, где их ждал автомобиль.

Подойдя к воротам, они остановились у сторожки, чтобы поговорить с привратником, туповатым с виду малым неопределенного возраста. Мистер Саттертуэйт, как бы желая вознаградить себя за вынужденное молчание во время разговора со старшей сестрой, буквально забросал его вопросами об Оливере Мендерсе.

Да, вот тут он и врезался, видите, стенка обрушилась. На мотоцикле, известное дело. Нет, сам он не видел. Услышал грохот и вышел посмотреть. Молодой джентльмен стоял там.., аккурат на том месте, где сейчас этот джентльмен стоит. Нет, похоже, не расшибся. Только вид у него, горемыки, был не шибко важный — мотоцикл-то свой он в лепешку разбил. Увидел меня и спрашивает, чье, мол, это поместье. А как услышал, что сэра Бартоломью Стренджа, обрадовался. «Ну и повезло!» — говорит. А потом пошел прямо в дом. Тихий такой молодой джентльмен.., видно, сильно уморился. И как его угораздило, в толк не возьму… Ну, да всякое на свете случается…

— Загадочная история, — заметил мистер Саттертуэйт.

Картрайт оглядел широкую, ровную дорогу. Ни поворота, ни перекрестка… Что заставило молодого человека круто свернуть в сторону? Разве он не видел, что перед ним стена высотой в десять футов? Да, загадочная история.

— Что вы на это скажете, Саттертуэйт?

— Ничего, мой друг. Ровным счетом ничего.

— Действительно загадочный случай, — пробормотал сэр Чарлз, озадаченно разглядывая стену.

Окончательно сбитые с толку, они сели в автомобиль и отправились восвояси.

Мистер Саттертуэйт погрузился в раздумье. Итак, миссис де Рашбриджер… Стало быть, Картрайт ошибается… Никакой это не шифр… Ведь она на самом деле существует, эта миссис де Рашбриджер. А может быть, дело в ней самой? Может быть, она что-то видела, что-то знает? Или же просто ее болезнь представляла для доктора профессиональный интерес, этим и объясняется столь несвойственное ему оживление? Интересно, какова собой эта миссис де Рашбриджер? Может быть, она весьма привлекательная особа? Влюбиться в пятьдесят пять лет! А что, примеров тому сколько угодно. И при этом человек может неузнаваемо измениться. Какой-нибудь угрюмый брюзга превращается вдруг в веселого жизнелюба…

Тут его размышления были прерваны.

— Саттертуэйт, — сказал, подавшись к нему, сэр Чарлз, — нам надо вернуться. Вы не возражаете?

Не дожидаясь ответа, он снял переговорную трубку и велел шоферу повернуть назад. Автомобиль послушно замедлил ход и остановился. Шофер ловко развернулся на узкой дороге, и минуту спустя они уже мчались назад, к дому сэра Бартоломью.

— В чем дело? — удивился мистер Саттертуэйт.

— Я вспомнил, — сказал сэр Чарлз. — Чернильное пятно на полу в комнате дворецкого — вот что меня поразило.

Глава 6

Чернильное пятно

Мистер Саттертуэйт в изумлении посмотрел на своего

друга.

— Чернильное пятно? Ну и что?

— Вы помните, что там было пятно?

— Да, помню, там действительно было чернильное пятно.

— А вы заметили, где именно оно находится?

— Ну да, приблизительно.

— Возле камина, у самого плинтуса.

— Да, припоминаю.

— Откуда оно там взялось, как вы думаете, Саттертуэйт?

Саттертуэйт задумался.

— Пятно небольшое, — сказал он наконец. — Опрокинули чернильницу? Нет, не похоже… Скорее всего просто уронили автоматическую ручку. Но ведь там ее не было, помните?

«Пусть знает, что я не менее наблюдателен, чем, он», — подумал мистер Саттертуэйт.

— Если Эллису приходилось писать, он, должно быть, пользовался вечным пером, — снова заговорил он. — Но приходилось ли вообще ему писать — неизвестно.

— Приходилось, Саттертуэйт. Недаром же там пятно.

— Для этого необязательно писать, — нашелся Саттертуэйт. — Достаточно просто уронить перо.

— Если бы на нем был колпачок, пятна бы не было.

— Сдаюсь, вы правы, — сказал мистер Саттертуэйт. — Но не могу понять, что тут удивительного.

— Может быть, и в самом деле ничего нет. Не берусь утверждать, пока снова не увижу все собственными глаза-

ми.

Они прошли в ворота и двинулись к дому. Чтобы избежать переполоха, который наверняка вызовет их возвращение, сэр Чарлз сочинил историю о карандаше, который он якобы забыл в комнате дворецкого.

— Ну, сейчас увидим, — сказал сэр Чарлз, ловко отделавшись от миссис Леки, которая горела желанием всячески им помочь, и плотно прикрыл за собой дверь комнаты Эллиса. — Ну, сейчас увидим — или я последний дурак, или же за этим пятном что-то кроется.

Мистер Саттертуэйт счел, что первое более вероятно, однако из вежливости вслух ничего не сказал. Он сел на кровать и приготовился слушать.

— Итак, вот где пятно, — начал рассуждать сэр Чарлз, указывая на пол, — а вот где письменный стол, он, как видите, в другом углу комнаты. Как надо было уронить автоматическую ручку, чтобы пятно оказалось у противоположной стены?

— Положим, ручку можно уронить где угодно, — заметил мистер Саттертуэйт.

— Можно, конечно, ее швырнуть, — согласился сэр Чарлз. — Но, как правило, с автоматическими ручками никто так не обращается. Впрочем, не знаю. Они ведь, как назло, в самый нужный момент не пишут. Порой так, кажется, и швырнул бы ее на пол! Вот вам и объяснение: Эллис выходит из себя и со словами «Черт тебя побери» изо всех сил швыряет ручку.

— Тут, по-моему, можно придумать сотню разных объяснений, — сказал мистер Саттертуэйт. — Например, он мог положить ее на каминную полку, откуда она скатилась на пол.

Сэр Чарлз принялся производить опыты со своим карандашом. Он положил его на краешек каминной полки. Карандаш упал в футе от пятна, а потом откатился к газовому камину.

— Нет, не то, — сказал мистер Саттертуэйт.

— Попробуем еще.

Сидя на кровати, мистер Саттертуэйт с интересом наблюдал за представлением.

Сначала сэр Чарлз уронил карандаш, подойдя к камину. Потом сел на край кровати, сделал вид, что пишет, и снова уронил карандаш. Тщетные попытки! Чтобы он упал на нужное место, сэру Чарлзу пришлось буквально вжаться в стену. Зачем Эллису было распластываться по стене? Нет, это неубедительно.

— Ничего не выходит, — сказал сэр Чарлз. Он сосредоточенно оглядел стену, чернильное пятно, изящный небольшой газовый камин. — Вот если бы Эллис что-то сжигал в камине, — задумчиво проговорил он. — Но в газовом камине никогда ничего не жгут…

Внезапно он замер, целиком уйдя в себя. А минуту спустя мистер Саттертуэйт еще раз убедился, что перед ним великий актер.

Сэр Чарлз Картрайт исчез, но появился дворецкий Эллис. Вот он сидит за столом и пишет. Сразу понятно, что он замышляет недоброе. Он поминутно боязливо озирается. Вдруг он что-то слышит. «Шаги в коридоре», — догадался мистер Саттертуэйт. Эллис пугается. У него вид преступника, которого вот-вот поймают с поличным. Он вскакивает — в одной руке бумага, в другой — автоматическая ручка, — бросается к камину, настороженно оглядывается, на лице у него страх. Он двумя руками лихорадочно сует бумагу под камин, впопыхах роняет ручку. Она падает как

раз на чернильное пятно.

— Браво! — искренне восхитился мистер Саттертуэйт. Представление было настолько убедительно, что сомнений не оставалось — Эллис вел себя именно так. Сэр Чарлз снова стал самим собой.

— Ну теперь вы поняли? — с притворной скромностью начал он, еле сдерживая торжество. — Эллис слышит шаги полицейских или тех, кого он принимает за полицейских. Он спешит спрятать письмо… Как вы думаете, куда? Конечно же, не в комод и не под матрац, ведь, если будет обыск, письмо сразу обнаружат. Можно под паркет, но на это нет времени. Единственный выход — сунуть его под камин.

— Стало быть, наш следующий шаг — посмотреть, не спрятано ли что-нибудь под камином.

— Совершенно верно. Конечно, может статься, что Эллис зря всполошился, и когда это понял, то вытащил письмо из-под камина. Но вдруг нам все-таки повезет?

Сняв пиджак и засучив рукава рубашки, сэр Чарлз лег на пол и заглянул в щель под камином.

— Там что-то есть. Что-то белое… Как же достать? Нужно что-нибудь, вроде шляпной булавки.

— Теперь уже ими никто не пользуется, — грустно вздохнул мистер Саттертуэйт. — Вот перочинный ножик. Попробуйте им…

Однако нож в щель не пролез.

Пришлось одолжить вязальную спицу у Беатрис, которая умирала от любопытства, но чувство приличия победило — она удержалась от расспросов.

Спица подошла как нельзя лучше, и с ее помощью сэр Чарлз извлек с полдюжины смятых листов бумаги, которые, как видно, в спешке засунули в щель.

Охваченные возраставшим с каждой минутой волнением, сэр Чарлз и мистер Саттертуэйт расправили исписанные листы. Оказалось, что это черновики письма. Почерк мелкий, аккуратный, очень разборчивый.

«Сим сообщаю, что автор письма, не желая причинить никаких неприятностей и боясь впасть в ошибку относитель-

но того, что он видел вечером, считает тем не менее…»

Тут, видно, автору что-то не понравилось, потому что он начал снова:

«Джон Эллис, дворецкий, свидетельствует свое почтение и просит уделить ему время, прежде чем он снесется с полицией, дабы сообщить сведения, которыми он располагает и которые проливают свет на трагедию, произошедшую…»

Опять автор остался недоволен и принялся писать заново:

«Джон Эллис, дворецкий, располагает некоторыми сведениями касательно смерти доктора. Однако он пока не передал их полиции…»

Еще один черновик, написанный от первого лица, гласил:

«Я весьма нуждаюсь в деньгах. Тысяча фунтов могла бы существенно изменить мое положение. Я располагаю сведениями, которые могу сообщить полиции. Однако во избежание неприятностей…»

И наконец, еще более откровенное признание:

«Мне известно, отчего скончался доктор. В полицию я не сообщил… Пока. Если желаете встретиться со мной…»

Последний черновик заканчивался иначе, чем первые четыре. После слов «со мной» шло нечто неразборчивое, все в помарках и кляксах. Очевидно, Эллис уже что-то услышал и встревожился. Он смял листы и бросился их прятать.

Мистер Саттертуэйт глубоко вздохнул.

— Поздравляю, Картрайт, — сказал он. — Интуиция вас не подвела. Вы поработали на славу. Теперь давайте подведем итог.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Итак, Эллис, как мы и предполагали, мошенник. Сам он не убийца, но ему известно, кто убил доктора, и он собирался шантажировать его или ее…

— Его или ее, — подхватил сэр Чарлз. — Досадно, что мы

этого не знаем. Что ему стоило начать свои излияния с обращения «сэр» или «мадам»… А этот Эллис — артистическая натура. Как он трудился над своим письмом! Если бы только он дал нам хоть какой-то намек, пусть самый мизерный, кому адресовано это письмо.

— Не беда, — возразил мистер Саттертуэйт. — Мы и так значительно продвинулись. Помните, вы сказали, что намерены найти в комнате Эллиса доказательства его невиновности. Вот мы их и нашли. Эти письма свидетельствуют о том, что он невиновен. Не виновен в убийстве, я хочу сказать. Конечно, он законченный негодяй, но сэра Бартоломью Стренджа убил кто-то другой. Тот же, кто отравил Беббингтона. Думаю, в полиции должны будут с этим согласиться.

— Вы хотите все это выложить полиции? — возмутился сэр Чарлз.

— А как же иначе?

Сэр Чарлз снова уселся на кровать.

— Неужели вы не понимаете, — начал он, сосредоточенно хмуря брови. — Нам с вами известно то, чего никто еще не знает. Полицейские ищут Эллиса. Они считают, что сэра

Бартоломью убил он. Это всем известно. И настоящий преступник чувствует себя в безопасности. Он (или она), конечно, бдительности не теряет, но и не слишком тревожится. Сейчас преимущества на нашей стороне. Разве не досадно их лишиться? Разве не досадно упустить такой случай? Возможно, нам удастся обнаружить связь между этими двумя смертями. Ведь, кроме нас, никто не догадывается, что такая связь существует. И убийца пока вне подозрений. Нам просто невероятно повезло.

— Да, понимаю. И согласен с вами. Действительно, редкостный случай. Но тем не менее считаю, что мы не можем им воспользоваться. Наш долг, долг законопослушных граждан, немедленно сообщить в полицию о нашей находке. Мы не имеем права ее утаивать.

Сэр Чарлз смерил своего друга насмешливым взглядом.

— Вы, как я посмотрю, просто образцовый гражданин. Безусловно, какие-то общепринятые установления надо соблюдать… Однако я далеко не такой примерный гражданин, как вы. Я бы без колебаний утаил нашу находку на день-другой… Всего на пару дней, а? Нет? Ладно, сдаюсь. Будем свято чтить закон и порядок.

— Поймите, Джонсон — мой друг, и он так любезно с нами обошелся… Рассказал нам об этом деле все, что ему

самому было известно…

— В общем-то вы правы, — вздохнул сэр Чарлз. — Будь по-вашему. Только вот никто ведь, кроме меня, и не подумал заглянуть под камин. А эти кретины полицейские! Никому из них такая мысль и в голову не пришла… Да ладно, поступайте как знаете… Интересно, где сейчас Эллис, как вы думаете?

— Наверное, получил то, что хотел. Ему заплатили, чтобы он исчез, вот он и исчез, причем очень успешно.

— Да, наверное, так и есть. — Сэр Чарлз зябко повел плечами. — Знаете, Саттертуэйт, мне тут как-то не по себе. Давайте побыстрее отсюда уйдем.

Глава 7

Расследование продолжается

Вечером следующего дня сэр Чарлз и мистер Саттертуэйт

вернулись в Лондон.

Разговор с полковником Джонсоном они постарались вести очень деликатно. Старший инспектор Кроссфилд, конечно, был отнюдь не в восторге от того, что непрофессионалы преуспели там, где он сам и его помощники дали маху. Не так легко ему было защитить честь мундира.

— Ваше открытие делает вам честь, сэр. Признаться, мне и в голову не пришло заглянуть под камин. Удивляюсь, как это вы догадались.

— Да просто-напросто обшаривали все подряд, — сказал сэр Чарлз, не уточняя, каким образом чернильное пятно натолкнуло их на эту мысль.

— И хорошо сделали, сэр, — подхватил старший инспектор, — честное слово, потрудились недаром. Хотя, правду говоря, я не слишком удивлен. Понимаете, если Эллис не убийца, почему он исчез? Должна же быть причина. Задним-то умом я с самого начала понимал, что тут пахнет шантажом.

Открытие сэра Чарлза повлекло за собой чрезвычайно важное событие. Полковник Джонсон решил уведомить полицию Лумаута о необходимости немедленно начать рассле-

дование обстоятельств смерти Стивена Беббингтона.

— Если обнаружится, что он скончался в результате отравления никотином, то даже Кроссфилд сообразит, что эти две смерти связаны между собой, — говорил сэр Чарлз, когда они ехали в Лондон.

Он все еще был в дурном настроении оттого, что ему пришлось передать в руки полиции свою находку.

Мистер Саттертуэйт старался его успокоить, уверяя, что его открытие будет до времени храниться в тайне и ни общество, ни пресса о нем не узнают.

— У преступника не возникнет никаких подозрений. Ведь полиция все еще продолжает искать Эллиса.

Сэру Чарлзу ничего не оставалось, как согласиться с доводами своего друга.

Подъезжая к Лондону, сэр Чарлз сообщил, что собирается повидать мисс Литтон Гор. Ее письмо к нему было отправлено из квартала Белгрейв-сквер. И он надеялся, что она живет по этому адресу.

Мистер Саттертуэйт весьма одобрил намерения сэра Чарлза. Ему и самому не терпелось увидеть Мими. Условились, что сэр Чарлз позвонит ей, как только они прибудут в Лондон.

Оказалось, что Мими все еще в городе. Они с леди Мэри остановились у родственников и не собирались возвращаться в Лумаут раньше чем через неделю. Мими охотно согласилась пообедать с ними.

— Пожалуй, не стоит приглашать ее сюда, — говорил сэр Чарлз, окидывая взглядом свою роскошную квартиру. — Вряд ли леди Мэри это одобрит, а? Правда, мы могли бы пригласить мисс Милрей. Но как-то не хочется. По правде говоря, эта мисс Милрей меня стесняет. Она столь безукоризненна, что при ней я испытываю комплекс неполноценности.

Мистер Саттертуэйт предложил к услугам сэра Чарлза свой дом. Но в конце концов договорились, что пообедают в «Беркли». А потом, если Мими пожелает, можно поехать еще куда-нибудь.

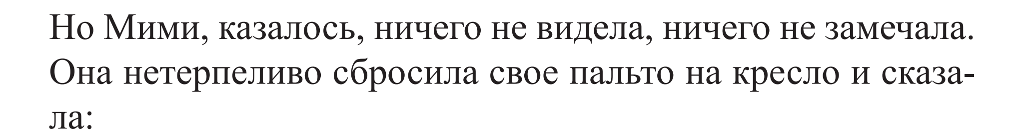
Мистер Саттертуэйт сразу заметил, что девушка сильно похудела. Глаза, казалось, стали еще больше и лихорадочно блестели, рот был решительно сжат. Лицо поражало

своей бледностью, под глазами легли темные круги. Однако она, как и прежде, была очаровательна в своей детской непосредственности.

— Я знала, что вы вернетесь… — сказала она, глядя на сэра Чарлза. В ее голосе звучало облегчение. Кажется, она поверила, что теперь все будет хорошо.

«А ведь она сомневалась в том, что Картрайт вернется… — подумал мистер Саттертуэйт. — Она отнюдь не была в этом уверена. Мучилась неизвестностью. Боялась до смерти, что он не вернется. Догадывается ли об этом сэр Чарлз? Эти актеры никого, кроме самих себя, не видят… Неужели он не понимает, что бедняжка по уши в него влюблена? Удивительно, а ведь сэр Чарлз и сам без памяти в нее влюблен. И оба, как утопающие за соломинку, цепляются за это загадочное преступление. Убийство… Даже два убийства».

За обедом говорили мало. Сэр Чарлз вскользь упомянул о Монте-Карло, Мими о Лумауте. Разговор не клеился, несмотря на старания мистера Саттертуэйта. После обеда он пригласил их к себе, в свой дом на набережной в Челси. Чего тут только не было — картины, скульптура, китайский фарфор, древняя керамика, безделушки из слоновой кости, чиппендейловская и хепплуайтская мебель. Вся уютная обстановка этого просторного дома как бы располагала к откровенной беседе.

Но Мими, казалось, ничего не видела, ничего не замечала. Она нетерпеливо сбросила свое пальто на кресло и сказала:

— Ну, наконец-то. А теперь расскажите мне все по порядку.

С живейшим интересом она слушала рассказ сэра Чарлза об их приключениях в Йоркшире, а когда речь зашла о письмах, она даже дыхание затаила.

— Что произошло потом? Об этом можно только догадаться, — заключил сэр Чарлз. — Видимо, Эллису заплатили, чтобы он держал язык за зубами, и помогли бежать.

Мими покачала головой.

— Ох, нет, — выдохнула она. — Как вы не понимаете? Ведь Эллис мертв.

Сэр Чарлз и мистер Саттертуэйт были поражены.

— Да-да, мертв, — упрямо повторила Мими. — Потому его и не могут найти. Он слишком много знал, и от него избавились. Он — третья жертва.

Хотя ни сэру Чарлзу, ни мистеру Саттертуэйту ничего подобного и в голову не приходило, они были вынуждены признать, что это вполне вероятно.

— Но, послушайте, моя дорогая, — пытался, однако, возражать сэр Чарлз, — легко сказать, мертв. А где же тело? Ведь Эллис — довольно крупный мужчина и весит никак не меньше двенадцати стоунов.

— Где тело, не знаю… — сказала Мими. — Где-то спрятали, таких мест сколько угодно.

— Вряд ли, — пробормотал мистер Саттертуэйт, — вряд ли…

— Сколько угодно, — повторила Мими. — Постойте… — Она немного подумала. — Взять хоть чердак. Полно таких чердаков, куда никто никогда не заглядывает. Засунули тело в какой-нибудь сундук на чердаке.

— Нет, едва ли, — сказал сэр Чарлз. — Хотя, конечно, и

это возможно. Некоторое время, пока.., э-э…

Мисс Литтон Гор сразу поняла, о чем речь. Она была не из тех, кто боится называть вещи своими именами.

— Но запахи уходят вверх, а не вниз. Вот если бы разлагающийся труп лежал в подвале, его скорее бы обнаружили. А так если даже и появится дурной запах, то подумают, что крыса сдохла.

— Если вы рассуждаете верно, то можно не сомневаться: убийца — мужчина. Женщине не под силу втащить тело на чердак. Даже мужчине и то трудно.

— Но ведь могло быть и по-другому. Не забывайте о подземном ходе. Мне о нем говорила мисс Сатклифф, а сэр Бартоломью даже хотел мне его показать. Убийца мог пообещать Эллису деньги, спуститься с ним вместе в подземный ход и там его убить. С этим и женщина справится. Она, например, могла всадить ему нож в спину… Тело осталось бы там, она спокойно вернулась в дом, и никто бы ничего не заметил.

Сэр Чарлз с сомнением пожал плечами, но спорить не стал.

А мистер Саттертуэйт припомнил, что в тот момент, когда они обнаружили письма, у него самого возникли смутные подозрения. Он тоже подумал, что Эллиса, может быть, уже нет в живых… И сэр Чарлз тогда еще зябко поежился, видно, подумал о том же. «Если Эллиса тоже убили, — подумал мистер Саттертуэйт, — то мы имеем дело с очень опасным преступником… Да, чрезвычайно опасным…» Он вдруг почувствовал, как по спине у него побежали мурашки…

Преступник, совершивший три убийства, не задумываясь, совершит и четвертое.

Стало быть, все они в опасности, все трое — сэр Чарлз, Мими и он сам. Слишком много они разузнали.

Голос сэра Чарлза вывел его из задумчивости:

— Одного я в вашем письме не понял, Мими. Вы написали, что Оливер Мендерс в опасности. Что полиция его подозревает. Не могу себе представить, в чем именно.

Мистеру Саттертуэйту почудилось, что Мими немного смутилась. Кажется, даже вспыхнула. «Ага, — подумал он, — посмотрим, как ты выпутаешься, милочка».

— Ужасно глупо получилось, — сказала Мими. — Я просто растерялась. Оливер свалился как снег на голову. Можно подумать, он нарочно все это подстроил. Ну вот, я и испугалась, что полиция его заподозрит.

Сэра Чарлза, похоже, это объяснение вполне удовлетворило.

— Ах так, — сказал он. — Тогда понятно.

— Может быть, он и вправду подстроил аварию? — спросил мистер Саттертуэйт.

— Вы так думаете? — повернулась к нему Мими.

— Очень уж подозрительно: именно здесь врезаться, — сказал мистер Саттертуэйт. — Но если она и в самом деле подстроена, то вы, наверное, знаете об этом.

Мими решительно тряхнула головой.

— Ничего я не знаю. И вообще, с какой стати было Оливе-

ру подстраивать эту аварию?

— Вероятно, у него была причина, — сказал сэр Чарлз. — И даже довольно легко догадаться какая. Он явно хотел поддразнить девушку.

— Нет, — сказала она, заливаясь краской. — Нет!

Сэр Чарлз вздохнул. Мистеру Саттертуэйту показалось, что его друг совершенно превратно истолковал ее смущение.

— Ну что ж, — уныло проговорил он. — Стало быть, ваш юный друг вне опасности… Больше мне здесь нечего делать.

Сэр Чарлз будто на глазах постарел. Мими бросилась к нему, схватила за рукав.

— Нет, не уезжайте, прошу вас. Неужели вы хотите все бросить? Мы должны докопаться до истины, должны узнать всю правду! Никто, кроме вас, на это не способен! Никто!

Мими говорила самозабвенно, со свойственной ей страстной убежденностью. Вокруг нее, казалось, вздымаются и бурлят какие-то мощные энергетические потоки и волны, тревожащие мирный уют этой викторианской гостиной.

— Значит, вы в меня верите? — сказал сэр Чарлз. Он был растроган.

— Да, да, да! Вы узнаете правду! Мы с вами вместе ее узнаем!

— И Саттертуэйт тоже.

— Ну разумеется. И мистер. Саттертуэйт тоже, — согласилась Мими без всякого энтузиазма.

Мистер Саттертуэйт подавил улыбку. Как бы ни отнеслась к этому Мими, он не намерен выходить из игры. Он обожает тайны, обожает изучать психологию людей, столкновение их характеров и, наконец, питает слабость к влюбленным. Чего же лучше? В этом деле есть и тайны, и захватывающие психологические головоломки, и даже влюбленные, нуждающиеся в его опеке.

Сэр Чарлз опустился в кресло. Теперь голос его звучал

совсем по-другому: он распоряжался, он был режиссером спектакля.

— Во-первых, следует уяснить для себя положение дел. Уверены ли мы, что и Беббингтона, и Бартоломью Стренджа убил один и тот же человек?

— Да, — сказала Мими.

— Да, — повторил вслед за ней мистер Саттертуэйт.

— Уверены ли мы, что первое убийство повлекло за собой второе? То есть уверены ли мы, что Бартоломью Стренджа убили потому, что он мог разоблачить убийцу пастора или, по крайней мере, догадывался, кто этот человек?

— Да, — на этот раз в один голос сказали Мими и мистер Саттертуэйт.

— Значит, мы должны расследовать вначале первое, а не второе убийство.

Мими кивнула.

— Пока мы не выясним мотивы первого убийства, — продолжал сэр Чарлз, — нам едва ли удастся найти убийцу. Конечно, я понимаю, сделать это чрезвычайно трудно. Невозможно представить, чтобы у мистера Беббингтона, такого приятного, безобидного джентльмена, имелся смертельный враг. И все-таки его убили. Значит, была какая-то причина. Вот это мы и должны выяснить.

Он помолчал, затем очень спокойно сказал:

— Давайте на этом и сосредоточим свои усилия. Какие существуют причины для убийства? Во-первых, я думаю, корысть.

— Месть, — сказала Мими.

— Мания убийства, — сказал мистер Саттертуэйт. — Убийство в состоянии аффекта? В нашем случае вряд ли. Убийство из страха…

Чарлз Картрайт кивнул, что-то торопливо записывая на клочке бумаги.

— Кажется, все перечислили. Первое — корысть. Выиг-

рал ли кто-нибудь от смерти Беббингтона? Были ли у него деньги? Может быть, он рассчитывал их получить?

— Думаю, это маловероятно, — сказала Мими.

— Согласен, но все-таки об этом надо подумать и поговорить с миссис Беббингтон. Затем — месть. Мог ли Беббингтон кому-нибудь причинить зло? Может быть, давно, в молодости? Например, отбить чью-то невесту? Этим тоже надо поинтересоваться.

Далее — мания убийства. Могло ли случиться, что и Беббингтон и Толли убиты маньяком? Думаю, эта версия критики не выдерживает. Даже маньяк просто так, без побудительной причины, не убивает. Скажем, один маньяк одержим мыслью, что ему свыше предназначено убивать докторов, другой видит свое призвание в том, чтобы убивать священников, но одновременно и тех и других? Нет, не то. Думаю, от этой версии можно отказаться. Стало быть, остается страх.

Откровенно говоря, эта версия кажется наиболее убедительной. Возможно, Беббингтону о ком-то стало известно что-то компрометирующее.., или он кого-то опознал. Это могло стать причиной убийства.

— Не понимаю, что мог знать мистер Беббингтон? Такое, из-за чего его убили? — вставила Мими.

— Может быть, он и сам не догадывался, что ему известно нечто важное, — предположил сэр Чарлз. — Как бы это объяснить? Предположим, например (подчеркиваю, это только пример), что существует некое лицо, которое Беббингтон случайно видел в такой-то день, в таком-то месте. Допустим, это лицо строит свое алиби на том, что в указанный день оно было в сотне миль от указанного места. Таким образом, Беббингтон, сам того не ведая, в любой момент мог это лицо разоблачить.

— Поняла, — сказала Мими. — Скажем, в Лондоне совершено убийство. Беббингтон случайно встречает убийцу на Паддингтонском вокзале. Убийца же строит свое алиби на том, что в указанное время был, скажем, в Лидсе. Значит, Беббингтон может его разоблачить.

— Именно об этом я и говорю. Конечно, это только пример. Тут может быть все что угодно. Допустим, в тот вечер Беббингтон встретил в моем доме кого-то, кого он знавал под другим именем…

— А может быть, какого-нибудь двоеженца, — сказала Мими. — Ведь Беббингтон был пастор, кому, как не ему, знать про эти дела.

— Конечно. Или же открылась какая-то тайна, касающаяся чьего-то рождения, а может быть, смерти, — сказал мистер Саттертуэйт.

— Гадать можно сколько угодно, — нахмурилась Мими. — Надо подойти к делу с другого конца. Припомним всех, кто был на обеде. Составим список тех, кто был у вас, сэр Чарлз, и у сэра Бартоломью.

Сэр Чарлз протянул ей бумагу и карандаш.

— Дейкерсы — они были и там и там. Потом эта кочерыжка сушеная, как там ее… Уиллс, да? Затем мисс Сатклифф.

— Анджелу можно не считать, — заметил сэр Чарлз. — Я сто лет с ней знаком.

— Мало ли что, — воспротивилась Мими. — Это не причина. Мы должны отбросить эмоции. Кроме того, лично мне ничего о ней не известно. Она вполне годится на роль убийцы, даже, пожалуй, больше, чем кто-либо. У всех актрис сомнительное прошлое. В общем, по-моему, ее-то как раз и можно заподозрить в первую очередь.

Мими бросила на сэра Чарлза вызывающий взгляд.

— В таком случае мы должны оставить в списке и Оливера Мендерса, — сверкнул глазами сэр Чарлз.

— Оливера?! Он же у Беббингтонов свой человек.

— Не важно. Он был и там и там, к тому же появление его у сэра Бартоломью очень подозрительно.

— Превосходно, — сказала Мими. — В таком случае, — добавила она, помолчав, — я включу в список и нас с мамой. Получается семь человек.

— Возражаю.

— Нет уж! Всех так всех! — Глаза ее метали молнии. «Пора вмешаться», — подумал мистер Саттертуэйт и позвонил, чтобы подавали напитки. Мир был восстановлен.

Сэр Чарлз отошел в дальний угол и остановился перед великолепной скульптурой — головой негра. Мими прибли-

зилась к мистеру Саттертуэйту и взяла его под руку.

— Зря я погорячилась. Глупо вышло, — тихо сказала она. — Ужасно глупо… Но все-таки почему не считать мисс Сатклифф? И почему он так на этом настаивал? О, Господи! Ну почему, почему я так непростительно ревнива!

Мистер Саттертуэйт с улыбкой похлопал ее по руке.

— Не стоит давать волю ревности, моя дорогая, — сказал он. — Во всяком случае, не показывайте виду, что ревнуете. Кстати, скажите положа руку на сердце, можно ли заподозрить Мендерса?

Мими улыбнулась — открыто, по-детски доверчиво.

— Конечно нет. Я вписала Оливера, только чтобы успокоить его. — Мими бросила взгляд в угол, где сэр Чарлз с мрачным видом созерцал голову негра. — Понимаете, я не хочу, чтобы он думал, что я вешаюсь ему на шею. Но чтобы он подумал, что я увлечена Оливером — тоже не хочу… Потому что на самом деле это не так. Как все сложно! Чуть что, сэр Чарлз становится в позу: «Благословляю вас, дети мои!» А я этого вовсе не желаю!

— Терпение, моя дорогая, — сказал мистер Саттертуэйт, — все будет хорошо, поверьте.

— Чего у меня нет, так это терпения. Мне все подавай немедленно или даже скорее.

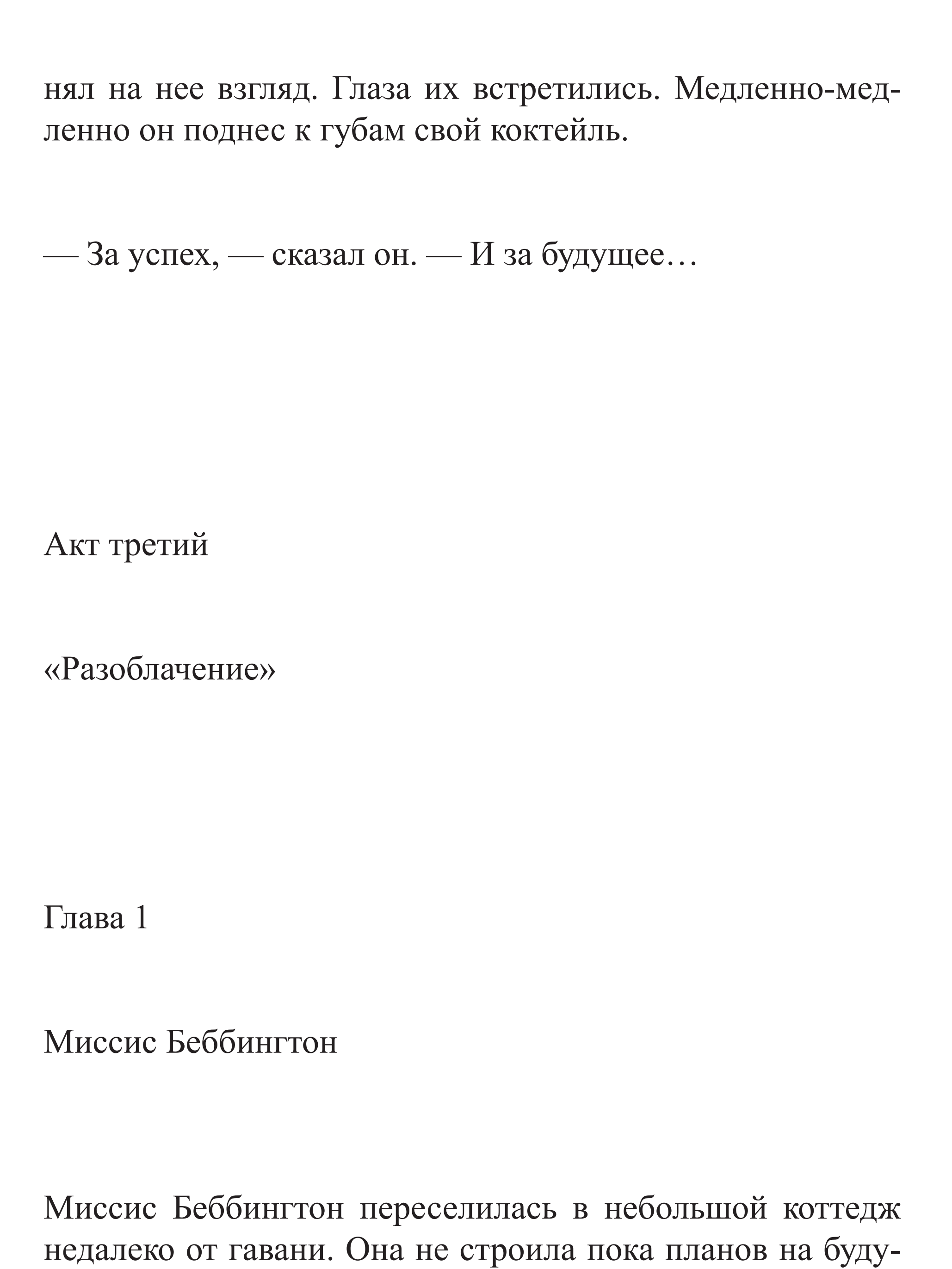
Мистер Саттертуэйт засмеялся, сэр Чарлз обернулся и двинулся к ним.

Неторопливо потягивая коктейли, они наметили план действий. Сэр Чарлз вернется в «Вороново гнездо», на которое пока не нашлось покупателя. Мими с леди Мэри тоже отбудут в коттедж «Роза» раньше, чем намеревались. Миссис Беббингтон все еще в Лумауте. Они постараются выяснить у нее все, что возможно, а потом решат, как действовать дальше.

— У нас все получится, — сказала Мими. — Вот увидите.

Мими смотрела на сэра Чарлза, глаза у нее сияли. Она протянула к нему свой стакан. Они чокнулись.

— За наш успех! — воскликнула девушка. Сэр Чарлз под-

нял на нее взгляд. Глаза их встретились. Медленно-медленно он поднес к губам свой коктейль.

— За успех, — сказал он. — И за будущее…

Акт третий

«Разоблачение»

Глава 1

Миссис Беббингтон

Миссис Беббингтон переселилась в небольшой коттедж недалеко от гавани. Она не строила пока планов на будущее, ожидая, что месяцев через шесть вернется из Японии ее сестра. По счастью, ей подвернулся этот коттедж, и она

на полгода его сняла. Потрясенная внезапной невосполнимой утратой, она не смогла сразу покинуть Лумаут, где они с мужем прожили почти семнадцать лет. Семнадцать спокойных и, можно было бы сказать, счастливых лет, если бы не скорбь по погибшему сыну Робину. Остальных сыновей судьба раскидала по всему свету: Эдвард жил на Цейлоне, Ллойд — в Южной Африке, Стивен служил третьим офицером на «Анголе». От всех троих она часто получала письма, полные любви, но ни у кого из них не могла бы обрести домашний очаг и некому было скрасить ее одиночество.

Нет, она не позволяла себе унывать. Она трудилась в церковном приходе — новый викарий не был женат — и много времени проводила в своем крохотном палисаднике. Жизни без цветов она себе не мыслила.

Однажды на закате дня, когда она рыхлила землю на клумбе, вдруг лязгнул засов на калитке, и она увидела сэра Чарлза Картрайта и Мими Литтон Гор.

Появлению Мими Маргарет не удивилась. Она знала, что Литтон Горы вот-вот должны вернуться. Но увидеть сэра Чарлза она не ожидала. Ходили слухи, что он навсегда покинул Лумаут. В газетах писали, что он живет во Франции, на юге. На воротах виллы «Вороново гнездо» висела дощечка с надписью «Продается». Никто не предполагал, что сэр Чарлз может вернуться. А он вернулся.

Тряхнув головой, миссис Беббингтон откинула с разгоряченного лба непослушную прядь и смущенно посмотрела на свои перепачканные землей руки.

— Не могу вам подать руки, — сказала она. — Надо бы, конечно, работать в перчатках. Вообще-то я их иногда надеваю, но потом все равно снимаю. Гораздо удобнее полоть голыми руками.

Она пригласила гостей в дом. Маленькая уютная гостиная была обита ситцем. На стенах висели фотографии, и повсюду стояли вазы с хризантемами.

— Какая приятная неожиданность, сэр Чарлз. Я думала, вы навсегда уехали из Лумаута.

— Я и сам так думал, — признался он. — Но порой, миссис Беббингтон, судьба играет нами.

Миссис Беббингтон не нашлась, что ответить. Она обратилась было к Мими, но девушка ее опередила:

— Понимаете, миссис Беббингтон, мы пришли к вам не

просто так. Мы с сэром Чарлзом должны сообщить вам нечто важное. Только я.., мне так не хочется вас огорчать.

Миссис Беббингтон перевела взгляд на сэра Чарлза. Лицо у нее сразу стало белым, черты исказила страдальческая гримаса.

— Прежде всего, — поспешно заговорил сэр Чарлз, — я хотел бы знать, получили ли вы уведомление из Министерства внутренних дел?

Миссис Беббингтон опустила голову.

— Я понимаю… Но, возможно, это несколько облегчит нашу задачу.

— Вы пришли из-за этого распоряжения об.., об эксгумации?

— Да. Это.., боюсь, это будет для вас тяжким испытанием.

Прозвучавшее в его голосе сочувствие тронуло миссис Беббингтон.

— Да нет, я не против, вы не думайте. Действительно, иным людям сама мысль об эксгумации кажется отвратительной… Я не принадлежу к их числу. Разве бренное тело так уж много значит. Душа моего дорогого мужа не здесь… Она на небесах… Там ее ничто не потревожит. Нет, не в этом дело. Меня гнетет другое — неужели Стивен умер не своей смертью? Это немыслимо.., совершенно немыслимо.

— Боюсь, вы заблуждаетесь. Мне.., нам.., поначалу тоже казалось, что это немыслимо.

— Поначалу? Что значит поначалу, сэр Чарлз?

— Видите ли, я в тот же вечер, когда ваш муж скончался, заподозрил недоброе. Но, как и вам, эта мысль показалась мне чудовищной, и я от нее отказался.

— Я тоже заподозрила недоброе, — сказала Мими.

— И вы тоже? — воскликнула пораженная миссис Беббингтон. — И вы подумали, что кто-то мог убить Стивена?

Миссис Беббингтон была так потрясена, что ни Мими, ни сэр Чарлз не нашлись, что ей на это сказать.

— Вы, должно быть, знаете, что я уехал за границу, во Францию. Там из газет я узнал о смерти моего друга Бартоломью Стренджа. Он скончался почти при тех же обстоятельствах. Потом я получил письмо от мисс Литтон Гор.

Мими кивнула.

— Понимаете, я там была, стояла рядом с сэром Бартоломью, все случилось.., совершенно так же. Он отпил немного портвейна, поморщился и.., и.., ну, в общем, то же самое… Через две-три минуты скончался.

Миссис Беббингтон покачала головой.

— Не понимаю. Стивен… Сэр Бартоломью.., превосходный доктор, замечательный человек! Кто мог желать им зла? Все-таки тут какое-то недоразумение.

— Видите ли, уже установлено, что сэра Бартоломью отравили, — сказал сэр Чарлз.

— Должно быть, это дело рук какого-то маньяка.

— Миссис Беббингтон, — продолжал сэр Чарлз, — я хочу добраться до сути. Узнать правду. И чувствую, что времени терять нельзя. Как только преступник узнает об эксгумации, он насторожится. Допустим, нам известен результат вскрытия. Предположим, мистер Беббингтон тоже скончался от отравления никотином. Знали ли вы с мистером Беббингтоном что-нибудь об использовании чистого никотина?

— Я всегда опрыскиваю розы раствором никотина. Мне и в голову не приходило, что он ядовит.

— Еще как ядовит, я как раз вчера об этом читал. Вероятно, в обоих случаях использовался чистый алкалоид. Вообще говоря, к никотину как к яду прибегают крайне редко.

— Чего не знаю, того не знаю, — сказала миссис Беббингтон. — Правда, мне всегда казалось, что заядлые курильщики сами себя отравляют никотином.

— Мистер Беббингтон курил?

— Да.

— Миссис Беббингтон, вас потрясла мысль о том, что кто-то мог желать смерти вашего мужа. Значит ли это, что у него не было врагов?

— Уверена в этом. Его все так любили.., за его мягкость, за доброту. Он ведь был такой покладистый, но, правда, порой люди пытались на него давить… — Она печально улыбнулась. — Он был далеко не молод и не принимал разных новшеств, но все его любили. Его нельзя было не любить, сэр Чарлз.

— Кажется, он оставил вам не слишком много денег?

— Да. Почти ничего. Он не умел копить деньги. Слишком много раздавал. Я его за это даже ругала.

— Мог ли он получить наследство? Скажем, какую-нибудь собственность, имение?

— О нет. У Стивена было мало родственников. Сестра его замужем за пастором, они живут в Нортумберленде, едва сводят концы с концами, а все дяди и тети у него умерли.

— Стало быть, с его смертью никто ничего не выигрывает?

— Конечно.

— Врагов у него, говорите, не было. А в молодости?

— Едва ли, — с сомнением проговорила миссис Беббингтон. — Он всегда был такой уступчивый, со всеми ладил.

— Не хотелось бы впадать в мелодраматизм. — Сэр Чарлз смущенно покашлял. — Но.., э-э.., когда вы с ним обручились, не было ли у вас какого-нибудь незадачливого поклонника?

Взгляд миссис Беббингтон сразу потеплел.

— Стивен служил помощником у моего отца. Он был первый молодой человек, с которым я познакомилась, когда, окончив школу, вернулась домой. Мы полюбили друг друга. Потом четыре года были обручены. Когда Стивен получил свой приход в Кенте, мы смогли пожениться. Как видите, совсем простая история. Простая и счастливая.

Сэр Чарлз склонил голову. Скромное достоинство, с каким держалась миссис Беббингтон, было очень трогательно.

Мими воспользовалась паузой, чтобы, в свою очередь, задать миссис Беббингтон несколько вопросов.

— Как вы думаете, ваш муж встречался прежде с кем-либо из гостей сэра Чарлза?

Этот вопрос, казалось, поставил миссис Беббингтон в тупик.

— Ну конечно, ведь там были вы, и ваша матушка, и Оливер Мендерс…

— Понятно. А с прочими?

— Лет пять назад, когда были в Лондоне, мы видели пьесу с Анджелой Сатклифф. Мы знали, что она будет у сэра Чарлза, и с волнением ждали этой встречи.

— Значит, раньше вы никогда с ней не встречались?

— Нет. У нас вообще не было знакомых среди актеров, пока сэр Чарлз не поселился по соседству с нами. Для нас это было большое событие. Сэр Чарлз, наверное, не догадывался, как мы обрадовались. Его приезд внес романтику в наши будни.

— А с Дейкерсами вы прежде не встречались?

— Это тот низенький человечек и дама в роскошном платье?

— Да.

— Нет, никогда не приходилось видеть ни их, ни той дамы, что пишет пьесы. Бедняжка, она какая-то немножко странная, мне кажется.

— Вы твердо уверены, что прежде ни с кем из них не встречались?

— Совершенно уверена. И о Стивене могу сказать то же самое. Понимаете, мы с ним всюду бывали вместе.

— А мистер Беббингтон вам ничего-ничего не говорил о

тех людях, которые ожидались у сэра Чарлза? — не сдавалась Мими. — Может быть, он что-нибудь сказал, когда их увидел.

— Нет, ничего. Просто надеялся, что вечер будет интересный. А когда пришли.., тут он не успел… — По лицу у нее прошла судорога.

— Простите, что вынуждены причинять вам такие страдания, — торопливо заговорил сэр Чарлз. — Видите ли, мы уверены, что тут что-то неладно. Только бы нам удалось докопаться. Какое жестокое и бессмысленное убийство! Должна же быть хоть какая-то причина.

— Я понимаю, — сказала миссис Беббингтон. — Если это действительно убийство.., то должна быть и причина. Но не знаю, не могу себе представить, что это за причина…

Наступило молчание, которое нарушил сэр Чарлз:

— Миссис Беббингтон, не могли бы вы нам вкратце рассказать, где и когда служил ваш муж?

У миссис Беббингтон была хорошая память на даты. Вот что записал за нею сэр Чарлз:

«Стивен Беббингтон родился в 1868 году в Айлингтоне, графство Девоншир. Окончил колледж св. Павла и Оксфорд. Посвящен в дьяконы, в 1891 году назначен в церковный приход в Хокстоне. В 1892 году рукоположен в сан священника. С 1894 по 1899 год занимал должность помощника викария у преподобного Вернона Лорримера в Эслингтоне, графство Суррей. В 1899 году сочетался браком с Маргарет Лорример и получил приход в Джиллинге, графство Кент. В 1916 году переведен в приход Сент-Петроч в Лумауте».

— Ну что ж, нам есть с чего начать, — сказал сэр Чарлз. — По-моему, для нас может представлять интерес период, когда мистер Беббингтон служил викарием в приходе Сент-Мэри, в Джиллинге. То, что было раньше, едва ли может иметь отношение к тем, кто был у меня в тот вечер.

Миссис Беббингтон вздрогнула.

— Неужели вы правда думаете, что.., кто-то из них?

— Право, не знаю, — сказал сэр Чарлз. — Бартоломью что-то видел или о чем-то догадывался, и вот он умирает

при таких же обстоятельствах, причем у него в доме присутствуют пятеро…

— Семеро, — вставила Мими.

— …из моих гостей. Значит, преступник — кто-то из них.

— Но почему? — воскликнула миссис Беббингтон. — Почему кому-то из них понадобилось убивать Стивена?

— Именно это нам и предстоит узнать, — сказал сэр Чарлз.

Глава 2

Леди Мэри

Мистер Саттертуэйт вернулся в «Вороново гнездо» вместе с сэром Чарлзом. Пока сэр Чарлз и Мими навещали миссис Беббингтон, мистер Саттертуэйт пил чай с леди Мэри.

Леди Мэри благоволила к мистеру Саттертуэйту. При всей своей мягкости она решительно делила людей на тех, кто ей симпатичен, а кто — нет.

Мистер Саттертуэйт прихлебывал китайский чай из чашки дрезденского фарфора, с удовольствием поедал крошечные сандвичи и вел приятную беседу. В прошлый раз они выяснили, что у них с леди Мэри много общих друзей и знакомых. С этого они и начали разговор, который постепенно становился все более откровенным.

Мистер Саттертуэйт с его викторианской воспитанностью умел сочувственно выслушивать собеседника, не докучая ему своими заботами.

В прошлый раз леди Мэри даже сочла уместным поведать ему о том, как ее тревожит будущее дочери. Вот и сейчас она разговаривала с ним как со старинным другом.

— Мими такая упрямая и своевольная, — вздохнула леди Мэри. — Уж если заберет себе что-то в голову, то с ней сладу нет. Видите ли, мистер Саттертуэйт, я не могу одобрить то, что она вмешивается в эту трагическую историю. На мой взгляд, юной леди не пристало заниматься таким делом, хотя Мими, безусловно, посмеялась бы над моими

суждениями.

Она слегка порозовела. Ее карие глаза глядели на мистера Саттертуэйта по-детски простодушно и беспомощно.

— Я вас понимаю, — сказал мистер Саттертуэйт, — и должен признаться, мне и самому это не по душе. Знаю, что во мне сильны старомодные предрассудки, но ничего не могу с собой поделать. И все же, — в его взгляде мелькнула искорка смеха, — едва ли мы с вами можем надеяться, что нынешние юные леди будут сидеть дома за пяльцами и что одна мысль о преступлении способна повергнуть их в трепет.

— Мне неприятно даже думать об этом. Никак не ожидала, что могу попасть в подобную историю. Просто ужасно. — Она зябко повела плечами. — Бедный сэр Бартоломью.

— Вы ведь его почти не знали? — отважился спросить мистер Саттертуэйт.

— По-моему, я встречалась с ним всего раза два. Первый раз, где-то год назад, когда они с сэром Чарлзом приезжали сюда на выходные, второй раз — когда скончался несчастный мистер Беббингтон… Признаться, приглашение сэра Бартоломью меня удивило. Но я его приняла, подумала,

что Мими будет рада. У нее, бедняжки, мало удовольствий в жизни. К тому же у нее тогда было подавленное состояние, она будто потеряла всякий интерес к жизни. Вот я и подумала, что ей не помешает развлечься.

— Пожалуйста, расскажите мне об Оливере Мендерсе. Этот юноша вызывает у меня интерес.

— Думаю, он умен… Конечно, ему трудно пришлось…

Она покраснела и запнулась, потом в ответ на вопросительный взгляд мистера Саттертуэйта снова заговорила:

— Понимаете, его отец и мать не состояли в браке.

— Правда? А я и понятия не имел об этом.

— Здесь это всем известно, иначе я никогда бы об этом не заговорила. Старая миссис Мендерс, бабушка Оливера, живет в Данбейне, у нее большой дом на Плимут-роуд. Ее муж был здешний адвокат. Сын уехал служить в Лондон и весьма преуспел. Теперь он очень богат. А дочь ее была премиленькая девушка, но ей вскружил голову один женатый ловелас. Я очень его осуждаю. Такой позор! Ну, в конце концов они куда-то уехали. Жена так и не дала ему раз-

вода. Дочь миссис Мендерс родила сына Оливера и вскоре умерла. Мальчика взял на попечение его дядя, своих детей у него не было. Вот так Оливер и рос — то у дяди в Лондоне, то у бабушки. Он всегда приезжал сюда на летние каникулы.

Леди Мэри помолчала.

— Мне очень его жаль. По-моему, вся его надменность напускная.

— Неудивительно. Так часто бывает. Если человек о себе слишком высокого мнения, если он без конца похваляется, то наверняка в глубине души он чувствует свою ущербность.

— Я этого не понимаю.

— Вообще комплекс неполноценности — престранная вещь. Криппен[13], например, безусловно, им страдал. В основе множества преступлений тоже лежит комплекс неполноценности. Желание самоутвердиться.

— Право, это удивительно, — тихо сказала леди Мэри и о чем-то задумалась.

Мистер Саттертуэйт, глядя на нее, расчувствовался. Она чрезвычайно ему нравилась — грация в каждом ее движении, покатые плечи, мягкий взгляд карих глаз. «Как мило, что она совсем не пользуется косметикой, — думал он. — Должно быть, в молодости она была необыкновенно хороша. Не броской красотой розы, нет, а скромной прелестью фиалки, стыдливо прячущей свое очарование».

Мысли унесли его в прошлое, в далекие годы юности.

Неожиданно для самого себя он принялся рассказывать леди Мэри о себе, о единственной любви, которую ему довелось испытать. Безответная любовь. Кого теперь этим удивишь? Грустная история, но как она дорога сердцу мистера Саттертуэйта.

Он рассказал леди Мэри о той девушке, о том, как прекрасна она была, как они ездили в Кью[14] любоваться колокольчиками. В тот день он решился наконец предложить ей руку и сердце. Ему казалось, что она разделяет его чувства. И вдруг, когда они стояли, восхищенно глядя на колокольчики, она поверила ему свою тайну… Так он узнал, что она любит другого. Он не открыл ей своего сердца, он стал ее преданным другом.

Не бог весть какая потрясающая история, но прозвучала она весьма уместно среди этих выцветших ситцев и тонкого, как яичная скорлупа, фарфора.

А потом леди Мэри поведала ему о себе, о своем замужестве, не слишком, как оказалось, счастливом.

— Я была глупая девчонка, впрочем, девчонки все глупые, мистер Саттертуэйт. Они так самоуверенны, воображают, что им все на свете известно… Знаете, кругом только и слышишь, что про «женскую интуицию». А на мой взгляд, ее вообще не существует. Никакой интуиции, способной остеречь девушку от увлечения мужчинами известного типа, нет. Ничего-то они не понимают. Родители предупреждают их, но — увы! — они и слушать ничего не хотят. Должна признаться, что мужчина, о котором идет дурная слава, особенно привлекателен в глазах молоденьких дурочек. Они воображают, что их любовь сразу изменит его к лучшему.

Мистер Саттертуэйт сочувственно кивнул.

— Действительно, в юности ничего-то не знаешь и не понимаешь. А когда поймешь, то уже слишком поздно.

Она вздохнула.

— Я сама во всем виновата. Мои близкие не хотели, чтобы я выходила за Роналда. Он был знатного рода, но его репутация оставляла желать лучшего. Отец прямо говорил мне, что он недостойный человек. Но я ничего не желала слушать. Верила, что ради меня Роналд способен начать новую жизнь.

Леди Мэри молчала, поглощенная воспоминаниями.

— Роналд обладал редким обаянием. Но отец оказался совершенно прав. Я скоро в этом убедилась. Роналд разбил мне сердце, простите за столь старомодное выражение. Да, он разбил мне сердце. Я жила в постоянном страхе — что еще меня ожидает.

— О! — произнес мистер Саттертуэйт, с живейшим вниманием слушавший леди Мэри.

— Вам, наверное, это покажется чудовищным, мистер Саттертуэйт, но, когда он заболел воспалением легких и скончался, я испытала облегчение… Не подумайте, что я не была к нему привязана… Нет, я его любила, но уже больше не обольщалась на его счет. И у меня уже была Мими…

Голос у нее потеплел.

— Такая забавная девчушка! Она и тогда была ужасно независимая…

Леди Мэри помолчала.

— Некоторые книги, которые я прочла в последние годы, принесли мне большое утешение. Это книги по психологии. Оказывается, сплошь и рядом человек не может совладать с собой. Что-то вроде отклонения от нормы. Тут уж никакое воспитание не поможет. В детстве Роналд крал деньги у своих школьных товарищей. Хотя в деньгах он не нуждался. Теперь я понимаю — он был не властен над собой… Таким уж он родился…

Леди Мэри осторожно приложила к глазам крошечный носовой платок.

— Но ведь я ничего этого не знала, — виновато сказала она. — Мне внушали, что надо различать, что хорошо, а что дурно. Но как? Ведь различить добро и зло совсем не так уж просто.

— Человеческая душа — потемки, — участливо проговорил мистер Саттертуэйт. — Мы покуда ощупью идем к ее пониманию. Не говоря о явных маньяках, сколько еще таких людей, у которых, как бы отсутствуют тормоза. Вот вы или я, например, говорим: «Ненавижу его. Хочу, чтобы он умер». Но ведь это только слова, у нас и в помыслах нет кого-то убивать. Нравственный запрет, или тормоз, срабатывает автоматически. Но у некоторых людей подобная мысль становится навязчивой и целиком ими завладевает. Они уже ни о чем другом не думают, только бы удовлетворить свое желание, и как можно скорее.

— Боюсь, для меня это слишком мудрено, — с улыбкой сказала леди Мэри.

— О, пожалуйста, простите мои умствования!

— Вы ведь хотели сказать, что нынешней молодежи не хватает сдержанности? Это и меня порой тревожит.

— Нет-нет, я говорю совсем о другом. По-моему, лучше не слишком себя сдерживать, во всяком случае, полезнее. Вы, наверное, сейчас думаете о мисс.., э… Мими.

— Пожалуйста, называйте ее просто Мими, — улыбнулась леди Мэри.

— Благодарю вас.

— Она очень импульсивна. Если увлечется чем-нибудь, ее не образумишь. Мне не нравится то, что она затеяла, я уже вам говорила. Но разве она станет меня слушать?

Огорчение, звучавшее в голосе леди Мэри, позабавило мистера Саттертуэйта. «Если бы она знала, что горячность Мими не что иное, как разновидность все той же старой как мир игры, когда женщина старается завлечь мужчину, она бы, наверное, ужаснулась…»

— Мими мне говорила, что мистера Беббингтона тоже отравили. Как, по-вашему, мистер Саттертуэйт, это правда? Или фантазии моей неугомонной дочери?

— Это мы узнаем после эксгумации.

— Стало быть, эксгумация состоится? — спросила леди Мэри с дрожью в голосе. — Бедная миссис Беббингтон, для нее это, должно быть, страшное потрясение. Ничего ужаснее и вообразить невозможно.

— Вы ведь хорошо с ней знакомы, леди Мэри?

— Да, конечно. Они наши.., были наши близкие друзья.

— Вы не знаете, может быть, кто-то все-таки затаил злобу на мистера Беббингтона?

— Да нет же, нет!

— Он вам не говорил о чем-нибудь подобном?

— Нет.

— Они ведь жили дружно между собой, не так ли?

— О, они были счастливой парой, и в детях тоже были счастливы. Денег, конечно, не хватало. Да еще вот мистер Беббингтон страдал артритом. А в остальном у них все было благополучно.

— А Оливер Мендерс ладил с викарием?

— Н-ну… — нерешительно протянула леди Мэри, — пожалуй, не слишком. Беббингтоны жалели Оливера, и обычно во время каникул он проводил у них много времени, играл с их мальчиками… Хотя, кажется, они не слишком его жаловали. Про Оливера не скажешь, что он всеобщий любимец. Вечно похвалялся то деньгами, то сластями, которые он якобы носит в школу, то своими столичными развлечениями. Дети такого не прощают.

— Ну а потом, когда он вырос?

— Потом, кажется, они виделись не слишком часто. Однажды здесь, у меня в доме, Оливер невежливо обошелся с мистером Беббингтоном. Это было года два назад.

— Как же это случилось?

— Оливер вел себя бестактно, нападал на христианство. Мистер Беббингтон очень спокойно и терпеливо ему возражал. Это только подливало масло в огонь. «Вы, церковники, смотрите на меня свысока — у меня, видите ли, родители не состояли в браке. Я, видите ли, дитя греха. А мне.., я восхищаюсь теми, кто не боится быть грешным, кому безразлично, что думают всякие там ханжи, лицемеры и попы», — кричал Оливер. Мистер Беббингтон молчал. Но Оливер уже не мог остановиться: «Что, нечего сказать, да? Кто поверг весь мир в хаос? Церковь с ее предрассудками!

Взять бы да снести все церкви с лица земли!» Тогда мистер Беббингтон говорит с улыбкой: «И священников тоже, не так ли?» Оливер понял, что над ним смеются, и совсем разошелся: «Ненавижу все, на чем стоит ваша церковь! Ненавижу ваше самодовольство, вашу самоуверенность, ваше лицемерие! К черту всю эту ханжескую братию!» Мистер Беббингтон снова улыбнулся — у него была чудесная улыбка — и говорит: «Дорогой мой друг, ну, снесете вы все церкви и храмы, но Бог-то останется».

— Ну и что же Мендерс?

— Сначала как будто немного растерялся, но быстро оправился, напустил на себя этакий насмешливо-скучающий вид и процедил сквозь зубы: «Боюсь, ваше преподобие, я дурно воспитан, да и выражаюсь слишком вульгарно. Где уж вам с вашим викторианским воспитанием меня понять».

— Кажется, вы не испытываете к Мендерсу большой симпатии, леди Мэри?

— Мне его жаль, — сказала она, как бы оправдываясь.

— Вы ведь не хотели бы, чтобы Мими вышла за него?

— О нет!

— А почему?

— Потому что.., потому что он недобрый, и потому что…

— Да?

— Есть в нем что-то, чего я не понимаю. Что-то холодное…

Мистер Саттертуэйт задумчиво на нее посмотрел.

— Интересно, что сэр Бартоломью Стрендж думал о юном Мендерсе? Что о нем говорил?

— Помнится, сказал как-то, что Мендерса стоило бы понаблюдать, что у него в лечебнице есть подобный случай. А по-моему, сказала я, Оливер совершенно здоров и крепок. Да, с мускулами у него все в порядке, сказал сэр Бартоломью, но как бы он не сорвался.

Леди Мэри помолчала.

— По-моему, сэр Бартоломью был очень талантливый невропатолог, — добавила она.

— Да. Похоже, среди коллег, он пользовался непререкаемым авторитетом. Не говорил ли он с вами о смерти мистера Беббингтона?

— Нет.

— И никогда об этом даже не упоминал?

— По-моему, нет.

— Не показалось ли вам, что сэр Бартоломью что-то замышляет? Правда, наверное, вам трудно об этом судить — вы мало его знали…

— Право, не могу сказать. Он был в очень хорошем настроении, казалось, его что-то ужасно забавляет, будто он собирается сыграть какую-то шутку… А за обедом он мне сказал, что вечером меня ждет сюрприз.

— Так и сказал?

По дороге домой мистер Саттертуэйт обдумывал эту новость.

Что за неожиданный подарок готовил сэр Бартоломью своим гостям?

Видимо, что-то забавное, раз он так веселился. А может быть, эта веселость была лишь маской, а на самом деле сэр Бартоломью спокойно и твердо шел к своей цели? Разве теперь узнаешь…

Глава 3

Снова появляется Эркюль Пуаро

— Скажите честно, как, по-вашему, удалось нам продвинуться? — спросил сэр Чарлз.

Это был настоящий военный совет. Сэр Чарлз, мистер Саттертуэйт и Мими Литтон Гор сидели в гостиной, напоминающей кают-компанию. В камине пылал огонь, а за окнами завывал штормовой ветер.

Мистер Саттертуэйт и Мими ответили одновременно.

— Нет, — сказал мистер Саттертуэйт.

— Да, — сказала Мими.

Сэр Чарлз вопросительно посмотрел на них. Мистер Саттертуэйт как истый джентльмен предоставил леди право говорить первой.

Мими немного подумала, собираясь с мыслями.

— Мы действительно продвинулись, — сказала она наконец. — Да, продвинулись, ибо мы ничего не обнаружили. Звучит парадоксально, но это правда. Если вначале у нас было несколько предварительных версий, то теперь некоторые из них можно отбросить.

— Поиск истины методом исключения, — заметил сэр Чарлз.

— Вот именно.

Мистер Саттертуэйт откашлялся. Он любил ставить точки над i.

— Говоря языком детективных романов, отбрасываем версию убийства в корыстных целях, — сказал он. — Ведь никто не получает выгоды от смерти Стивена Беббингтона. То же самое относится и к версии убийства из мести. Не говоря уже о его врожденном добродушии и незлобивом нраве, я думаю, он не был персоной столь значительной, чтобы иметь врагов. Стало быть, остается одна из наших первоначальных версий — убийство из страха. Некто убивает Стивена Беббингтона, чтобы обеспечить себе безопасность.

— Трудно с вами не согласиться, — сказала Мими. Мистер Саттертуэйт выслушал похвалу со скромно-самодовольным видом. Сэр Чарлз был несколько раздосадован — он не привык играть вторые роли.

— Вопрос в том, — сказала Мими, — что нам делать дальше? Мы станем сыщиками, да? Переоденемся и будем всех

выслеживать?

— Дитя мое, — улыбнулся сэр Чарлз, — я никогда не соглашался играть бородатых стариков. И теперь не собираюсь.

— А как же?.. — начала было Мими, но тут дверь отворилась и Тампл доложила:

— Мистер Эркюль Пуаро.

Мосье Пуаро, сияя улыбкой, с изысканной вежливостью поклонился онемевшим от неожиданности членам военного совета.

— Будет ли мне позволено, — с лукавой искоркой в глазах начал он, — принять участие в этом совещании? У вас ведь тут совещание, я не ошибся?

— Дорогой друг, мы рады вас видеть, — сказал сэр Чарлз.

Он первым оправился от удивления и, с чувством пожимая гостю руку, подталкивал его к большому креслу.

— Чему обязаны вашим столь неожиданным и приятным появлением?

— Я был в Лондоне и пошел навестить моего доброго друга мистера Саттертуэйта. Мне сказали, что он отбыл в Корнуолл. Тут и слепому ясно, куда именно он отбыл. Сажусь в первый же поезд на Лумаут, и вот я здесь.

— Понятно, — сказала Мими. — Но какова же цель вашего визита? Думаю, — продолжала она, слегка покраснев от смущения, ибо понимала, что ее вопрос звучит несколько невежливо, — вы ведь приехали не просто так.

— Я здесь, чтобы признать свою ошибку, — отвечал Эркюль Пуаро.

Подкупающе улыбаясь и воздевая руки с чисто французской пылкостью, он обратился к сэру Чарлзу:

— Мосье, недавно вот на этом самом месте вы сказали, что не удовлетворены следствием по делу мистера Беббингтона. Ну, конечно, подумал я тогда, ведь он великий актер, и ему подавай драму. Признаюсь, я не верил, что безобидный старый джентльмен умер не своей смертью. Да и теперь я не понимаю, как его отравили и каковы мо-

тивы этого убийства. Нелепость! Бессмыслица! И вот еще одна смерть, при очень схожих обстоятельствах. Тут уж не приходится говорить о совпадении. Тут надо искать связь. Итак, сэр Чарлз, я здесь, чтобы принести вам свои извинения. Я, Эркюль Пуаро, признаю свою ошибку и прошу позволить мне присоединиться к вашей компании.

Сэр Чарлз нервно покашлял. Казалось, он немного смущен.

— Чрезвычайно любезно с вашей стороны, мосье Пуаро. Право, не знаю. Неловко отнимать ваше время. Я…

Он растерянно умолк, не находя слов, и обратил вопросительный взгляд к мистеру Саттертуэйту.

— Как это великодушно, что вы… — начал мистер Саттертуэйт.

— Нет-нет, это не великодушие. Это любопытство и уязвленное самолюбие. Я должен исправить свою ошибку. А мое время… На что мне оно? Путешествовать? Познавать мир? Да ведь люди везде одинаковы, хоть и говорят на разных языках. Конечно, если я лишний… Не подумайте, что я навязываюсь.

— Разумеется, нет!

— Как можно! — в один голос вскричали оба джентльмена.

Пуаро перевел взгляд на девушку.

— А что скажет мадемуазель?

Мими замялась, и всем троим пришла в голову одна и та же мысль. Мими не хочет, чтобы Пуаро им помогал.

Мистер Саттертуэйт думал, что он знает почему. Это расследование не более чем хитрый маневр, к которому прибегли сэр Чарлз и Мими Литтон Гор. Его самого они, правда, допускают, вернее, просто терпят, понимая, что его можно не брать в расчет. Другое дело — Эркюль Пуаро. Он скорее всего будет играть первую роль. А сэр Чарлз, возможно, даже вообще отступится от расследования. И тогда все планы Мими рухнут.

Мистер Саттертуэйт видел, что девушка попала в трудное положение, и очень ей сочувствовал.

«Мужчины обычно таких тонкостей не понимают», — думал он. Только ему, мистеру Саттертуэйту, с его обостренной, почти женской чувствительностью, доступны такие тонкости. Мими просто борется за свое счастье. Как же все-таки она ответит? Разве может она высказать то, что у нее на уме? «Уезжайте. Уезжайте, не то вы мне все испортите. Не хочу, чтобы вы здесь оставались».

Мими Литтон Гор вежливо улыбнулась:

— Конечно, мы будем рады, если вы нам поможете. Разве могла она ответить иначе?

Глава 4

Пуаро включается в расследование

— Отлично, — сказал Пуаро. — Стало быть, мы коллеги. Eh bien[15], может быть, вы введете меня au courant[16]?

Он очень внимательно слушал мистера Саттертуэйта, подробно, шаг за шагом, описавшего все, что было ими предпринято после возвращения в Англию. А мистер Саттертуэйт был превосходным рассказчиком. Он умел нарисовать общую картину, передать настроение, атмосферу. Как живо он описал Мелфорт Эбби, прислугу, начальника полиции!

Находчивость сэра Чарлза, обнаружившего под камином неоконченное письмо, привела Пуаро в восторг.

— Ah, mais c'est magnifique, ca![17] — восхищенно воскликнул он. — Какая дедукция, какая редкостная способность к воссозданию хода событий — великолепно! Если бы вы не были великим актером, сэр Чарлз, то могли бы стать великим сыщиком!

Сэр Чарлз принял эти восторженные похвалы с приличествующим случаю скромным достоинством, так, как умел это делать только он один. Не мог же он, столько лет блистая на подмостках сцены, не выработать своей собственной манеры принимать рукоплескания зрителей!

— Вы тоже подметили чрезвычайно существенную вещь, — сказал Пуаро, обращаясь к мистеру Саттертуэйту. — Неожиданную фамильярность в обращении сэра Бартоломью с дворецким.

— А что вы думаете об этой самой миссис де Рашбриджер? Нельзя ли здесь за что-нибудь зацепиться? — нетерпеливо перебил его сэр Чарлз.

— Да, это мысль. Тут возникает несколько разных возможностей, не так ли?

Никто толком не знал, что это за возможности, но признаваться в этом, разумеется, не хотелось. Поэтому присутствующие просто выразили свое согласие.

Затем слово взял сэр Чарлз. Он рассказал о том, как они с Мими навестили миссис Беббингтон, но, к сожалению, не узнали ничего существенного.

— Ну вот, теперь вы знаете все, — заключил он. — Все, что нами сделано. Скажите, что вы думаете обо всем этом?

Сэр Чарлз нетерпеливо подался вперед. Пуаро молчал. Все в ожидании смотрели на него.

— Не могли бы вы вспомнить, мадемуазель, какие рюмки для портвейна были у сэра Бартоломью? — наконец заго-

ворил он.

Мими огорченно покачала головой.

— Я могу сказать, — вмешался сэр Чарлз. Он подошел к буфету и достал несколько тяжелых хрустальных рюмок для хереса.

— Те были немного иной формы, конечно, — более округлые, какие обычно используются для портвейна. Как-то на аукционе у старого Ламмерсфилда сэр Бартоломью купил полный набор рюмок, в том числе и эти. Мне они страшно понравились, и Толли часть их отдал мне. Хороши, правда?

Пуаро взял рюмку, повертел ее в пальцах.

— Да, великолепны, — сказал он. — Примерно такими я их себе и представлял.

— То есть? — удивилась Мими.

Пуаро ей улыбнулся.

— Да… Смерть сэра Бартоломью объяснить довольно легко, а вот с мистером Беббингтоном — гораздо сложнее. Ах, если бы все было наоборот!

— Что значит «наоборот»? — спросил мистер Саттертуэйт.

— Послушайте, мой друг, — повернулся к нему Пуаро, — сэр Бартоломью — известный доктор. Может быть множество причин, чтобы желать его смерти. Часто люди поверяют доктору свои тайны, в том числе и важные. Поэтому у него в руках немалая власть. Одно слово доктора — и вся ваша жизнь рушится. Какое искушение для человека с неустойчивой психикой! А в случае внезапной смерти.., кто как не доктор может усомниться в том, что она не насильственная… О, поверьте, для убийства доктора можно найти тысячу разных причин! Вот я и говорю: «Если бы все было наоборот». Если бы сначала погиб сэр Бартоломью, а потом Стивен Беббингтон. Тогда все становится на свои места — пастора убили, потому что ему что-то стало известно, он что-то заподозрил.

Пуаро вздохнул.

— А на самом деле все наоборот, — продолжал он. — Ничего не поделаешь. Есть тут у меня одна мыслишка. Воз-

можно, яд (если это был яд) предназначался для сэра Бартоломью, а мистеру Беббингтону он попал по ошибке.

— Весьма остроумно, — сказал сэр Чарлз. Лицо у него сначала было оживилось, потом снова помрачнело. — Только мне не верится. Беббингтон вошел в гостиную за несколько минут до того, как ему стало плохо. И он ничего не успел взять в рот, кроме коктейля. А в коктейле ничего не обнаружили.

— Вы мне об этом уже говорили, — перебил Пуаро. — Но, допустим, только теоретически, что там был яд. Мог ли он по ошибке попасть мистеру Беббингтону вместо сэра Бартоломью.

Сэр Чарлз покачал головой.

— Тому, кто хоть немного знал Толли, и в голову бы не пришло отравить его коктейлем.

— Почему?

— Толли не пил коктейли.

— Никогда?

— Никогда.

Пуаро досадливо поморщился:

— Ну и дельце. Ничего не клеится… Нелепость какая-то.

— К тому же не понимаю, — снова заговорил сэр Чарлз, — как мог стакан «по ошибке» попасть к Беббингтону? Стаканы стояли на подносе у Тампл, она всех обносила, и каждый сам себе брал стакан.

— В самом деле, — пробормотал Пуаро. — Ведь коктейль не игральная карта, его не навяжешь. Кто она, эта ваша Тампл? Горничная, которая сегодня меня впустила?

— Да. Она уже года три или четыре у меня служит. Славная девушка, вполне надежная и дело свое знает. Не помню, как она ко мне попала… Впрочем, мисс Милрей, должно быть, все о ней знает.

— Мисс Милрей — это ваша секретарша? Высокая такая, прямо гренадер?

— Вылитый гренадер, — засмеялся сэр Чарлз.

— Я ведь несколько раз у вас обедал, но никогда прежде ее не видел.

— Она, как правило, с нами за стол не садится. Видите ли, в тот вечер нас оказалось тринадцать…

Пуаро с величайшим вниманием выслушал объяснения сэра Чарлза.

— Значит, мисс Милрей сама захотела присутствовать на обеде? — Пуаро задумчиво помолчал. — Могу я поговорить с этой вашей Тампл?

— Разумеется, мой друг.

Сэр Чарлз нажал на кнопку. Тампл явилась тотчас же.

— Звонили, сэр?

Это была высокая молодая женщина лет тридцати двух или трех. Очень видная, хотя и не сказать, чтоб хорошенькая. Из ее аккуратной прически не выбивался ни один волосок. Держалась она спокойно и уверенно.

— Мосье Пуаро хочет задать вам несколько вопросов, — сказал ей сэр Чарлз.

Мисс Тампл смерила Пуаро надменным взглядом.

— Мы ведем речь о том дне, когда скончался мистер Беббингтон. Помните?

— О да, сэр.

— Я хочу узнать, как готовился коктейль?

— Прошу прощения, сэр?

— Хочу узнать насчет коктейля. Кто его смешивал? Вы?

— Нет, сэр. Сэр Чарлз любит это делать сам. А я только принесла бутылки — вермут, джин и все прочее.

— Где вы их открывали?

— Вот здесь, на столе, сэр.

Она указала на столик у стены.

— Поднос со стаканами стоял здесь, сэр. Когда сэр Чарлз все смешал и взбил, он разлил коктейль по стаканам. А я взяла поднос и обнесла леди и джентльменов.

— Все ли стаканы стояли на подносе?

— Один стакан сэр Чарлз сам подал мисс Литтон Гор, сэр, — он как раз с ней разговаривал, — другой взял себе. Мистер Саттертуэйт тоже. — Взгляд мисс Тампл на мгновение остановился на нем. — Тоже подошел и взял коктейль для одной леди, кажется, мисс Уиллс.

— Верно, — сказал мистер Саттертуэйт.

— Остальное разнесла я, сэр. Все взяли по стакану, кроме сэра Бартоломью.

— Не будете ли вы столь любезны, Тампл, повторить все свои действия. Вместо тех, кого нет, давайте положим подушки. Я стоял здесь, помнится, мисс Сатклифф — тут.

С помощью мистера Саттертуэйта, отличавшегося острой наблюдательностью, они воссоздали всю сцену. Он прекрасно помнил, где именно сидел каждый из присутствующих. Тампл сделала вид, что обносит всех коктейлем. Выяснилось, что вначале она подошла к миссис Дейкерс, потом к мисс Сатклифф, Пуаро, мистеру Беббингтону, затем к леди Мэри, которая сидела рядом с мистером Саттертуэйтом.

Мистер Саттертуэйт подтвердил, что именно так все и происходило.

Наконец они отпустили Тампл.

— Тьфу! — воскликнул Пуаро. — Совершенная бессмыслица! Последний, кто держал в руках коктейли, — Тампл, но она при всем желании не могла ничего сделать. Коктейль насильно не заставишь взять.

— Обычно берешь тот стакан, что стоит ближе к тебе, —

заметил сэр Чарлз.

— Можно, конечно, было вначале подойти с подносом к жертве… Но и тут никакой уверенности. Стаканы стоят тесно, не разберешь, который ближе. Нет, конечно, убийца не стал бы так рисковать. Скажите, мистер Саттертуэйт, пастор все время держал свой стакан в руках или куда-нибудь его ставил?

— Ставил вот на этот стол.

— Не помните, после этого подходил ли кто-нибудь к столу?

— Нет. Ближе всех стоял я, но, уверяю, я его не касался, хотя мог бы, и никто бы ничего не заметил.

Несмотря на то, что мистер Саттертуэйт говорил шутливо, голос его звучал натянуто.

— Нет-нет, я отнюдь вас не обвиняю… Quelle idee![18] Я просто хочу все уточнить. Анализ показал, что коктейль не содержал никаких примесей, а теперь мы к тому же убедились, что никто просто физически не мог туда что-либо подмешать. Таким образом, разными путями мы пришли

к одному и тому же результату. Но мистер Беббингтон ничего больше не ел и не пил, а при отравлении чистым никотином смерть наступает очень скоро. Понимаете, что из этого следует?

— Ничего, черт побери, — буркнул сэр Чарлз.

— Я бы этого не сказал. Нет, не сказал бы. Напротив, это наводит меня на мысль.., чудовищную, признаться, мысль. От всей души надеюсь, что я окажусь не прав. Нет, конечно, этого не может быть. Тому свидетельством смерть сэра Бартоломью. И все же…

Пуаро нахмурился и погрузился в глубокое молчание. Все остальные, затаив дыхание, смотрели на него. Пуаро встрепенулся:

— Понимаете, о чем я? Миссис Беббингтон ведь не была в Мелфорт Эбби, значит, она свободна от подозрений.

— Миссис Беббингтон! Кому придет в голову ее заподозрить!

Пуаро добродушно улыбнулся.

— Да! Выглядит довольно странно! А мне эта мысль сразу пришла в голову, сразу! Если бедняга отравился не коктейлем, значит, он что-то проглотил за несколько минут до того. Что именно? Таблетку? Что-то для пищеварения? Кто мог подсунуть ему яд в этом случае? Только жена. У кого мог быть такой мотив, о котором никто не подозревал? У жены.

— Чепуха! Они были так преданы друг другу! — возмутилась Мими. — Как вам такое пришло в голову!

Пуаро с улыбкой посмотрел на нее.

— То, что вы говорите, весьма существенно. Но это известно вам, а не мне. Я рассматриваю голые факты, не учитывая предвзятых суждений. Позвольте заметить, мадемуазель, в моей практике мне пришлось столкнуться по меньшей мере с пятью случаями, когда преданные мужья убивали своих жен, и с двадцатью двумя случаями, когда преданные жены убивали своих мужей. Да, les femmes[19] умеют притворяться гораздо лучше.

— По-моему, вы страшный человек, — сказала Мими. — Уверена, Беббингтоны на это не способны. Это.., это чудовищно!

— Чудовищно совершать убийство, мадемуазель, — сказал Пуаро с неожиданной суровостью в голосе. — Но я, принимая в расчет только факты, — продолжал он, немного смягчаясь, — согласен, что миссис Беббингтон тут ни при чем. Она же не была в Мелфорт Эбби. Как справедливо заметил сэр Чарлз, убийца должен был присутствовать и там и тут, то есть он один из тех семи, что указаны в вашем списке.

— Так что же вы нам посоветуете? — нарушил молчание мистер Саттертуэйт.

— Но у вас ведь, несомненно, уже есть план? — спросил Пуаро.

Сэр Чарлз откашлялся.

— Единственное, что нам остается, — воспользоваться методом исключения, — сказал он. — Каждого, кто фигурирует в нашем списке, будем считать виновным до тех пор, пока не будет доказана его непричастность к преступлению. Призвав на помощь всю нашу изобретательность, мы должны доказать, что подозреваемый так или иначе связан с Беббингтоном. Если мы удостоверимся, что такой связи не существует, перейдем к следующему лицу из нашего списка.

— С точки зрения психологии весьма убедительно, — согласился Пуаро. — Каким способом вы собираетесь действовать?

— У нас еще не было времени это обсудить. Хотелось бы услышать ваш совет, мосье Пуаро. А может быть, вы сами…

Пуаро жестом его остановил.

— Мой друг, не требуйте от меня каких-либо активных действий. Весь мой опыт убеждает меня, что все задачи надо решать в уме. Позвольте мне участвовать в этом деле, как говорится, в качестве наблюдателя. Продолжайте ваше расследование, тем более что сэр Чарлз направляет его весьма успешно.

«А обо мне ни слова, — подумал мистер Саттертуэйт. — Ох уж эти актеры! Всегда и везде на первых ролях!»

— Возможно, вам потребуется совет профессионала. Вот тут я к вашим услугам. Как вы к этому относитесь, мадемуазель? — с улыбкой обратился он к Мими.

— С восторгом. Уверена, ваш опыт будет неоценим для нас.

Казалось, она почувствовала некоторое облегчение.

— Мне надо идти, не то с мамой случится удар, — сказала Мими, взглянув на часы.

— Я вас отвезу, — предложил сэр Чарлз. Они вышли вместе.

Глава 5

Подозреваемые

— Видите, рыбка-то клюнула, — сказал Эркюль Пуаро.

Мистер Саттертуэйт встрепенулся, внезапно выведенный из задумчивого созерцания двери, за которой исчезли сэр

Чарлз и Мими. Пуаро улыбался, и глаза у него озорно поблескивали.

— Да, да, не отпирайтесь. Вы ведь нарочно подбросили мне эту наживку там, в Монте-Карло. Разве нет? Показали мне сообщение о смерти сэра Бартоломью. Надеялись, что у меня проснется профессиональный интерес и что я займусь этим делом.

— Вы правы, — сознался мистер Саттертуэйт. — Однако я думал, что у меня ничего не вышло.

— В том-то и дело, что вышло. Вы — тонкий психолог, мой друг. Я томился скукой. Мне нечем было заняться, как тем детям, что слонялись около нас, помните? Вы появились в самый психологически подходящий момент. Кстати, вы даже не представляете, как важно психологическое состояние преступника в критический момент… Психопатология и преступление — они идут рука об руку. Однако вернемся к нашим баранам. Это преступление ставит меня в тупик.., совершенно сбивает с толку.

— Какое преступление, первое или второе?

— По-моему, есть только одно преступление, а то, что вы называете первым и вторым, суть две его половины. Вто-

рая — довольно проста.., и мотивы и способ.

— Поверьте, тут способ столь же неочевиден, как и в первом случае, — перебил его мистер Саттертуэйт. — В вине яд не найден, а ел сэр Бартоломью то же, что и остальные.

— Нет-нет, тут совсем иное дело. Понимаете, по-моему, никто не мог отравить именно Беббингтона. Вернее, сэр Чарлз мог бы, если бы пожелал, подсыпать яд в любой из стаканов, но как сделать так, чтобы этот стакан попал Беббингтону или другому лицу? Тампл, захоти она кого-то отравить, могла бы подсыпать что-то в последний стакан из тех, что стоял на подносе, и поднести его своей жертве. Но ведь последний стакан она поднесла не Беббингтону. Нет, убийство несчастного пастора представляется мне просто невероятным, и у меня такое чувство, что, возможно, он просто-напросто умер своей смертью… Но ничего, скоро мы это узнаем. Смерть же сэра Бартоломью — совсем другое дело. Его мог отравить любой из гостей, дворецкий, горничная. Это было совсем нетрудно.

— Не понимаю… — начал мистер Саттертуэйт. Но Пуаро перебил его:

— Берусь как-нибудь вам это доказать, проведя небольшой эксперимент. А теперь давайте перейдем к другому, само-

му важному вопросу. Надеюсь, вы понимаете, не можете не понимать, ибо у вас доброе и чуткое сердце и тонкий ум, что я не должен, как у вас говорят, перебегать дорогу.

— Иными словами… — начал мистер Саттертуэйт, понимающе улыбаясь.

— Иными словами, сэр Чарлз должен играть главную роль! Он к этому привык. А некая юная леди совсем не была рада тому, что я вмешался в расследование.

— Вы, как у нас говорят, понимаете все с полуслова, мосье Пуаро.

— Ну что вы, право, это же просто в глаза бросается! У меня очень чувствительное сердце. И мое самое большое желание — помогать влюбленным, а не препятствовать им. Мы с вами, мой друг, должны вместе трудиться на благо и во славу сэра Чарлза Картрайта, разве не так? А когда распутаем это дело…

— Если распутаем, — мягко поправил его мистер Саттертуэйт.

— Нет, не если, а когда! Я не проигрываю.

— Никогда? — не удержался от вопроса въедливый мистер Саттертуэйт.

— Были случаи, — с достоинством отвечал Пуаро, — когда ненадолго я, как бы это сказать, становился тугодумом. То есть добирался до истины не так быстро, как обычно.

— Но в целом вы никогда не терпели неудач?

Настойчивость мистера Саттертуэйта проистекала из чистой любознательности.

— Eh bien, — сдался Пуаро, — Было однажды. Давно, в Бельгии. Но не будем об этом говорить…

Мистер Саттертуэйт, удовлетворив свое любопытство, не лишенное толики злорадного чувства, поспешил переменить тему.

— Хорошо. Вы говорили, что когда распутаете это дело…

— Его распутает сэр Чарлз. Это весьма существенно. Я

буду лишь «пятая спица в колеснице»! — Пуаро воздел руки. — Отныне и пока мы не окончим дела, всегда и везде обязуюсь хранить молчание — разве что тончайший намек сорвется с моих уст, не более того. Мне не нужны ни признание, ни слава. Я их давно завоевал.

Мистер Саттертуэйт разглядывал его с живейшим интересом, про себя потешаясь над наивным тщеславием маленького человечка. Однако он был далек от мысли считать мосье Пуаро пустым хвастунишкой. «Нам, англичанам, — думал он, — вообще свойственно чрезвычайно скромно оценивать свои успехи, зато порой мы бываем весьма довольны собою, даже если делаем что-то плохо, а эти иностранцы более трезво судят о своих возможностях. Если француз, например, талантлив, он не видит причины замалчивать этот факт».

— Признаться, меня очень интересует, — сказал мистер Саттертуэйт, — что вы надеетесь лично для себя извлечь из этого дела? Или это просто охотничий азарт?

Пуаро помотал головой.

— Нет-нет, отнюдь. Когда я, как chien de chasse[20], беру след, меня охватывает азарт, и я уже не могу отступить. Это все так. Но есть еще нечто, более сильное. Это — как бы сказать? — страстное желание добраться до истины. В

целом мире нет ничего столь волнующего, столь захватывающего и столь прекрасного, как поиски истины.

Оба немного помолчали.

Потом Пуаро взял лист, на который мистер Саттертуэйт старательно переписал все семь имен, и прочитал их вслух:

— Миссис Дейкерс, капитан Дейкерс, мисс Уиллс, мисс Сатклифф, леди Мэри Литтон Гор, мисс Литтон Гор, Оливер Мендерс. Интересно, не правда ли?

— Что тут интересного?

— Порядок, в каком записаны имена.

— По-моему, тут и думать не о чем. Мы записали все имена в произвольном порядке.

— Верно. Список возглавляет миссис Дейкерс. Стало быть, вы сочли, что она более всех подходит для роли преступницы.

— Не то чтобы более всех подходит, — возразил мистер Саттертуэйт, — вернее, меньше всех не подходит.

— А еще вернее было бы так: вы все предпочли бы, чтобы именно она оказалась преступницей.

Мистер Саттертуэйт открыл было рот, чтобы пылко возразить Пуаро, но, поймав насмешливый взгляд пронзительных зеленых глаз, передумал.

— Ей-богу, кажется, вы правы, мосье Пуаро. Но это получилось бессознательно.

— Я бы хотел кое-что спросить у вас, мистер Саттертуэйт.

— Я к вашим услугам, — ответил с готовностью мистер Саттертуэйт.

— Из ваших слов я понял, что миссис Беббингтон расспрашивали сэр Чарлз и мисс Литтон Гор.

— Да.

— Вы с ними не ходили?

— Нет. Трое — это уж слишком.

Пуаро улыбнулся.

— К тому же, сдается мне, на уме у вас было нечто иное. Вы расставили сети совсем в другом месте… Итак, куда же вы направились, мистер Саттертуэйт?

— На чай к леди Мэри Литтон Гор, — нехотя ответил мистер Саттертуэйт.

— О чем же вы говорили?

— Она почтила меня доверием, рассказала, сколь тягостна была ее жизнь в замужестве.

И он вкратце передал Пуаро содержание их разговора. Пуаро сочувственно кивал.

— Вот так в жизни и бывает — юная идеалистка выходит за негодяя и слушать никого не хочет. А о ком-нибудь еще вы говорили? Об Оливере Мендерсе, например?

— Говорили.

— И что новенького вы о нем узнали?

Мистер Саттертуэйт повторил то, что услышал от леди Мэри.

— А почему вы подумали, что у нас был о нем разговор?

— Ведь вы для того туда и пошли. Да-да, и не уверяйте меня в обратном. Может быть, вы и надеялись, что преступление совершили миссис Дейкерс или ее муж, но вас не оставляла мысль, что это сделал Мендерс.

Мистер Саттертуэйт хотел было возразить, но Пуаро не стал его слушать.

— Да-да, вы по своей природе скрытны и предпочитаете свои соображения держать при себе. Я вас хорошо понимаю. Я и сам такой.

— Да нет же, право, я его не подозревал, это просто нелепо. Я только хотел побольше о нем узнать.

— Вот именно. Ваш выбор невольно пал на него. Меня, признаться, этот молодой, человек тоже интересует. С того самого вечера, когда мы здесь обедали. Видите ли, я понял тогда…

— Что? — нетерпеливо перебил мистер Саттертуэйт.

— Что здесь, по крайней мере, двое — а может быть, и больше — разыгрывают спектакль. Один из них — сэр Чарлз. — Пуаро улыбнулся. — Он выступал в роли бывалого морского волка, я не ошибаюсь? Что ж, это вполне естественно. Великий актер не перестает играть, даже если он оставил сцену. Но вот юный Мендерс — он ведь тоже играл. Играл роль скучающего, пресыщенного жизнью повесы. А ведь на самом деле он вовсе не таков, он на редкость наблюдателен и энергичен. Потому-то я и приметил его, мой друг.

— Как вы догадались, что Мендерс занимает мои мысли?

— По разным мелочам. Вас заинтересовала авария, в ре-

зультате которой Мендерс оказался в Мелфорт Эбби. Вы не пошли с сэром Чарлзом и мисс Литтон Гор к миссис Беббингтон, Почему? Потому что сами хотели кое-что расследовать, не привлекая к себе внимания. Вы направились к леди Мэри, чтобы разузнать о ком-то. О ком? Конечно, о ком-то из местных. Об Оливере Мендерсе. Затем весьма показательно, что вы его поставили в конце списка. Кого вы меньше всего подозреваете? Разумеется, леди Мэри и мадемуазель Мими, однако в вашем списке Мендерс идет после них, потому что он — темная лошадка, и вы приберегли его для себя.

— Боже мой! Неужто я в самом деле таков, каким вы меня представили?

— Precisement.[21] Вы наблюдательны, у вас острый проницательный ум. Ваши суждения — ваше личное достояние, и вы не демонстрируете их всем и каждому.

— Думаю, что… — Мистер Саттертуэйт не успел договорить — дверь отворилась, и вошел сэр Чарлз, упругим, пружинистым шагом.

— Брр, ну и ночка! Штормит вовсю!

Он налил себе виски с содовой. Мистер Саттертуэйт и Пу-

аро от виски отказались.

— Ну что ж, давайте наметим план действий, — сказал сэр Чарлз. — Где список, Саттертуэйт? Ах, вот он, благодарствуйте. А теперь, Пуаро, пожалуйста, сообщите нам ваше ученое мнение. Как мы поделим между собой предстоящую нам работу?

— А что бы вы сами предложили, сэр Чарлз?

— Мы могли бы поделить между собой всех подозреваемых, идет? Итак, первая — миссис Дейкерс. Тут, вероятно, лучше всего справится Мими. По-моему, она сгорает от желания приняться за это дело. Ей, наверное, кажется, что мужчины просто не могут быть объективны к даме, туалеты которой поражают своим великолепием и роскошью. Думаю, к миссис Дейкерс легче всего найти подход, если обратиться к ней как к модельеру. Мы с мистером Саттертуэйтом тоже готовы разыграть гамбит, если понадобится. Следующим идет капитан Дейкерс. Я знаком с его приятелями по скачкам. Думаю, у них мне удастся что-нибудь разузнать. Затем — Анджела Сатклифф.

— Видимо, ею тоже предстоит заниматься вам, Картрайт, — сказал мистер Саттертуэйт. — Вы ведь с ней близко знакомы, не так ли?

— Да. Именно поэтому я предпочел бы, чтобы за нее взялся кто-нибудь другой… Во-первых, — он грустно улыбнулся, — меня обвинят в том, что я недостаточно усердствую, а во-вторых.., мы с ней друзья, понимаете?

— Parfaitement, parfaitement…[22] В вас говорит деликатность. Это так естественно. Наш добрый друг мистер Саттертуэйт, вероятно, сможет взять на себя эту миссию.

— Леди Мэри и Мими — они не в счет, конечно. А как с юным Мендерсом? Он ведь случайно попал на обед к Толли. И все же, мне кажется, его надо включить.

— Мистер Саттертуэйт мог бы им заняться, — сказал Пуаро. — Но, полагаю, сэр Чарлз, вы кое-кого пропустили. В вашем списке значится еще мисс Мюриэл Уиллс.

— Да, верно. Итак, если Саттертуэйт берет Мендерса, я могу заняться мисс Уиллс. Стало быть, договорились? Хотите что-нибудь предложить, мосье Пуаро?

— Нет, нет, пока ничего. Буду с нетерпением ждать результатов.

— Конечно, мы будем держать вас в курсе дел. И знаете, что мне пришло в голову? Если удастся раздобыть фотографии наших подозреваемых, можно попытаться навести о них справки в Джиллинге.

— Блестящая мысль, — отозвался Пуаро. — И вот еще что: сэр Бартоломью не пил коктейлей, но портвейн-то он пил?

— Да, он питал к нему слабость.

— Странно, что он не почувствовал в нем постороннего привкуса. Чистый никотин очень едкий и неприятный на вкус.

— Не забывайте, что, возможно, в портвейне не было никотина. Содержимое стакана подверглось химическому анализу.

— Ах да.., как глупо, что я запамятовал. Однако его все-таки отравили именно никотином, и он не мог не почувствовать этого неприятного привкуса.

— Не уверен, — в раздумье сказал сэр Чарлз. — Прошлой весной Толли перенес сильнейшую инфлюэнцу, и после

этого обоняние и вкус у него заметно притупились.

— Ах вот оно что. Тогда понятно. Это значительно все упрощает.

Сэр Чарлз подошел к окну.

— Все еще штормит… Пошлю за вашими вещами, мосье Пуаро. «Роза и корона» хороша для сумасбродных художников, а вы, я думаю, предпочтете чистую и удобную постель.

— Благодарю. Вы чрезвычайно любезны, сэр Чарлз!

— Пустяки. Пойду распоряжусь.

Он вышел. Пуаро взглянул на мистера Саттертуэйта.

— Если позволите, я бы хотел вам кое-что посоветовать.

— Да?

Пуаро подался к нему и тихо сказал:

— Спросите Мендерса, зачем он подстроил аварию. Скажите, что полиция его подозревает, и посмотрите, как он себя поведет.

Глава 6

Синтия Дейкерс

Демонстрационный зал Модного дома «Амброзия Лимитед» поражал безупречным вкусом. Светлые, почти белые стены, толстые пушистые ковры приглушенных тонов, изысканно-блеклая обивка мебели. Лишь кое-где поблескивал хром, да одна из стен была расписана крупными геометрическими фигурами ярко-синего и лимонно-желтого цветов. Недаром оформлением интерьеров занимался модный молодой художник Сидней Сандфорд.

Мими Литтон Гор сидела в ультрасовременном кресле, немного напоминающем кресло дантиста, и смотрела, как перед ней, изящно покачивая тонким станом, проплывают

юные и гибкие, как змеи, манекенщицы с прекрасными, скучающими лицами.

Мими всем своим видом старалась показать, что истратить на платье пятьдесят — шестьдесят фунтов для нее сущие пустяки.

Миссис Дейкерс, как всегда великолепно одетая, чувствовала себя здесь как рыба в воде, что сразу отметила про себя Мими.

— А как вам нравится эта модель? Как мило смотрятся эти бантики на плечах, вы не находите? А линия талии? Пронзительно! Пожалуй, я бы выбрала не красный, а вот этот новый, Espagnol[23], он интереснее — цвет горчицы с примесью красного перца. А вот этот цвет, vin ordinaire?[24] Неожиданный, правда? Совершенно пронзительный и невероятный! Хоть и немного наивный. В наше время одежда должна быть чуть-чуть забавной.

— Страшно трудно выбрать, — сказала Мими. — Понимаете, — она доверительно понизила голос, — прежде у меня не было возможности заказывать туалеты. Мы всегда были так ужасающе бедны. Помню, как прелестно вы были одеты в тот вечер в «Вороновом гнезде», и я подумала, что, когда у меня будут деньги, я пойду к миссис Дейкерс и попрошу ее мне помочь. Ах, как восхитительны вы

тогда были!

— Дорогая моя, вы само очарование. Обожаю одевать молодых девушек. Так важно, чтобы девушка не казалась слишком уж неискушенной, понимаете?

«Уж кого не назовешь неискушенной, так это тебя. Сразу видно, прошла и огонь, и воду, и медные трубы», — подумала неблагодарная Мими.

— Вы такая яркая личность, — продолжала между тем миссис Дейкерс. — Вам не стоит одеваться как все. Ваши туалеты должны быть просты и пронзительны, но не броски, понимаете? Желаете заказать несколько платьев?

— Мне хотелось бы четыре вечерних платья, парочку на каждый день, ну и один-два спортивных костюма.

Манеры миссис Дейкерс стали еще приторнее. К счастью, она не знала, что на банковском счету Мими значится ровно пятнадцать фунтов двадцать шиллингов и что, более того, эту сумму она должна растянуть до декабря.

Перед взором Мими вновь замелькала стайка манекенщиц. А она тем временем, пользуясь короткими паузами в

потоке профессионального красноречия миссис Дейкерс, старалась навести разговор на интересующую ее тему.

— Вероятно, с того самого вечера вы и не бывали в «Вороновом гнезде»?

— Нет, дорогая, я просто не могла. Это было так ужасно… И потом, в Корнуолле вечно полно художников. А я их просто не выношу. Они все такие нелепые.

— Да, вы правы, это было ужасно! — сказала Мими. — Бедный пастор Беббингтон, мы все так его любили.

— Настоящий обломок викторианской эпохи, на мой взгляд.

— Вы прежде никогда с ним не встречались? Нет?

— Я? С этим милым ископаемым? Не помню.

— Он что-то такое говорил… Правда, не о Корнуолле. Кажется, о Джиллинге.

— Разве? — Миссис Дейкерс посмотрела на Мими отсутствующим взглядом. — Нет, нет. Марсель, мне нужны другие модели — «Petite Scandale»[25], затем «Дженни», затем «Голубой Пату»…

— Как ужасно, что сэр Бартоломью тоже умер! — вставила Мими.

— Дорогая, у меня нет слов! Слишком пронзительно! Но я от этого только выиграла. Женщины — отвратительные создания, они обожают сенсации и толпами ко мне валят. Да, вот эта модель «Пату» будто специально для вас создана! Вы только взгляните на эти забавные и слегка жеманные оборочки! Благодаря им платье выглядит восхитительно! Так свежо и совсем ненавязчиво! Да, признаюсь вам, дорогая, для меня смерть бедного сэра Бартоломью обернулась благом. Некоторые, кажется, даже подумывают, уж не я ли его отправила на тот свет. Ну, а я им подыгрываю. Мои заказчицы — глупые толстые гусыни — пялят на меня глаза. Просто пронзительно! И потом, понимаете…

Миссис Дейкерс замерла на полуслове: появилась величественная американка, очевидно, какая-то именитая и богатая заказчица.

Пока американка отводила душу, набирая целую кипу дорогих туалетов, Мими удалось незаметно исчезнуть, пре-

дупредив помощницу миссис Дейкерс, что она еще немного подумает, прежде чем сделает окончательный выбор.

Выйдя на Брутон-стрит, Мими посмотрела на часы. Было без двадцати час. Еще немного — и она сможет приступить к осуществлению второй части своего плана.

Она не спеша прогулялась до Беркли-сквер и обратно. Ровно в час она остановилась у витрины и сделала вид, будто разглядывает китайские безделушки.

В это время на Брутон-стрит торопливо вышла мисс Дорис Симе. Не дав ей дойти до Беркли-сквер, Мими ее окликнула:

— Извините, могу я с вами поговорить? Я не отниму у вас много времени.

Девушка с удивлением обернулась.

— Вы ведь манекенщица из «Амброзии», да? Сегодня вы там были. Позвольте вам сказать что у вас необыкновенно прелестная фигурка.

Дорис Симе слегка смутилась.

— Благодарю вас, мадам, вы слишком добры, — сказала она.

— И у вас такое милое, симпатичное лицо, — продолжала Мими, — что я отважилась просить вас об одолжении. Может быть, мы позавтракаем в «Беркли» или в «Ритце» и поговорим?

Немного подумав, Дорис Симе согласилась: во-первых, ее мучило любопытство, а во-вторых, она любила вкусно поесть.

Усевшись за столиком и сделав заказ, Мими приступила к делу.

— Надеюсь, это останется между нами, — сказала она, — Видите ли, у меня задание — написать о разных женских профессиях. Не могли бы вы немного рассказать о своей?

Дорис была немного разочарована, но тем не менее вежливо согласилась и принялась рассказывать, сколько часов в день ей приходится работать, каково жалованье, какие преимущества и недостатки…

Мими записывала сведения в маленький блокнот.

— Как мило, что вы мне помогли, — сказала она. — Я ужасно невежественна в этих вопросах. Все мне не новинку. Понимаете, я очень нуждаюсь в деньгах, и небольшой гонорар мне совсем не помешает. Представляете, какая дерзость — явиться в «Амброзию» и сделать вид, что могу купить там несколько платьев! По правде говоря, до самого Рождества я смогу потратить на одежду всего лишь несколько фунтов. Если бы миссис Дейкерс это знала! Она, наверное, пришла бы в бешенство.

Дорис хихикнула.

— Да уж наверное.

— А неплохо я сыграла, правда? Похоже было, что у меня полно денег?

— Вы держались просто великолепно, мисс Литтон Гор. Мадам уверена, что вы закажете кучу вещей.

— Боюсь, бедняжка будет разочарована, — засмеялась

Мими.

Дорис снова хихикнула. Ей понравился ленч, и сама Мими — тоже. «Эта юная леди — из высшего общества, но совсем не задается», — думала она.

Заручившись расположением мисс Симе, Мими теперь уже спокойно и смело завела разговор о ее хозяйке.

— По-моему, миссис Дейкерс — настоящая ведьма, правда?

— Да, мы ее терпеть не можем, это так. Но в таланте ей не откажешь, а уж деловая хватка у нее — можно позавидовать. Не то что другие знатные дамы — не успеют открыть такой же салон, как тут же прогорают: их знакомые аристократки одеваться-то одеваются у них, а денег не платят. А у нашей мадам железный характер, хотя, надо отдать ей должное, она всегда играет по правилам. Ну и, конечно, вкус у нее безошибочный.., знает, что к чему. У нее талант — для каждого найдет тот стиль, который ему больше всего подходит.

— Наверное, кучу денег зарабатывает?

По глазам Дорис было видно — ей есть что об этом сказать.

— Не в моих привычках болтать лишнее или сплетничать…

— Конечно, — сказала Мими. — Пожалуйста, продолжайте.

— Но если хотите знать мое мнение, фирма на ладан дышит. Был тут некий джентльмен, еврей, они с мадам о чем-то говорили… По-моему, она одалживает деньги, чтобы как-то выкрутиться. Видно, надеется, что торговля оживится, но пока она на мели. По правде говоря, мисс Литтон Гор, временами она выглядит просто ужасно. Будто совсем отчаялась. Не представляю, какой был бы у нее вид, если бы не косметика. По-моему, она совсем сна лишилась.

— Что за человек ее муж?

— Кто его знает… Вообще-то, по-моему, непутевый. Мы его редко видим. Думаю, мадам все еще сильно к нему привязана, хотя никто из девушек не согласен со мной. Право, каких только мерзостей не наслушаешься…

— Например?

— О, не хочется даже повторять. Это не в моих правилах.

— Конечно, конечно. Итак, вы говорили?..

— Наши девушки всякое болтают. О каком-то молодом человеке.., будто он очень богат и.., заметно придурковат. Не сказать, чтобы совсем слабоумный, но винтиков явно не хватает. Мадам вертела им, как хотела. Рассчитывала, наверное, с его помощью поправить свои дела — он бы согласился на что угодно. Но его вдруг отправляют в морское путешествие.

— Кто отправляет? Доктор?

— Ну да, с Харли-стрит. Тот самый, которого потом убили в Йоркшире. Говорят, отравили…

— Сэр Бартоломью Стрендж?

— Да. Мадам была среди приглашенных, и девушки говорят, в шутку, конечно, что, мол, это мадам его на тот свет отправила. Отомстила ему! Конечно, это просто шутка.

— Конечно, — сказала Мими. — Девушки шутят, это понятно. Но, знаете, убийца, по-моему, должен быть именно такой, как миссис Дейкерс, — жестокий и безжалостный.

— Да, жестокости у нее хоть отбавляй. А уж до чего зла! Когда разойдется, так мы стараемся держаться от нее подальше. Говорят, и муж ее побаивается. А чему удивляться!

— Не упоминала ли она о некоем мистере Беббингтоне? Или о Джиллинге? Это такое местечко в Кенте.

— Нет, не припомню.

Дорис взглянула на часы.

— О, Господи! — всполошилась она. — Мне надо бежать. Не то опоздаю.

— До свидания и спасибо вам.

— Мне было так приятно с вами пообщаться, честное сло-

во. До свидания, мисс Литтон Гор. Надеюсь, статья будет иметь успех. Буду с нетерпением ее ждать.

«Не дождешься, милочка», — подумала Мими и попросила принести счет.

Затем, перечеркнув наброски «статьи», она записала в своем маленьком блокноте:

«Синтия Дейкерс. Кажется, испытывает финансовые затруднения. Отличается, говорят, необычайно злобным нравом. По слухам, у миссис Дейкерс был роман с неким молодым человеком, очень богатым, которого сэр Бартоломью Стрендж отправил в морское путешествие. Упоминание о Джиллинге не вызвало никакой реакции, равно как и предположение, что миссис Дейкерс была знакома с Беббингтоном».

«Не слишком-то большой улов, — подумала Мими. — Мотив для убийства сэра Бартоломью малоубедителен. Мосье Пуаро, возможно, удастся извлечь из этого какую-то пользу, мне же ничего не приходит в голову».

Глава 7

Капитан Дейкерс

Мими, однако, выполнила еще не все из того, что было ею намечено на этот день. И теперь она направилась в Сент-Джонс-хаус, где жили Дейкерсы.

Это был новый дом с чрезвычайно дорогими квартирами. На окнах снаружи красовались роскошные ящики с цветами, а швейцары, одетые в униформу, были столь великолепны, что походили скорее на иностранных генералов.

Мими не стала входить в дом. Она принялась прогуливаться по противоположной стороне улицы. Проведя за этим занятием около часа, она высчитала, что отшагала, должно быть, несколько миль. Было уже половина шестого.

И вот наконец у дома остановилось такси, и из него вышел капитан Дейкерс. Мими, выждав минуту-другую, пересекла улицу и вошла в подъезд.

Она нажала звонок квартиры номер три. Дейкерс сам отворил дверь. Он даже не успел снять пальто.

— О, здравствуйте! Вы меня помните? Мы с вами встречались в Корнуолле, потом в Йоркшире.

— Да-да, конечно. И оба раза при трагических обстоятельствах. Входите, пожалуйста, мисс Литтон Гор.

— Я бы хотела повидать вашу жену. Она дома?

— Нет, она еще у себя в ателье на Брутон-стрит.

— Да, я сегодня там была. Я думала, она уже вернулась. Надеюсь, она не будет сердиться, что я сюда пришла. Не хотелось бы, право, вас тревожить…

У Мими был трогательно-растерянный вид.

«Хорошенькая девушка! Ей-богу, просто чертовски мила!» — подумал Фредди Дейкерс, а вслух сказал:

— Синтия раньше шести не вернется. А я только что из Ньюбери. Ну и денек выдался! Отвратительный. Вот я и ушел пораньше. Может, махнем в «Семьдесят два», де-

рнем по коктейлю, а?

Мими кивнула, хотя у нее было сильное подозрение, что Дейкерс сегодня уже принимал горячительные напитки и ему, пожалуй, стоило бы воздержаться от дальнейшего их употребления.

Сидя в полутемном подвальчике и потягивая мартини, Мими говорила:

— Как интересно! Я раньше никогда здесь не была. Фредди снисходительно улыбался. Ему нравились хорошенькие молодые девушки. Не сказать, чтобы они были главным его увлечением, но все же…

— Сногсшибательный случай, правда? — говорил он. — Я про тот обед в Йоркшире. Вот потеха-то — доктора отравили! Понимаете, о чем я? Все наоборот! Ведь любой доктор сам кого хочешь отравит.

Он громко захохотал над своей шуткой и заказал еще порцию розового джина.

— Остроумно! — сказала Мими. — Мне даже в голову не пришло так взглянуть на дело.

— Шутка, — изрек Фредди Дейкерс.

— Вообще-то странно, правда? Стоит нам встретиться, как кто-то умирает.

— Весьма странно. Вы говорите о том старике пасторе, как бишь его? Ну, о том, который дал дуба в доме у Картрайта?

— Да, о мистере Беббингтоне. Вы ведь помните, как он скончался? Совершенно неожиданно! И это очень подозрительно.

— Ч-чертовски п-подозрительно, — проговорил мистер Дейкерс. — Да и вообще паршиво — не успеешь оглянуться, а человек-то уж концы отдал… Тут и приходит паршивая такая мыслишка, что скоро, мол, и твоя очередь… Фу, прямо дрожь пробирает.

— А раньше вы никогда не встречались с мистером Беббингтоном? Ну, хоть, например, в Джиллинге?

— Не слышал про такое место. Да если когда-нибудь и ви-

дел этого старикашку, то не припомню. Чего ради мне на него засматриваться? Забавно только, что он отправился к праотцам тем же способом, что и старина Стрендж. Вот что странно. А может, его тоже.., того, а?

— Вы думаете?

Дейкерс помотал головой.

— Да нет… Кокнуть пастора? Зачем? Вот доктора — другое дело…

— Да. Доктор — совсем иное дело.

— К-конечно, иное. Само собой. Уж эти доктора… Везде, черт их дери, суют свой нос. — Язык у него начал заплетаться. Он подался вперед. — Нипочем не отстанут. Понимаете?

— Нет.

— Ну, суются в вашу жизнь. Будто им, черт побери, все позволено. Вот кому надо руки укоротить.

— Что-то в толк не возьму, о чем вы?

— Дорогая моя, я ж вам объясняю. Запрут человека.., и точка. Вот я о чем… Упекут, черт их подери. Пощады от них не жди. Упекут, всего на свете лишат. Как ни проси, хоть в ногах валяйся — ни-ни… Муки адские терпишь, а им все нипочем… Вот вам и доктора. Говорю вам, я их знаю…

Он сморщился, точно от боли. Маленькими, как буравчики, глазками он тревожно вглядывался куда-то в пространство позади Мими.

— Ад, говорю вам, настоящий ад. И они называют это лечением! Считают, что делают доброе дело. Скоты!

— И сэр Бартоломью Стрендж?.. — осторожно начала Мими.

Но он ее перебил:

— Сэр Бартоломью Стрендж! Сэр Бартоломью Лжец! Хотел бы я знать, что творится в его хваленом санатории. Нервные болезни… Это они так говорят. Туда запрут, а

обратно — ни-ни. И еще уверяют, будто ты пришел по собственной воле! Как бы не так! Хватают тебя, когда ты в горячке и ничего не соображаешь…

Его била дрожь, рот нервно подергивался.

— Что-то я расклеился, — виновато сказал он. — Совсем расклеился.

Он подозвал официанта и с пьяным упорством стал требовать, чтобы Мими выпила еще стаканчик. Она отказывалась. Тогда он велел подать еще одну порцию для себя.

— Так-то лучше, — пробормотал он, осушив стакан. — А то нервы совсем расходились. Самое паршивое, когда нервы сдают… Главное — не злить Синтию… Она не велит мне болтать… — Он начал клевать носом. — Как бы в полиции не узнали… А то еще подумают, что это я прикончил старину Стренджа. Э? Вы ведь понимаете, правда? Кто-то же его прикончил? Один из нас… Смех, да и только… Кто из нас? Вот вопрос!

— Может быть, вы догадываетесь кто?

— Почему это вы у меня спрашиваете? Почему это я дол-

жен догадываться? — Он злобно и подозрительно сверлил Мими своими буравчиками. — Ничего я не знаю. Говорю вам, не знаю. И не собирался я у него «лечиться». Мало ли что Синтия там говорит… Не собирался, и точка. Он что-то затевал… Они с Синтией оба что-то затевали… Но у них не вышло — меня не одурачишь!

Он выпрямился.

— Я еще могу постоять за себя, мисс Литтон Гор.

— Не сомневаюсь. Скажите, не слышали ли вы о некоей миссис де Рашбриджер? Она лечится в санатории сэра Бартоломью.

— Рашбриджер? Рашбриджер… Старина Стрендж что-то говорил… А что говорил? Не помню… — Он вздохнул, помотал головой. — Память сдает, вот в чем дело… И кругом недруги… Много недругов… Они, наверное, и сейчас шпионят за мной…

Он снова тревожно огляделся. Потом перегнулся через стол к Мими и зашептал:

— Что эта чертова кукла делала в моей комнате?

— Какая кукла?

— Ну та, что похожа на кролика. Она еще пьески пишет. Утром, на другой день после того, как он скончался.., я позавтракал, поднимаюсь к себе, а она крадется из моей комнаты. Увидела меня и шмыг по коридору, на ту половину, где комнаты для прислуги. Странно, правда? Что ей там понадобилось? Что-то искала? И вообще, чего она там вынюхивала? Что ей нужно?

Он снова наклонился к Мими и таинственно прошептал:

— А может, Синтия правду говорит, как вы думаете?

— А что она говорит?

— Говорит, мне померещилось. Говорит, у меня галлюцинации. — Он виновато улыбнулся. — Со мной и правда такое случается. Розовые мыши.., змеи и все такое прочее. Но женщины мне еще никогда не мерещились… Нет, я в самом деле ее видел. Очень подозрительная личность. И глаза у нее такие паршивые. Так и пронизывают насквозь.

Капитан Дейкерс откинулся на мягком диване. Казалось, он вот-вот заснет.

Мими поднялась.

— Ну, мне пора. Очень вам благодарна, капитан Дейкерс.

— Не благодарите… Очарован… Совершенно очарован… — бубнил он.

Голос его упал до шепота, потом послышалось какое-то неясное бормотание.

«Лучше уйти, не то еще очнется и увяжется за мной», — подумала Мими.

Она вышла из прокуренного зала в вечернюю прохладу улицы.

Беатрис, горничная, говорила, что мисс Уиллс за всеми подглядывала и подслушивала. А теперь вот и капитан Дейкерс тоже. Что она там высматривала? Что нашла? Неужели ей что-то известно?

Что кроется за сбивчивым рассказом капитана Дейкерса? Может быть, он тайно ненавидел и боялся сэра Бартоломью?

Что ж, вполне вероятно.

Но в деле Беббингтона он явно не замешан. В его болтовне на это и намека нет.

«А что, если Беббингтон вовсе и не был отравлен?» — размышляла Мими.

И вдруг у нее перехватило дыхание. «Эксгумация в Корнуолле», — прочла она крупно набранный заголовок. Газета лежала на прилавке в нескольких футах от девушки.

Мими торопливо протянула пенни и схватила газету. Она хотела было отойти от прилавка, но столкнулась с какой-то женщиной, которая тоже уткнулась в газету. Мими подняла глаза, извинилась и в тот же миг узнала в незнакомке секретаря сэра Чарлза — безупречную мисс Милрей.

Стоя рядом, обе бросились искать экстренное сообщение. Ага, вот оно.

«ЭКСГУМАЦИЯ В КОРНУОЛЛЕ». Буквы плясали у Мими перед глазами. Исследование внутренних органов… Никотин…

— Значит, его тоже отравили, — сказала она.

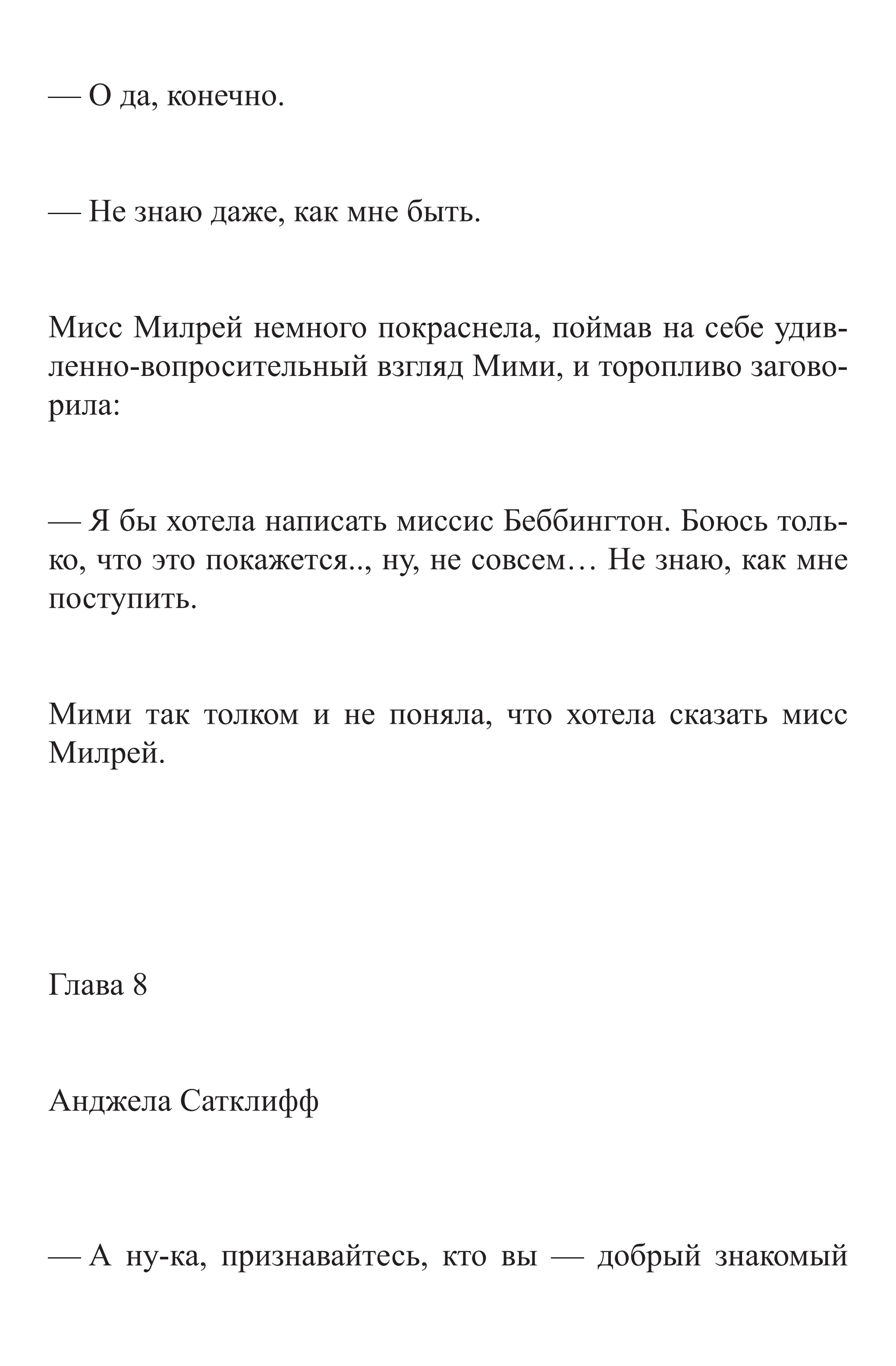
— Ох, дорогая! — воскликнула мисс Милрей. — Все это ужасно! Просто ужасно!

Всегдашнее самообладание на этот раз, похоже, ей изменило. Мими смотрела на нее с удивлением. Она привыкла считать, что мисс Милрей чужды обычные человеческие чувства.

— Я потрясена. Понимаете, я ведь знала его с детства.

— Кого? Мистера Беббингтона? — изумленно спросила Мими.

— Да, У меня мама живет в Джиллинге, а он был там викарием… Я просто убита.

— О да, конечно.

— Не знаю даже, как мне быть.

Мисс Милрей немного покраснела, поймав на себе удивленно-вопросительный взгляд Мими, и торопливо заговорила:

— Я бы хотела написать миссис Беббингтон. Боюсь только, что это покажется.., ну, не совсем… Не знаю, как мне поступить.

Мими так толком и не поняла, что хотела сказать мисс Милрей.

Глава 8

Анджела Сатклифф

— А ну-ка, признавайтесь, кто вы — добрый знакомый

или сыщик, — говорила мисс Сатклифф с насмешливой улыбкой в глазах.

Она сидела в кресле с жесткой спинкой, скрестив ноги. Седые волосы были тщательно и со вкусом уложены. Мистер Саттертуэйт залюбовался ее стройными, с тонкими лодыжками, ногами в прелестных туфельках. От мисс Сатклифф исходило неотразимое очарование, которым она была в значительной степени обязана своему редкостному умению ничего не принимать всерьез.

— Дорогая, разве учтиво сразу взять да огорошить гостя таким вопросом?

— Учтиво, мой друг, учтиво. Живо отвечайте, зачем пришли — ради моих прекрасных глаз, как сказал бы душка-француз, или начнете выспрашивать меня об убийствах, гадкий вы человек.

— Ну, конечно, ради прекрасных глаз. Как можно сомневаться! — отвечал мистер Саттертуэйт с легким поклоном.

— Очень даже можно. Можно и нужно, — решительно заявила мисс Сатклифф. — Вы только на вид такой паинька, а в душе вы жестокий и кровожадный.

— Помилуйте!

— О да! Кстати, мистер Саттертуэйт, помогите мне. Я никак не могу решить — если вас подозревают в убийстве, это оскорбительно или лестно? Пожалуй, все-таки лестно.

Она немного склонила голову к плечу, и губы ее медленно, словно нехотя, сложились в обворожительную улыбку. Эта знаменитая улыбка Анджелы Сатклифф действовала безотказно.

«Очаровательное создание!» — подумал мистер Саттертуэйт.

— Признаюсь вам, дорогая, загадка смерти сэра Бартоломью просто не дает мне покоя. Вы, может быть, знаете, что мне и прежде приходилось заниматься подобными расследованиями, по-любительски, конечно…

Он скромно умолк, надеясь, вероятно, что мисс Сатклифф как-то выкажет свою осведомленность о его славной деятельности. Однако она просто спросила:

— Скажите, то, что говорила эта девушка, правда?

— Какая девушка? И что она говорила?

— Мисс Литтон Гор. Кстати, она, кажется, обожает Чарлза… Какой он все-таки проказник — никак не образумится. Так вот, мисс Литтон Гор считает, что этого милого старика пастора тоже убили.

— А что думаете вы?

— Ну, скончался он при таких же точно обстоятельствах, как и сэр Бартоломью… А эта девушка отнюдь не глупа. Скажите, у Чарлза это серьезно?

— Думаю, в таком деле ваше суждение окажется куда вернее моего.

— Как вы скучны с вашей осторожностью! — в сердцах воскликнула мисс Сатклифф. — Сама я ужас до чего неосторожна, — со вздохом добавила она. — Я хорошо знаю Чарлза. Да и вообще мужчин, — снова заговорила мисс Сатклифф, бросив на собеседника быстрый взгляд из-под ресниц. — Кажется, он собирается остепениться. Напус-

тил на себя такой добродетельный вид. Помяните мое слово, не успеете вы и глазом моргнуть, как он женится. А едва мужчина обзаведется семьей, он становится непроходимо скучен. Куда уходит все его обаяние!

— Я всегда удивлялся, отчего сэр Чарлз до сих пор не женился.

— Дорогой мой, ему это и в голову не приходило. Он не из тех, кто женится. А какой он был очаровательный. — Она вздохнула. Взгляд ее потеплел. — Ведь мы с ним.., к чему скрытничать, когда все знают. Восхитительное было время… Но мы остались друзьями. Наверное, поэтому милая крошка Литтон Гор смотрит на меня как на врага. Думает, что я до сих пор питаю tendresse[26] к Чарлзу. Может быть… Но, во всяком случае, писать мемуары и вспоминать в подробностях свои романы, как это принято среди моих друзей, я не собираюсь. Наша крошка Мими наверняка не одобрила бы подобной затеи. Она была бы шокирована. Нынешних девиц так легко шокировать. А вот ее матушку, уверяю вас, ничем не проймешь. Ох уж эти душечки с их викторианским смирением, не так-то просто вывести их из равновесия. Они так сдержанны, так немногословны, но, как известно, в тихом омуте…

Мистер Саттертуэйт ограничился весьма лаконичным замечанием:

— Думаю, вы правы, Мими Литтон Гор вам не доверяет.

Мисс Сатклифф нахмурилась.

— Кажется, я тоже немного ревную его к ней. Мы, женщины, как кошки, правда? То царапаемся, то мяукаем, то мурлычем. — Она засмеялась. — Почему Чарлз сам не захотел со мной поговорить? Наверное, из щепетильности. Должно быть, он меня подозревает. А вы, мистер Саттертуэйт? Вы меня подозреваете?

Она встала, простерла руку.

— «И рука все еще пахнет кровью. Никакие ароматы Аравии не отобьют этого запаха…»[27] — Мисс Сатклифф внезапно умолкла. — Нет, я не леди Макбет. Моя стихия — комедия.

— По-моему, дорогая, у вас не было ровно никаких причин желать зла сэру Бартоломью, — сказал мистер Саттертуэйт.

— Да, вы правы. Мне нравился Бартоломью Стрендж. Мы с ним были друзья. Именно поэтому я и хочу принять учас-

тие в расследовании, хочу, чтобы убийцу нашли. Скажите, я могу чем-нибудь помочь?

— Но вы ведь, мисс Сатклифф, наверняка не видели и не слышали ничего такого, что имеет отношение к убийству?

— Нет, все, что я знала, я уже рассказала в полиции. Гости едва успели съехаться.., его смерть случилась в первый же вечер.

— А как насчет дворецкого?

— Не знаю, просто не обратила на него внимания.

— Может быть, кто-то из гостей держался как-то необычно, не заметили?

— Нет. Ну, конечно, этот мальчик, как его? Мендерс? Он появился нежданно-негаданно.

— Сэр Бартоломью, наверное, был удивлен?

— Да. По-моему, да. Перед тем, как мы сели за стол, он мне сказал, что это очень странно. «Новый способ открывать ворота — просто сносить их». Так он выразился. И еще добавил: «Только этот юнец снес не ворота, а стену».

— Сэр Бартоломью был в хорошем расположении духа?

— Ода!

— Что за потайной ход, о котором вы говорили в полиции?

— Кажется, в него можно попасть из библиотеки. Сэр Бартоломью обещал мне его показать. Но не успел.

— А как у вас зашел об этом разговор?

— Сэр Бартоломью сказал, что недавно купил старинный письменный стол орехового дерева. «Нет ли там потайного ящика?» — спрашиваю я. Обожаю потайные ящики, у меня к ним пристрастие. А он отвечает: «Нет, потайного ящика нет, но зато в доме есть потайной ход».

— Не упоминал ли он о пациентке, некой миссис де Рашб-

риджер?

— Нет.

— Может быть, вам известно местечко под названием Джиллинг в Кенте?

— Джиллинг? Нет, не слыхала.

— Вы ведь прежде, наверное, встречались с мистером Беббингтоном?

— А кто он?

— Пастор, который скончался — или был убит? — в «Вороновом гнезде».

— Ах, пастор. Я и забыла, как его зовут. Нет, никогда его раньше не встречала. А кто вам сказал, что мы были с ним знакомы?

— Один человек, которому можно верить, — отчаянно соврал мистер Саттертуэйт.

Это сообщение, казалось, позабавило мисс Сатклифф.

— Этот пастор, конечно, славный старик. Но подумать, что у меня с ним был роман? Правда, среди архидьяконов попадаются этакие проказники, вы замечали? Отчего же викарии должны от них отставать? Но тут совсем иное дело — бедняги уже нет в живых, и я не посмею осквернить память о нем недостойными подозрениями. Ей-богу, до этого злосчастного обеда я и в глаза его не видела.

Пришлось мистеру Саттертуэйту довольствоваться этим объяснением.

Глава 9

Мюриэл Уиллс

Дом номер пять по Аппер Кэткарт-роуд в Тутинге мало походил на жилище автора острых сатирических пьес.

Сэра Чарлза провели в комнату с бежево-серыми, цвета овсяной муки стенами, которые украшал фриз из желтоватых веночков, с портьерами из розового бархата, со множеством фотографий и фарфоровых собачек, с телефоном, стыдливо накрытым куклой в пышных юбках, с изобилием столиков и латунных фигурок сомнительного происхождения — то ли из Бирмингема, то ли из Восточной Азии.

Мисс Уиллс вошла в комнату так тихо, что сэр Чарлз, который в это время рассматривал смешного долговязого Пьеро, валявшегося на диване, не услышал ее шагов.

— Здравствуйте, сэр Чарлз, — сказала она тонким голоском. — Рада вас видеть.

Сэр Чарлз круто обернулся.

Мисс Уиллс была одета в мягкий джемпер, который уныло болтался на ее костлявом теле. Чулки морщились на худых ногах, обутых в лакированные туфли на высоченных каблуках.

Сэр Чарлз пожал ей руку, взял предложенную ему сигарету и опустился на диван рядом с Пьеро. Мисс Уиллс села напротив. Стекла ее пенсне вспыхивали в лучах света, па-

дающего из окна.

— Подумать только, как это вы меня отыскали, — сказала она. — Мама будет в восторге. Она обожает театр, особенно всякие чувствительные спектакли. Только и говорит что о той пьесе, где вы играли принца. Ходит на дневные представления и любит полакомиться шоколадом. Она у меня такая.., заядлая театралка.

— Как это мило! Вы себе не представляете, до чего приятно, когда тебя помнят. Вообще-то память у наших зрителей такая короткая, — вздохнул сэр Чарлз.

— Мама будет потрясена, если вас увидит. На днях приходила мисс Сатклифф, так она была в восторге.

— К вам приходила Анджела?

— Да. Она ставит мою пьесу «Собачка смеется». Может быть, слышали?

— Конечно, — сказал сэр Чарлз. — Читал об этом. Весьма интригующее название.

— Рада, что вы так думаете. Мисс Сатклифф оно тоже понравилось. Это осовремененная интерпретация детских шуточных стихов. Много всякой забавной чепухи. В общем, вздор, ерунда, разные смешные происшествия. Само собой, все вертится вокруг героини, которую играет мисс Сатклифф. Все пляшут под ее дудку. Вот, собственно и все.

— Неплохо. Наша сумасшедшая жизнь, что она такое, как не забавная шутка! А собачка смеется, глядя на нас, да?

«Она сама и есть эта собачка, — осенило вдруг сэра Чарлза. — Смотрит и смеется».

Пенсне мисс Уиллс перестало отсвечивать, и сквозь стекла на сэра Чарлза глянули умно и проницательно светло-голубые глаза.

«Ей палец в рот не клади», — подумал он и сказал:

— Угадайте, что меня к вам привело?

— Уж конечно не только желание повидать мою скромную особу, — насмешливо улыбнулась мисс Уиллс.

«Какая огромная разница! Между тем, как она говорит и как пишет. Говорит добродушно и насмешливо, а пишет умно, зло и цинично», — удивлялся про себя сэр Чарлз.

— На самом деле мысль посетить вас мне подал Саттертуэйт. Он считает, что прекрасно разбирается в людях.

— Он и впрямь в них разбирается. Я бы сказала, это его хобби.

— Он считает, что в тот вечер в Мелфорт Эбби вы наверняка приметили все, что заслуживает внимания.

— Так и сказал?

— Да.

— Признаюсь вам, мне было очень интересно. Понимаете, мне прежде никогда не приходилось быть свидетельницей убийства. Писатель ведь должен все мотать на ус, правда?

— Само собой разумеется.

— Вот я и старалась ничего не упустить. «Высматривала и вынюхивала, как сказала Беатрис», — подумал сэр Чарлз.

— Наблюдали за гостями?

— Да.

— Что же вам удалось заметить?

Стекла пенсне снова блеснули.

— Ничего существенного. Если бы заметила что-нибудь важное, то уж конечно сообщила бы полиции, — добавила она тоном законопослушной гражданки.

— Но что-то же все-таки вам удалось подметить?

— Я всегда все подмечаю. Тут уж ничего не поделаешь. У меня на этот счет пунктик, — усмехнулась мисс Уиллс.

— Так что же именно?

— Да ничего, ничего особенного, сэр Чарлз. Просто всякая всячина, разные мелочи, в которых проявляется психология людей. Наблюдать людей — увлекательнейшее занятие. Они все такие типичные, понимаете?

— Типичные? В чем?

— В своих характерах. Ох, не могу объяснить, такая бестолковая, — снова усмехнулась она.

— Перо у вас беспощадное, чего не скажешь о вашей манере вести беседу, — улыбнулся сэр Чарлз.

— Не очень-то любезно с вашей стороны, сэр Чарлз, называть меня беспощадной.

— Моя дорогая мисс Уиллс, признайтесь, что ваше перо разит наповал.

— Вы несносны, сэр Чарлз. Уж если на то пошло, так это вы ко мне беспощадны.

«Пора кончать с этой болтовней, не то совсем увязнешь», —

подумал про себя сэр Чарлз и сказал:

— Значит, ничего определенного вы не обнаружили, мисс Уиллс?

— Да нет, не то чтобы совсем ничего. Кое-что было. Следовало сказать полицейским, да я запамятовала.

— Так что же это было?

— Родимое пятно. Красноватое родимое пятно на руке у дворецкого, на левом запястье. Я заметила у него это пятно, когда он подавал мне овощи. Наверное, такая подробность может оказаться полезной для расследования.

— Я бы даже сказал, весьма полезной. Полиция изо всех сил старается выследить этого Эллиса. Право, мисс Уиллс, вы необыкновенная женщина. Никто — ни прислуга, ни гости — не заметил этого родимого пятна.

— Как правило, люди смотрят, но не видят, — заметила мисс Уиллс.

— Где именно было это пятно? И какой оно величины?

— Пожалуйста, покажите ваше запястье.

Сэр Чарлз протянул руку.

— Благодарю вас. Вот тут.

Мисс Уиллс уверенно притронулась пальцем к тому месту на запястье сэра Чарлза, где, по ее мнению, было родимое пятно.

— Величиной примерно с шестипенсовик, а по форме оно напоминало Австралию.

— Спасибо, я все понял, — сказал сэр Чарлз, опуская манжету.

— Думаете, я должна написать об этом в полицию?

— Конечно. Вы дадите им в руки самую важную примету. Ведь в детективных романах, черт возьми, злодей всегда помечен каким-нибудь особым родимым пятном. Так неужели жизнь менее изобретательна, чем убогая фантазия

какого-то писаки!

— В романах обычно фигурируют шрамы, — задумчиво проговорила мисс Уиллс.

— А чем, собственно, хуже родимое пятно?

Сэр Чарлз, казалось, был страшно доволен собой, совсем как мальчишка.

— Вся штука в том, — заявил он, — что люди, за редким исключением, ужасно безлики. Ну просто не за что зацепиться.

Мисс Уиллс вопросительно посмотрела на него.

— Возьмите, например, Беббингтона, — продолжал сэр Чарлз. — Какая у него наружность? Да никакая. Даже нечего вспомнить.

— Ну нет, у него были очень выразительные руки. Я бы сказала, руки ученого. Красивые длинные пальцы, правда, немного тронутые артритом, и на редкость изящные ногти.

— Вы необычайно наблюдательны. А впрочем, неудивительно, вы же давно его знали.

— Кого? Беббингтона?

— Ну да, он сам мне говорил. И даже место называл, не могу сейчас вспомнить какое.

Мисс Уиллс покачала головой.

— Нет. Должно быть, вы меня с кем-то путаете, — решительно сказала она. — Или мистер Беббингтон ошибся. Я его никогда прежде не встречала.

— Нет, верно, я ошибся. Подумал, может быть, в Джиллинге…

Он испытующе смотрел на мисс Уиллс. Она невозмутимо выдержала его взгляд:

— Нет.

— А вам, мисс Уиллс, не приходило в голову, что его тоже отравили?

— Я слышала, что вы с мисс Литтон Гор склонны так думать. Вернее, не столько она, сколько именно вы.

— А.., гм.., что думаете вы?

— Маловероятно.

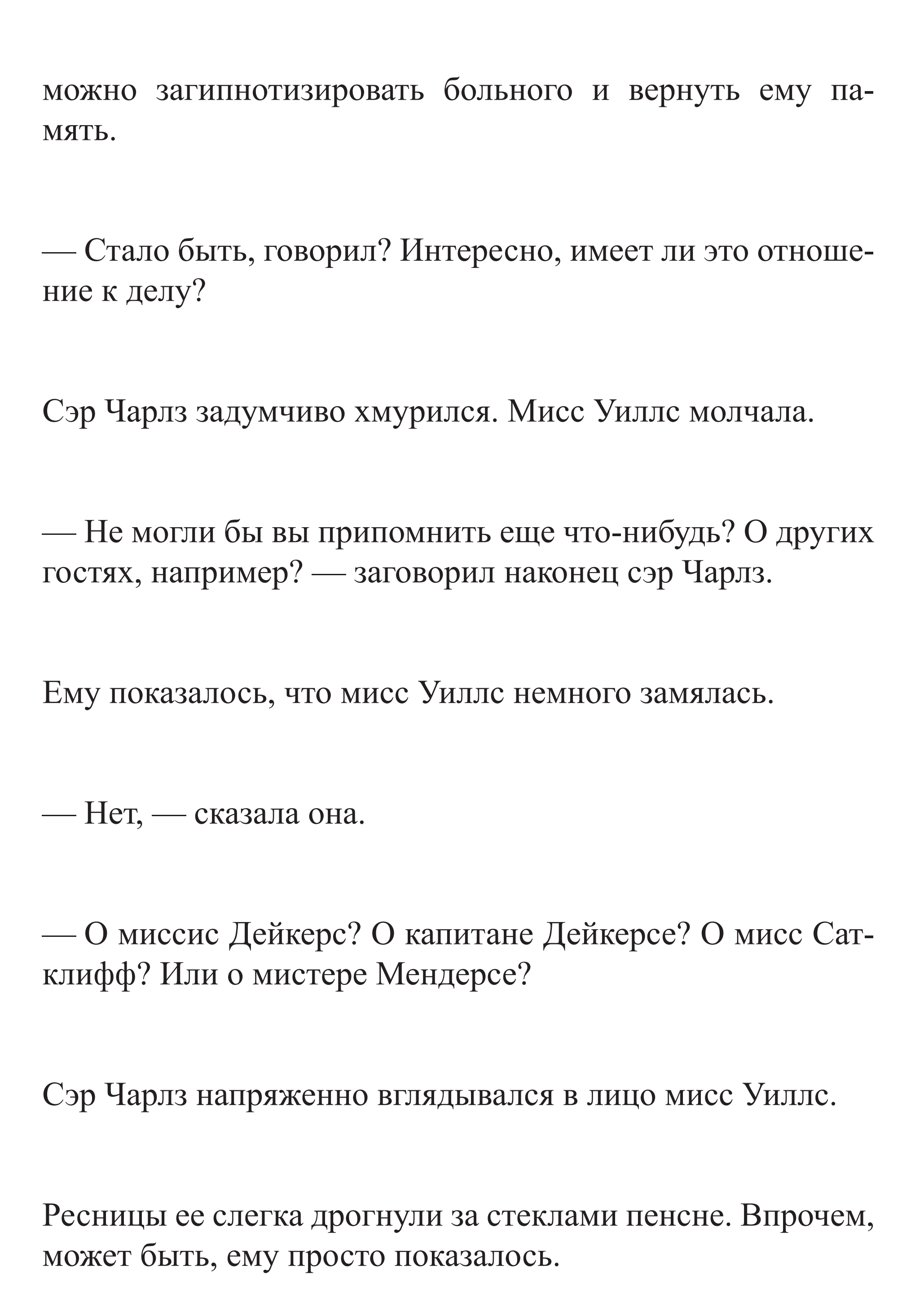
Немного разочарованный полным равнодушием мисс Уиллс к его версии, сэр Чарлз переменил тему.

— Скажите, не упоминал ли сэр Бартоломью о миссис де Рашбриджер?

— Нет. Сколько мне помнится, нет.

— Это его пациентка, лечится у него в санатории. У нее нервное потрясение и потеря памяти.

— Об амнезии он действительно упоминал. Говорил, что

можно загипнотизировать больного и вернуть ему память.

— Стало быть, говорил? Интересно, имеет ли это отношение к делу?

Сэр Чарлз задумчиво хмурился. Мисс Уиллс молчала.

— Не могли бы вы припомнить еще что-нибудь? О других гостях, например? — заговорил наконец сэр Чарлз.

Ему показалось, что мисс Уиллс немного замялась.

— Нет, — сказала она.

— О миссис Дейкерс? О капитане Дейкерсе? О мисс Сатклифф? Или о мистере Мендерсе?

Сэр Чарлз напряженно вглядывался в лицо мисс Уиллс.

Ресницы ее слегка дрогнули за стеклами пенсне. Впрочем, может быть, ему просто показалось.

— Боюсь, мне нечего больше вам сказать, сэр Чарлз.

— Ну что ж. — Он встал. — Саттертуэйт будет разочарован.

— Весьма сожалею, — чопорно произнесла мисс Уиллс.

— Мне тоже жаль, что напрасно вас обеспокоил. Вероятно, вы работали?

— Да, я писала.

— Новую пьесу?

— Да. Сказать по правде, хочу в ней вывести некоторых участников Мелфортской трагедии.

— Не боитесь, что вас обвинят в диффамации[28]?

— Нет, сэр Чарлз, люди никогда не узнают себя в литературных персонажах, — усмехнулась мисс Уиллс. — Если, конечно, как вы только что выразились, беспощадно спи-

сываешь их с натуры.

— Стало быть, вы считаете, что все мы завышаем свои достоинства и поэтому не узнаем себя, если портрет написан достаточно грубо и правдиво. Я был трижды прав, мисс Уиллс, назвав вас беспощадной.

В ответ она снова усмехнулась.

— Вам нечего бояться, сэр Чарлз. Как правило, женщины не бывают беспощадны к мужчинам. Разве уж в каком-то исключительном случае. Женщины беспощадны только друг к другу.

— Значит, в новой пьесе вы вонзаете аналитический нож в какую-то несчастную даму? Интересно, в кого же? Кажется, я догадываюсь. Наверное, это Синтия. Представительницы прекрасного пола ее терпеть не могут.

Мисс Уиллс не отвечала. Она только улыбалась своей загадочной улыбкой.

— Вы свои пьесы пишете или диктуете?

— Пишу, потом отдаю перепечатывать.

— Вам нужен секретарь.

— Может быть. Эта деловитая мисс.., мисс Милрей все еще у вас служит?

— Да. Она ездила к матери, в деревню, но теперь уже вернулась. Необычайно деятельная особа.

— Безусловно. Пожалуй, немного слишком.., порывиста.

— Порывиста? Мисс Милрей?

Сэр Чарлз удивленно посмотрел на нее. Никогда, даже в самых буйных полетах фантазии, он не мог бы вообразить себе, что мисс Милрей способна на порывы.

— Вот именно. Иногда, — сказала мисс Уиллс. Сэр Чарлз пожал плечами.

— Нет, мисс Милрей не человек, это.., робот. До свидания, мисс Уиллс. Простите, что потревожил вас, и, пожалуйста,

не забудьте сообщить в полицию об этой самой штуке.

— О родимом пятне на правом запястье у Эллиса? Нет, не забуду.

— Ну, прощайте. Впрочем, минутку, вы говорите, на правом запястье? А разве не на левом?

— Я так сказала? Какая глупость, право.

— Так на котором же?

Мисс Уиллс сосредоточенно прищурилась.

— Постойте. Я сидела так, а он… Будьте добры, сэр Чарлз, пожалуйста, возьмите эту медную тарелку и сделайте вид, что подаете мне блюдо с овощами. Отсюда, с левой стороны.

Сэр Чарлз взял с полки кованую медную на редкость безобразную тарелку и поднес ее мисс Уиллс со словами:

— Капусты, мадам?

— Благодарю. Теперь я совершенно уверена. Левое запястье, как я сначала и говорила. Ужасно глупо, что я перепутала.

— Ну что вы, — возразил сэр Чарлз. — Левое, правое — так легко перепутать.

И он в третий раз откланялся.

Закрывая дверь, он оглянулся. Мисс Уиллс смотрела не на него. Она стояла там, где они попрощались, устремив взгляд на огонь. На губах у нее играла торжествующая злобная усмешка.

Сэр Чарлз был поражен.

«Она что-то знает, — подумал он. — Готов поклясться, что знает. Но говорить не хочет… Что же она знает, черт побери?»

Глава 10

Оливер Мендерс

В конторе компании «Шпейер и Росс» мистер Саттертуэйт справился об Оливере Мендерсе и передал свою визитную карточку.

Его немедленно проводили в небольшую комнату, где за письменным столом сидел Оливер.

Молодой человек встал и пожал мистеру Саттертуэйту руку.

— Как мило, что вы нашли время навестить меня, сэр, — сказал он.

Однако за этим вежливым приветствием подразумевалось совсем иное:

«Да, я вынужден перед вами распинаться, никуда не денешься!»

Однако от мистера Саттертуэйта отделаться было не так-то просто. Он уселся, не спеша высморкался и сказал, сверля Оливера взглядом поверх носового платка:

— Знаете новости?

— Вы о финансовых новостях? Да, доллар сегодня…

— Речь не об этом, а об эксгумации в Лумауте. Беббингтон был отравлен. Никотином.

— Ах, это! Да, знаю. Наша неугомонная Мими будет довольна. Она все время твердила, что это убийство.

— А вас это известие совсем не трогает?

— Я не охотник до всяких ужасов. В конце концов, убийство, — он пожал плечами, — это так жестоко и так.., неэстетично.

— Ну, положим, не всегда так уж неэстетично.

— Да? Ну, может быть.

— Зависит от того, кто совершает убийство. Вот вы, например, наверняка не погрешили бы против хорошего вкуса.

— Весьма признателен за столь лестное для меня мнение, — произнес Оливер, по привычке манерно растягивая слова.

— А вот авария, которую вы подстроили, мой юный друг, явно безвкусна. В полиции, по-моему, разделяют мое мнение.

Наступило молчание, затем на пол упала ручка. Наконец Оливер сказал:

— Простите, не совсем вас понял.

— Что ж тут непонятного? Представление, которое вы разыграли в Мелфорт Эбби, не назовешь слишком удачным. Хотелось бы знать, зачем вам это понадобилось.

Снова молчание. Потом Оливер спросил:

— Так, значит, в полиции меня подозревают?

Мистер Саттертуэйт кивнул.

— Конечно. Ваше появление у сэра Бартоломью выглядит весьма подозрительно, вам не кажется? — мягко сказал он. — Но, может быть, у вас есть какое-то убедительное объяснение?

— Объяснение-то есть, — нехотя проговорил Оливер. — Не знаю, правда, насколько оно убедительно.

— Расскажите, чтобы я мог судить.

Помолчав, Оливер сказал:

— Я действовал так, как предложил мне сам сэр Бартоломью.

— Что?! — воскликнул мистер Саттертуэйт.

— Странно, да? Я и сам удивился. Но тем не менее это правда. Я получил письмо, где сэр Бартоломью предлагал мне подстроить аварию, явиться к нему и попросить, чтобы он меня приютил. Он не хотел ничего объяснять в письме, сказал, что сделает это при первом же удобном случае.

— Ну, и объяснил?

— Нет. Я ведь появился там как раз перед самым обедом. Поговорить с ним наедине не удалось. А потом он.., его отравили.

Обычное скучающе-утомленное выражение исчезло с лица Оливера. Его темные глаза так и впились в лицо собеседника. Казалось, ему важно было узнать, какое впечатление произвело его признание на собеседника, на мистера Саттертуэйта.

— У вас это письмо сохранилось?

— Нет, я его порвал.

— Жаль, — сухо заметил мистер Саттертуэйт. — В полиции вы об этом говорили?

— Нет, они бы все равно не поверили.

— Да, поверить трудно.

Мистер Саттертуэйт задумался. Мог ли сэр Бартоломью написать такое письмо? Не похоже — совсем не в его характере. История с письмом отдает дешевой мелодрамой, столь чуждой здравому смыслу, которым всегда отличался доктор.

Поймав на себе испытующий взгляд молодого человека, мистер Саттертуэйт подумал про себя: «Смотрит, проглотил ли я эту пилюлю».

— И сэр Бартоломью ничего вам не объяснил? — спросил мистер Саттертуэйт.

— Ничего.

— Невероятно!

Оливер промолчал.

— Значит, вы просто исполнили его просьбу?

Оливер снова напустил на себя устало-скучающий вид.

— Да, видите ли, его предложение было столь необычно. Оно обещало нечто увлекательное. Признаться, мне стало любопытно.

— Скажите, а не случилось ли чего-нибудь еще?

— Чего-нибудь еще? Что вы имеете в виду, сэр?

Мистер Саттертуэйт и сам толком не знал, что он имеет в виду. Им двигало какое-то неясное чувство.

— Ну, чего-нибудь такого, что можно истолковать не в вашу пользу?

Оливер молчал, что-то обдумывая, потом пожал плечами.

— Пожалуй, лучше уж мне чистосердечно в этом признаться, — сказал он. — Вряд ли эта женщина будет де-

ржать язык за зубами.

Мистер Саттертуэйт насторожился.

— Наутро после смерти сэра Бартоломью, когда мы разговаривали с мисс Энтони Эстор, я вынул из кармана бумажник. Из него выпал листок. Мисс Эстор подняла его и протянула мне.

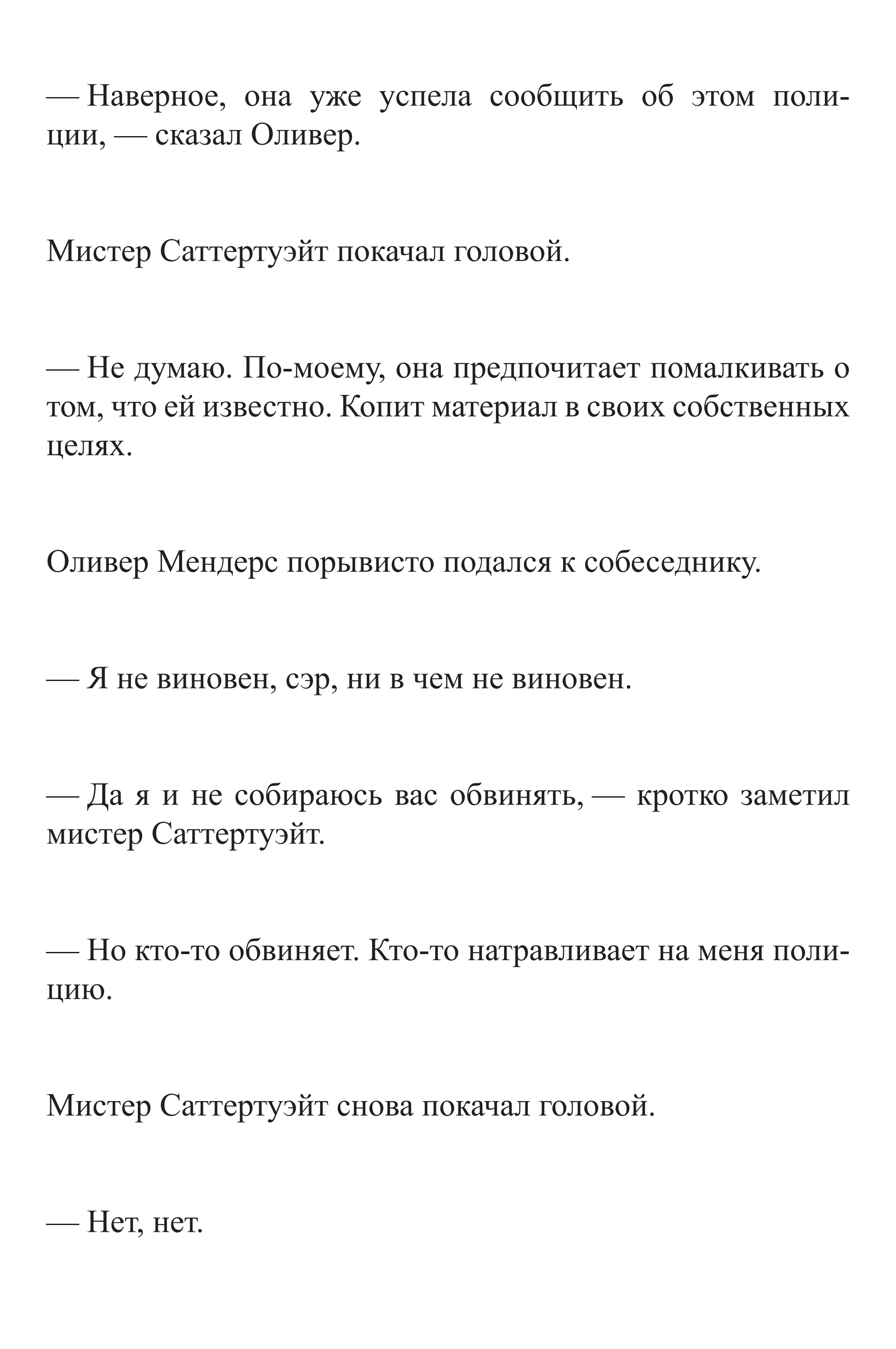
— Ну и что же?

— К сожалению, прежде чем отдать его мне, она бросила на него взгляд. А это была вырезка из газеты — о никотине, о том, что это смертельный яд и так далее.

— А как случилось, что вы заинтересовались никотином?

— Да я вовсе и не интересуюсь. Даже не помню, как сунул эту вырезку в бумажник… Чепуха какая-то…

«Да уж, звучит совсем неубедительно», — подумал мистер Саттертуэйт.

— Наверное, она уже успела сообщить об этом полиции, — сказал Оливер.

Мистер Саттертуэйт покачал головой.

— Не думаю. По-моему, она предпочитает помалкивать о том, что ей известно. Копит материал в своих собственных целях.

Оливер Мендерс порывисто подался к собеседнику.

— Я не виновен, сэр, ни в чем не виновен.

— Да я и не собираюсь вас обвинять, — кротко заметил мистер Саттертуэйт.

— Но кто-то обвиняет. Кто-то натравливает на меня полицию.

Мистер Саттертуэйт снова покачал головой.

— Нет, нет.

— Тогда почему вы ко мне пришли?

— Отчасти потому, что мне нужно это для моего собственного расследования, — заявил он важно. — А отчасти потому, что меня попросил зайти к вам мой друг.

— Ваш друг?

— Да, Эркюль Пуаро.

— А, этот тип! — вырвалось у Оливера. — Он что, вернулся в Англию?

— Да.

— Зачем?

Мистер Саттертуэйт поднялся.

— А зачем собака идет по следу? — произнес он с пафосом и удалился, весьма довольный своей находчивостью.

Глава 11

Пуаро устраивает званый вечер

Сидя в удобном кресле в своих роскошных, хотя и немного безвкусных, апартаментах в отеле «Ритц», Эркюль Пуаро внимательно выслушал подробные отчеты своих друзей.

Мими примостилась на ручке кресла, сэр Чарлз стоял поодаль, так что мог видеть всех собравшихся.

— Итак, у всех у нас полный провал, — говорила Мими.

— Ну-ну, не преувеличивайте, — терпеливо увещевал ее Пуаро. — Что касается дела мистера Беббингтона, да, тут вам не повезло. Зато вы собрали другие очень важные сведения.

— Мисс Уиллс что-то скрывает, — сказал сэр Чарлз. — Готов поклясться.

— Да и у капитана Дейкерса тоже совесть нечиста, — кивнул Пуаро. — И миссис Дейкерс, она отчаянно пыталась достать деньги, а сэр Бартоломью ей помешал.

— А что вы думаете об истории с письмом, которую наплел мне Мендерс? — подал голос мистер Саттертуэйт.

— Крайне удивлен. Чрезвычайно странный поступок, совсем не в характере сэра Бартоломью.

— Думаете, Мендерс лжет? — с грубоватой прямотой спросил сэр Чарлз.

— Трудно сказать. Ложь лжи рознь, — заметил Пуаро. Немного подумав, он спросил:

— Стало быть, мисс Уиллс написала пьесу специально для мисс Сатклифф?

— Да. Премьера в следующую среду.

— О! — воскликнул Пуаро. И снова воцарилось молча-

ние, которое нарушила Мими.

— Скажите же, что нам теперь делать? — обратилась она к Пуаро.

— Думать — вот единственное, что мы должны делать, — с улыбкой ответил он.

— Думать? — негодующе воскликнула Мими.

— Вот именно. — Пуаро лучезарно улыбался. — Думать! И тогда мы сможем ответить на все вопросы.

— Неужели ничего не надо делать?

— Вы непременно хотите действовать, мадемуазель? Ну что ж, кое-что вы можете сделать. Вот, например, вы помните, мистер Беббингтон много лет провел в Джиллинге. Вы могли бы навести там справки. Матушка мисс Милрей, вы говорили, живет в Джиллинге. Она ведь прикована к постели. А такие больные обычно знают все на свете. Все слышат и ничего не забывают. Расспросите ее, кто знает, может быть, это что-нибудь нам даст.

— А вы сами ничего не собираетесь делать? — упрямо допытывалась Мими.

Пуаро бросил на нее лукавый взгляд.

— Вы настаиваете? Eh bien! Будь по-вашему. Только я останусь в гостинице. Мне здесь нравится. Но так и быть, скажу, что я собираюсь сделать. Устрою званый вечер, приглашу гостей, скажем, на коктейль. Вполне светская затея, правда?

— На коктейль?

— Precisement.[29] Позову миссис Дейкерс, капитана Дейкерса, мисс Сатклифф, мисс Уиллс, мистера Мендерса, вашу очаровательную матушку.

— А меня?

— Конечно. И всех здесь присутствующих.

— Ура! — сказала Мими. — Меня не проведете, мосье Пуаро. На этом вечере что-то произойдет. Да или нет?

— Там будет видно, — сказал Пуаро. — Но особенно не надейтесь, мадемуазель. А теперь не оставите ли нас с сэром Чарлзом, я хотел бы с ним кое о чем посоветоваться.

Когда они стояли, ожидая лифта, Мими восторженно вскричала:

— Ах, как чудесно! Прямо как в детективном романе! Все соберутся, и он объявит нам имя убийцы!

— Сомневаюсь, — сказал мистер Саттертуэйт.

Званый вечер состоялся в понедельник. Приглашение Пуаро приняли все без исключения. Мисс Сатклифф, как всегда, очаровательная и легкомысленная, говорила, смеясь и блестя глазами:

— Вы совсем как паук, мосье Пуаро. А мы бедные мушки.[30] Вот сейчас вы преподнесете нам свое блистательное открытие, укажете на меня перстом и воскликнете: «Ты, женщина!»[31] И все закричат: «Это она!» И я зарыдаю и во всем признаюсь — я ведь так легко поддаюсь внушению. О мосье Пуаро, вы вселяете в меня страх.

— Quelle histoire![32] — улыбнулся Пуаро.

Он был занят — наливал из графина в рюмки херес.

— У нас тут просто дружеская вечеринка, — сказал он, с поклоном подавая рюмку мисс Сатклифф. — Не будем говорить об убийствах, отравлениях и прочих ужасах. La-la![33] Не будем портить себе настроение.

Он подал рюмку суровой мисс Милрей, которая почла своим долгом сопровождать сэра Чарлза, и стояла теперь, храня на лице неприступное выражение.

— Voila![34] — сказал Пуаро, с честью выполнив обязанности гостеприимного хозяина. — Давайте предадим забвению печальный повод, который впервые свел нас вместе. Давайте настроимся на веселый лад, станем есть, пить и веселиться, ибо завтра умрем[35]. Ah, malheur[36], снова вспомнил о смерти. Мадам, — Пуаро отвесил изысканный поклон миссис Дейкерс, — позвольте пожелать вам счастья, и примите мои поздравления — на вас совершенно очаровательное платье.

— За вас, Мими, — сказал сэр Чарлз.

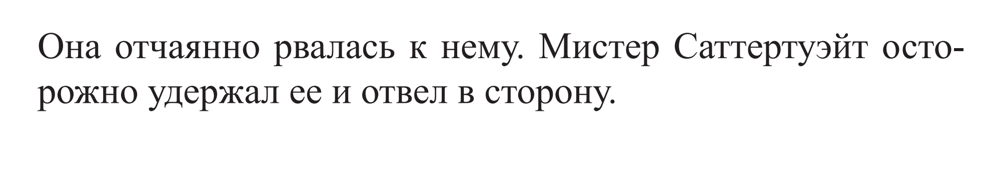
— Ваше здоровье, — буркнул Фредди Дейкерс. Каждый из присутствующих произнес что-то подобающее случаю. В гостиной воцарился дух несколько принужденного оживления. Все старались казаться веселыми и беззаботными. Однако преуспел в этом только один Пуаро. Он непрестанно нес какой-то восторженный вздор.

— Предпочитаю херес коктейлю, а уж о виски и говорить нечего — херес в сто раз лучше. Ah, quel horreur[37], это виски. Если пьешь виски, то вообще теряешь все вкусовые ощущения. То ли дело тонкие французские вина, ни в коем случае нельзя.., нельзя… Ah, qu estce quil y a?..[38]

Разглагольствования Пуаро были прерваны самым неожиданным образом — в тишине гостиной раздался вдруг сдавленный крик. Все взоры устремились на сэра Чарлза — он пошатнулся, лицо у него судорожно подергивалось. Рюмка выпала из рук на ковер, он, как слепой, сделал несколько неверных шагов и упал замертво.

Мгновение все ошеломленно молчали, потом пронзительно вскрикнула Анджела Сатклифф, а Мими бросилась к сэру Чарлзу.

— Чарлз! — кричала она. — Чарлз!

Она отчаянно рвалась к нему. Мистер Саттертуэйт осторожно удержал ее и отвел в сторону.

— Боже мой! — воскликнула леди Мэри. — Неужели еще один!

— Его тоже отравили! — исступленно кричала Анджела Сатклифф. — Это чудовищно! О Боже мой, это чудовищно!

Она рухнула на кушетку, содрогаясь от рыданий и истерического хохота.

Только Пуаро не растерялся. Он опустился на колени перед распростертым телом и принялся его осматривать. Все остальные почтительно толпились в сторонке. Наконец Пуаро поднялся, машинально отряхнул пыль с колен и обвел всех взглядом. В гостиной царило гробовое молчание, нарушаемое лишь сдавленными рыданиями Анджелы Сатклифф.

— Друзья мои, — начал было Пуаро.

— Болван! — набросилась на него Мими. — Шут гороховый! Строит из себя великого сыщика! Как же, он все на свете знает! И вот новое убийство! Все по вашей милости! И прямо у вас под носом! Лучше бы вы не совались! Это вы убили Чарлза! Вы! Вы!

Она осеклась — у нее перехватило горло.

Пуаро печально поник головой.

— Вы правы, мадемуазель. Признаюсь в этом. Да, это я убил сэра Чарлза. Однако я совсем особый убийца. Могу убить — могу воскресить. Превосходно сыграно, сэр Чарлз, — восхищенно произнес Пуаро. — Поздравляю. Не желаете ли выйти на «бис»?

Сэр Чарлз вскочил на ноги и отвесил шутливый поклон.

Мими онемела.

— Мосье Пуаро, вы — чудовище!

— О Чарлз! — воскликнула Анджела Сатклифф. — Вы — сущий дьявол!

— Но зачем?..

— Как?..

— Ради Бога?..

Пуаро поднял руку, и все замолчали.

— Медам и месье, прошу у вас прощения. Этот спектакль был мне необходим, чтобы убедить вас и, между прочим, и себя тоже, в том, к чему я давно уже пришел логическим путем.

Вот смотрите. На этот поднос я поставил рюмку, в которую влил чайную ложку воды. Представьте себе, что это яд, никотин. Эти хрустальные рюмки очень похожи на те, что были у сэра Чарлза и сэра Бартоломью. Вы видите, что немного бесцветной жидкости, налитой в такую рюмку из толстого стекла, совершенно невозможно заметить. Представьте теперь, что это рюмка сэра Бартоломью, стоящая на столе у его прибора. Некто вливает туда никотин. Это мог сделать кто угодно: дворецкий, горничная; наконец, кто-то из гостей мог незаметно проскользнуть в столовую. Вот подают десерт, рюмки наполняют портвейном. Сэр

Бартоломью его выпивает. Дальнейшее вам известно.

Сегодня мы пережили еще одну трагедию — бутафорскую. Я попросил сэра Чарлза сыграть роль жертвы. Он блестяще с нею справился. Представим теперь на мгновение, что это не фарс, что сэр Чарлз и вправду умирает. Что предпримет полиция?

— Господи, ну конечно же исследует содержимое рюмки! — нетерпеливо вскричала мисс Сатклифф.

Она указала на рюмку, выпавшую из рук сэра Чарлза и все еще валявшуюся на полу.

— Правда, вы влили туда воду, — продолжала мисс Сатклифф, — а если бы в ней оказался никотин…

— Допустим, что там никотин, — перебил ее Пуаро. — Вы считаете, что его там обнаружат?

— Конечно.

Пуаро покачал головой.

— Ошибаетесь. Ничего там не найдут.

Все вопросительно уставились на Пуаро.

— Понимаете, это не та рюмка, из которой пил сэр Чарлз.

Смущенно улыбнувшись, Пуаро вытащил рюмку из-под полы фрака.

— Вот его рюмка. Как видите, простой фокус. Дело в том, что внимание человека обычно обращено к какому-либо одному объекту. Чтобы выполнить фокус, надо было отвлечь ваше внимание. Для этого я использовал подходящий психологический момент. Когда сэр Чарлз рухнул замертво, все взоры обратились к нему. Потом все столпились около него, и никто, ни один из вас, не обращал внимания на Эркюля Пуаро. Тут-то я и подменил рюмки. Итак, я подтвердил свою точку зрения. Такая же минута замешательства была и в «Вороновом гнезде», и в Мелфорт Эбби. И точно так же ничего не было обнаружено ни в стакане с коктейлем, ни в рюмке, из которой пил портвейн сэр Бартоломью.

— Кто же их подменил? — вскричала Мими.

— Это нам еще предстоит выяснить, — ответил Пуаро, глядя ей прямо в глаза.

— А вы разве не знаете?

Пуаро пожал плечами.

Растерянные гости стали расходиться. Прощание получилось довольно холодным. У всех было такое чувство, будто их здорово одурачили.

Решительным жестом Пуаро задержал их.

— Минутку, прошу вас. Я должен еще кое-что вам сказать. Сегодня, как вы понимаете, мы разыграли пьесу в комическом жанре. Но ее можно сыграть и всерьез, и тогда она превратится в трагедию. Обстоятельства могут сложиться так, что убийца нанесет третий удар. Я обращаюсь ко всем, кто здесь присутствует. Если кто-то из вас знает что-либо связанное с преступлением, заклинаю вас — говорите! Говорите сейчас! Утаивать что-то теперь чрезвычайно опасно, ибо платой за это молчание может стать чья-то жизнь. Поэтому снова и снова умоляю вас: если кто-то что-то знает, говорите!

Этот призыв, как показалось сэру Чарлзу, был обращен главным образом к мисс Уиллс. Однако он не возымел действия. Никто не проронил ни слова.

Пуаро вздохнул, опустил руку.

— Пусть будет так. Я вас предупредил. От меня больше ничего не зависит. Помните, вам всем грозит опасность!

Увы! Ответом снова было молчание. Гости ушли с ощущением некоторой неловкости. Мими, сэр Чарлз и мистер Саттертуэйт остались. Мими все еще не простила Пуаро Она сидела не шевелясь, но щеки ее пылали, а глаза метали молнии. На сэра Чарлза она тоже старалась не смотреть.

— Как талантливо вы все это проделали, Пуаро! — восхищенно сказал сэр Чарлз.

— Поразительно! — засмеялся мистер Саттертуэйт. — Ловко вы подменили рюмку! Как я мог не заметить! Просто не верится!

— Вот почему я никого не посвятил в свои планы.

Ради чистоты эксперимента.

— Стало быть, вы хотели убедиться, что можно незаметно подменить рюмки? Это ваша единственная цель?

— Нет, пожалуй, не единственная.

— Да?

— Я хотел посмотреть, какое выражение будет на лице у одного из гостей, когда сэр Чарлз упадет замертво.

— У кого? — быстро спрайта Мими.

— О, это секрет.

— И вы наблюдали за лицом этого человека? — спросил мистер Саттертуэйт.

— Да.

— И что же?

Пуаро молча покачал головой.

— Скажите хоть, что вы заметили?

— Величайшее удивление — вот что было на этом лице, — задумчиво проговорил Пуаро. У Мими захватило дух.

— Значит, вы знаете убийцу?

— Пожалуй, что так, мадемуазель.

— Значит.., значит, вы знаете.., все?

Пуаро развел руками.

— Нет, в том-то и дело, что не все. Понимаете, я не знаю, почему был убит Стивен Беббингтон. Пока я этого не узнаю, я ничего не могу доказать. Почему убили Беббингтона — вокруг этого все и вертится.

В дверь постучали, и вошел мальчик-рассыльный с телеграммой на подносе.

Пуаро вскрыл конверт. Лицо у него изменилось. Он протянул телеграмму сэру Чарлзу. Заглянув ему через плечо, Мими прочла вслух:

— «Немедленно приезжайте хочу сообщить важные сведения касательно смерти Бартоломью Стренджа Маргарет Рашбриджер».

— Миссис де Рашбриджер! — воскликнул сэр Чарлз. — Значит, мы правы. Она связана с этим делом.

Глава 12

Поездка в Джиллинг

Тотчас же все разом заговорили, заспорили. Но в главном согласились — ехать надо немедленно, и лучше не на ав-

томобиле, а первым же утренним поездом.

— Ну, наконец, — с облегчением вздохнул сэр Чарлз, — может, хоть что-то прояснится.

— Что, как вы думаете? — спросила Мими.

— Не представляю. Но, вероятно, какой-то свет прольется на дело Беббингтона. Ведь Толли наверняка собрал у себя всех, кто так или иначе мог иметь отношение к этому делу — я в этом убежден, — а сюрприз, который он собирался им преподнести, вероятно, был как-то связан с миссис де Рашбриджер. По-моему, логичное предположение. Вы согласны, мосье Пуаро?

Однако Пуаро покачал головой, и вид у него при этом был довольно растерянный.

— Эта телеграмма все усложняет, — прошептал он. — Надо торопиться, очень торопиться.

Мистер Саттертуэйт не видел необходимости в особой спешке, но тем не менее с готовностью согласился:

— Конечно, мы отправимся первым же поездом. Но вот надо ли ехать нам всем вместе?

— Мы с сэром Чарлзом уже условились ехать в Джиллинг, — сказала Мими.

— Эту поездку можно и отложить, — заметил сэр Чарлз.

— А я считаю, что ничего не надо откладывать, — возразила Мими. — Совсем не обязательно всем четверым ехать в Йоркшир. Это просто глупо. Зачем столько народу? Мосье Пуаро и мистер Саттертуэйт поедут в Йоркшир, а мы с сэром Чарлзом в Джиллинг.

— Мне бы самому хотелось узнать, что там у этой миссис де Рашбриджер, — неуверенно начал сэр Чарлз. — Мне.., я.., э-э.., ведь уже разговаривал со старшей сестрой.., то есть как-то ввязался в это дело…

— Именно поэтому лучше вам держаться подальше, — сказала Мими. — Вы там наплели с три короба, а теперь эта самая де Рашбриджер пришла в себя и выведет вас на чистую воду. Гораздо важнее сейчас ехать в Джиллинг. Матушка мисс Милрей доверится вам скорее, чем кому-либо. Ведь ее дочь служит у вас.

Мими говорила с такой горячностью, так убежденно.

Сэр Чарлз взглянул ей в лицо.

— Еду в Джиллинг, — сказал он. — Пожалуй, вы правы.

— Конечно, права, — обрадовалась она.

— На мой взгляд, это превосходное решение, — живо отозвался Пуаро. — Как совершенно справедливо заметила мадемуазель, лучше сэра Чарлза никто не сможет поговорить с миссис Милрей. Как знать, а вдруг она сообщит вам даже более важные сведения, чем те, что мы надеемся получить в Йоркшире.

На том и порешили, и утром следующего дня, в четверть десятого, сэр Чарлз заехал за Мими на своем автомобиле. Пуаро и мистер Саттертуэйт уже отбыли из Лондона поездом.

Утро стояло прекрасное, в прозрачном воздухе чувствовалась бодрящая прохлада.

Сэр Чарлз, миновав Темзу, уверенно вел автомобиль на юг кратчайшим путем, выбирая какие-то только ему ведомые улицы и переулки, то и дело петляя и поворачивая, и Мими чувствовала, как радость наполняет ее.

Вот они уже на бешеной скорости мчатся по Фолкстонскому шоссе. Проехав Мейдстон, сэр Чарлз сверился с картой, и, немного поплутав по проселочным дорогам, они оказались у цели. Часы показывали без четверти двенадцать.

Джиллинг, маленький, Богом забытый городишко, весь утопал в зелени. Здесь была старинная церковь, домик викария, две-три лавки, ряд коттеджей и несколько муниципальных домов.

Миссис Милрей жила в крошечном коттедже неподалеку от церкви, окруженной цветущей лужайкой.

— Миссис Милрей знает о нашей поездке? — спросила Мими, когда они подъезжали к дому.

— О да. Она написала матери, чтобы ее подготовить.

— Не знаю, право, удобно ли это?

— Что вас смущает, дитя мое?

— Сама не знаю. Может быть, стоило взять с собой мисс Милрей.

— Честно говоря, я боялся, что при ней я не смогу быть самим собой. Она такая самоуверенная. Начнет сразу мной руководить.

Мими улыбнулась.

Миссис Милрей до смешного не походила на дочь. Мисс Милрей была угловатая, а миссис Милрей — кругленькая и полная, как пышка; мисс Милрей отличалась железным характером, а миссис Милрей — кротостью. Прикованная к креслу тяжелой болезнью, она все дни проводила у окна, глядя на улицу.

Гостям миссис Милрей обрадовалась.

— Как мило, что вы меня навестили, сэр Чарлз. Я так много о вас слышала от Вайолет. Вайолет![39] До чего же это имя не шло к мисс Милрей.

— Вы даже не представляете, — продолжала миссис Милрей, — как она восхищается вами. Ей так интересно работать у вас. Отчего вы не садитесь, мисс Литтон Гор? Надеюсь, вы извините меня. Ноги отказали мне уже много лет назад. На то воля Божья, я и не ропщу, ко всему можно привыкнуть, всегда говорю я. Может быть, хотите подкрепиться с дороги?

И хотя ни сэр Чарлз, ни Мими не выразили желания подкрепиться, миссис Милрей это не остановило. Она на восточный манер хлопнула в ладоши, и тотчас был подан чай и печенье.

Прихлебывая чай и откусывая печенье, сэр Чарлз завел разговор о том, ради чего они приехали.

— Думаю, вы слышали, миссис Милрей, о трагической смерти мистера Беббингтона, который раньше служил тут викарием?

Пышка энергично закивала головой в знак согласия.

— Да, конечно. Я читала в газетах об эксгумации. Неужели кто-то мог его отравить? Просто не могу себе этого представить. Такой чудесный человек, его здесь все любили..,

и ее тоже, и их мальчиков.

— Действительно, загадочная история, — сказал сэр Чарлз. — Мы все просто в отчаянии. Вот и подумали, что, возможно, вы хоть что-то проясните в этом таинственном деле.

— Я? Но ведь я не видела Беббингтонов уже.., позвольте.., уже, должно быть, больше пятнадцати лет — Знаю, но, может быть, именно в далеком прошлом и произошло нечто такое, за что он поплатился жизнью?

— Нет, убеждена, ничего такого не было. Они жили тихо и мирно.., очень небогато, ведь у них было трое детей.

Миссис Милрей охотно предалась воспоминаниям, но — увы! — в них не оказалось ничего, что способно было бы хоть чуть-чуть приподнять завесу тайны.

Сэр Чарлз показал ей увеличенные фотографические снимки Дейкерсов, фотографию с давнишнего портрета Анджелы Сатклифф и вырезку из газеты с довольно нечетким изображением мисс Уиллс. Миссис Милрей с большим интересом их рассмотрела, но никого не узнала.

— Нет, никого из них не помню. Конечно, ведь прошло столько времени. У нас тут местечко небольшое. Приезжих мало. Да и уезжают немногие. Вот, правда, девочки Агнью, дочери старого доктора, замуж повыходили и уехали отсюда, а теперешний доктор — он холост — взял себе молоденькую помощницу. Еще старые мисс Колли — они в церкви сидели на почетном месте — так вот они все поумирали.., давно уже, много лет назад. Были Ричардсоны — он умер, а она уехала в Уэльс. Ну и, конечно, разная мелкая сошка… Но вообще здесь мало что меняется. Думаю, Вайолет могла бы вам рассказать больше, чем я. Она совсем еще юной девушкой часто бывала в доме у викария.

Сэр Чарлз попытался представить себе мисс Милрей «совсем еще юной девушкой» — ничего не вышло.

Фамилия де Рашбриджер, о которой сэр Чарлз спросил старую леди, не пробудила в ее памяти никаких воспоминаний.

На том они и простились с миссис Милрей.

Затем наскоро перекусили в лавке у булочника. Сэр Чарлз не прочь был бы направиться в какое-нибудь более «приличное» место, но Мими заявила, что лучше остаться здесь и постараться разузнать, какие слухи ходят среди местных

жителей.

— Ничего, на этот раз сойдут и вареные яйца с ячменными лепешками, — сурово сказала она. — И вообще, стоит ли так беспокоиться о еде.

— Вареные яйца всегда нагоняли на меня тоску, — кротко возразил сэр Чарлз.

Женщина, которая им подавала, оказалась весьма словоохотливой. Она тоже прочла в газетах об эксгумации, и ее потрясло, что речь шла об их «старом викарии».

— Я тогда была совсем девчонкой, но хорошо его помню, — вздохнула она.

Однако больше ничего добавить не могла.

После ленча они пошли в церковь и просмотрели книгу регистрации рождений, браков и смертей. Но и тут не оказалось ничего, что могло бы обнадежить или хотя бы навести на размышления.

Выйдя из церкви на кладбище, они помедлили. Мими при-

нялась читать имена на надгробиях.

— Ну и забавные фамилии встречаются, — сказала она. — Смотрите, вот тут целое семейство Шиллингов, а вот Мэри Энн Бонжур.

— И впрямь смешные! Но и моя не лучше, — вздохнул сэр Чарлз.

— Картрайт? Не вижу ничего смешного.

— Да нет. Картрайт — моя сценическая фамилия, потом я ее узаконил.

— А какая настоящая?

— Не скажу. Это страшная тайна.

— Неужели так ужасно?

— Не ужасно, а смешно.

— О! Скажите!

— Нет! — отрезал сэр Чарлз.

— Ну, пожалуйста!

— Нет!

— Ну почему?

— Вы будете смеяться.

— Не буду.

— Будете — удержаться невозможно.

— Ну, пожалуйста, скажите. Пожалуйста! Ну, пожалуйста, пожалуйста.

— Вы несносно упрямы, Мими. Зачем вам?

— А почему вы не говорите?

— Вы как дитя, Мими. Прелестное дитя, — растроганно сказал сэр Чарлз.

— Нет, я не дитя.

— Разве?

— Ну скажите, — нежно прошептала Мими. Сэр Чарлз грустно улыбнулся.

— Ладно, так и быть. Моя фамилия Бидон.

— Нет, правда?

— Клянусь!

— Хм! В самом деле ужасно. Всю жизнь называться бидоном!

— Да, в театре с таким именем карьеры не сделаешь. Пом-

ню, в молодости я носился с мыслью назваться Людовиком Кастильони. Но в конце концов остановился на английском имени — Чарлз Картрайт.

— Но Чарлз ваше настоящее имя?

— Да, уж хоть об этом-то мои крестные родители позаботились. — И, немного поколебавшись, добавил:

— Мими, а если я попрошу вас забыть об этом «сэр»? Называйте меня просто Чарлз.

— Пожалуй.

— Ведь вчера вы же назвали меня Чарлз. Когда.., когда.., думали, что я умер.

— А-а, тогда… — сказала Мими, стараясь придать своему голосу беззаботность.

Сэр Чарлз помолчал, потом вдруг решительно заговорил:

— Послушайте, Мими, так или иначе, а дело, которым мы

занимаемся, утратило свое первоначальное содержание, во всяком случае, для меня. Сегодня я особенно это чувствую. Мне кажется, в моей судьбе оно обрело какой-то новый мистический смысл. Надо его распутать, прежде.., прежде чем я примусь за другое. Я даже стал суеверным. Если нам здесь повезет, стало быть, мне и.., в другом повезет. О, Господи! Зачем ходить вокруг да около? Я так часто играл любовь на сцене.., а в жизни, оказывается, совсем ничего не умею… Мими, скажите прямо: я или Мендерс? Мне надо знать. Вчера мне показалось, что я.

— Вы не ошиблись.

— Мими! Мой ангел!

— Чарлз! Чарлз! Нельзя же целоваться на кладбище!

— Можно!

— Так ничего и не узнали, — сокрушенно вздыхала Мими позже, когда они мчались назад, в Лондон.

— Вздор, мы узнали нечто гораздо более важное. Почему

я должен думать о каких-то пасторах, о каких-то докторах? Вы, и только вы, занимаете все мои мысли. Моя дорогая, известно ли вам, что я на тридцать лет старше вас? Это не помешает? Вы уверены?

Мими нежно сжала его руку.

— Не говорите чепухи. Интересно, а они что-нибудь разузнали?

— Может быть, и разузнали. Ну и пусть… — Сэр Чарлз стал вдруг необыкновенно великодушен.

— Чарлз, но вы же привыкли во всем быть первым.

Но сэр Чарлз уже расстался с ролью великого сыщика.

— Да, то было прежде. А теперь пусть Усатый играет первую скрипку. Это его хлеб.

— Он и вправду знает, кто убийца? Как вы думаете? Он ведь сам сказал, что знает.

— Скорее всего и понятия не имеет. Просто не хотел ударить в грязь лицом.

Мими молчала. Сэр Чарлз спросил:

— О чем вы думаете, дорогая?

— О мисс Милрей. Она была такая странная в тот вечер. Помните, я вам рассказывала. Она тоже купила газету, где сообщалось об эксгумации, и почему-то все время твердила, что не знает, как поступить.

— Вздор, — весело сказал сэр Чарлз. — Эта женщина всегда знает, как поступить.

— Чарлз, я серьезно! Говорю вам, она была не на шутку встревожена.

— Мими, моя дорогая, ну какое мне дело до мисс Милрей с ее тревогами. Мне ни до кого нет дела, кроме нас с вами.

— И до трамваев тоже? Не хочу стать вдовой, я еще и женой стать не успела!

Они вернулись домой к сэру Чарлзу как раз к чаю. Навстречу вышла мисс Милрей.

— Вам телеграмма, сэр Чарлз.

— Благодарю, мисс Милрей. — Он открыто, по-мальчишески, улыбнулся. — Послушайте, я должен сообщить вам новость. Мы с мисс Литон Гор решили пожениться.

Наступило минутное молчание.

— О! Уверена.., уверена, вы будете очень счастливы! — проговорила мисс Милрей.

В ее голосе прозвучала какая-то странная нотка.

Мими это заметила, но даже не успела осознать свои впечатления. Сэр Чарлз резко к ней повернулся.

— Господи! Мими, посмотрите. Это от Саттертуэйта, — вскричал он, подавая ей телеграмму.

Мими прочла, и глаза у нее округлились.

Глава 13

Миссис де Рашбриджер

Прежде чем отправиться в путь, Эркюль Пуаро и мистер Саттертуэйт повидались с мисс Линден, секретарем покойного сэра Бартоломью Стренджа. Мисс Линден горела желанием помочь им, но, к сожалению, ничего существенного рассказать не смогла. Миссис де Рашбриджер упоминалась в журнале для записи пациентов. И говорил о ней сэр Бартоломью только как о своей больной.

В санаторий они прибыли около полудня. Им открыла взволнованная, с пылающими щеками, горничная. Для начала мистер Саттертуэйт попросил вызвать старшую сестру.

— Не знаю, сможет ли она к вам выйти, — с сомнением сказала девушка.

Мистер Саттертуэйт достал визитную карточку и черкнул на ней несколько слов.

— Пожалуйста, передайте ей.

Их провели в небольшую приемную. Минут через пять дверь отворилась и вошла старшая сестра. Она казалась совсем не такой оживленно-деловитой, как тогда, в первый их визит.

Мистер Саттертуэйт поднялся.

— Надеюсь, вы меня помните, — сказал он. — Мы с сэром Чарлзом Картрайтом приходили к вам вскоре после кончины сэра Бартоломью Стренджа.

— Да, конечно, мистер Саттертуэйт, конечно, помню. Сэр Чарлз еще расспрашивал меня о несчастной миссис де Рашбрижер, подумать только, какое совпадение.

— Позвольте вам представить мосье Эркюля Пуаро.

Пуаро поклонился, и старшая сестра, продолжая говорить, рассеянно кивнула в ответ.

— Не понимаю, вы тут упомянули о телеграмме… Не понимаю, как вы могли ее получить. Какая-то таинственная история. Однако со смертью доктора она, вероятно, не связана? Наверное, это какой-то сумасшедший — только так, по-моему, можно все это объяснить. Кругом полицейские… Просто ужасно.

— Полицейские? — удивился мистер Саттертуэйт.

— Да, они тут с десяти утра.

— Полицейские? — переспросил Эркюль Пуаро.

— Может быть, мы могли бы теперь повидать миссис де Рашбриджер, — начал мистер Саттертуэйт. — Она нас просила приехать.

Старшая сестра его перебила:

— О, мистер Саттертуэйт, значит, вы ничего не знаете?

— Чего? Чего он не знает? — нетерпеливо спросил Пуаро.

— Несчастная миссис де Рашбриджер! Она скончалась.

— Скончалась! — вскричал Пуаро. — Mille tonnerres![40] Теперь понятно… Понятно. Я должен был предвидеть… — Он осекся. — Как она скончалась?

— Очень загадочно. Ей прислали по почте коробку шоколада — конфеты с ликером. Она взяла одну в рот, — вкус, наверное, был отвратительный, — но она ее проглотила — просто машинально, не успела выплюнуть.

— Oui, oui[41], это же трудно, если жидкость уже попала в горло.

— Ну вот, она проглотила и стала звать на помощь. Прибежала сиделка, но мы ничего не могли сделать. Через две минуты она скончалась. Потом доктор послал за полицией, они пришли, проверили конфеты. Весь верхний слой оказался отравлен, а нижний — нет.

— Каким ядом?

— Полицейские считают, что это никотин.

— А, — сказал Пуаро. — Снова никотин. Какой удар! Какой дерзкий ход!

— Мы опоздали, — сказал мистер Саттертуэйт. — И никогда не узнаем, что она хотела нам сказать. Может быть.., может быть, она кому-нибудь доверилась? — Он выжидательно смотрел на старшую сестру.

Пуаро покачал головой.

— Никому она не доверилась. Вот увидите.

— Можно попробовать разузнать, — предложил мистер Саттертуэйт. — Расспросить сиделок.

— Конечно, попробуем, — согласился Пуаро, но вид у него при этом был совершенно безнадежный.

Старшая сестра тотчас распорядилась позвать двух сиделок — дневную и ночную, — которые ходили за миссис де

Рашбриджер, но ни одна из них не добавила ничего нового к тому, что им уже было известно. Миссис де Рашбриджер никогда ни словом не упоминала о смерти сэра Бартоломью, а о том, что она отправила телеграмму, сиделки и не подозревали.

Пуаро попросил, чтобы их провели в комнату умершей. Там распоряжался старший инспектор Кроссфилд, и мистер Саттертуэйт представил его Пуаро.

Потом они подошли к постели и постояли, глядя на покойную. Это была женщина лет сорока с темными волосами и бледным лицом, хранившим следы предсмертных страданий.

— Несчастная, — тихо сказал мистер Саттертуэйт и взглянул на Пуаро.

Выражение его лица потрясло мистера Саттертуэйта — у него даже мурашки по спине пошли.

— Кто-то знал, что она собирается встретиться с нами, и убил ее, — сказал он. — Убил, чтобы она не могла рассказать…

Пуаро кивнул.

— Да, наверное.

— Чтобы она не сказала нам того, что знала.

— Или того, чего не знала… Но не будем терять времени. Нам еще многое предстоит сделать. Больше жертв быть не должно. Мы обязаны об этом позаботиться.

Мистер Саттертуэйт не мог удержаться от вопроса:

— Вы говорили, что знаете, кто убийца. А то, что здесь произошло, не противоречит вашей версии?

— Отнюдь. Однако убийца гораздо опаснее, чем я предполагал. Теперь я это понял. Мы должны быть очень осторожны.

Они рассказали о телеграмме старшему инспектору Кроссфилду, который пошел их проводить. Оказалось, что она была отправлена из Мелфортского почтового отделения. Ее принес какой-то мальчишка. Молодая телеграфистка хорошо это запомнила, потому что телеграмма очень ее

взволновала — в ней упоминалось о смерти сэра Бартоломью Стренджа.

Пообедав со старшим инспектором Кроссфилдом, мосье Пуаро и мистер Саттертуэйт снова приступили к расследованию.

К шести часам вечера они отыскали мальчика, который принес телеграмму на почту. Телеграмму ему дал какой-то нищий. «А этому нищему, — бойко тараторил мальчик, — ее дала „чокнутая“ леди из дома, что стоит в парке. Завернула в телеграмму две монеты по полкроны и бросила из окна». Нищий говорит: «Дело тут темное, не хочу в него путаться», дает мне полкроны, сдачу, говорит, возьми себе, а сам сматывается.

Решили, что надо попытаться найти нищего, а пока им здесь больше нечего было делать, и они отправились в Лондон. Домой приехали около полуночи. Сэр Чарлз их ждал. Мими он отправил к леди Мэри.

Друзья решили обсудить положение.

— Mes amis[42], — сказал Пуаро, — послушайте меня. Есть только один способ распутать это дело — заставить работать серые клеточки. Носиться по Англии туда-сюда,

без конца всех опрашивать — бессмысленно, это дилетантство. Истину можно установить только путем логических умозаключений.

Сэр Чарлз, кажется, был в этом не слишком уверен.

— И что же вы намерены делать?

— Намерен думать. Дайте мне на это двадцать четыре часа.

Сэр Чарлз, чуть улыбаясь, покачал головой.

— И таким путем вы надеетесь узнать, что сообщила бы нам миссис де Рашбриджер, будь она жива?

— Именно.

— Едва ли это возможно. Однако, мосье Пуаро, поступайте как знаете. Сам я не в силах разгадать эту тайну. Сдаюсь и признаю свое поражение. Впрочем, у меня теперь совсем иное на уме.

Возможно, сэр Чарлз надеялся, что его начнут расспрашивать, но его ожидания не оправдались. Правда, мистер Саттертуэйт заметно оживился, но Пуаро, казалось, целиком ушел в свои мысли.

— Ну, мне пора, — вздохнул сэр Чарлз. — Ах, да вот еще что. Я тревожусь о мисс Уиллс.

— Почему?

— Она уехала.

Пуаро удивленно на него уставился.

— Уехала? Куда?

— Никто не знает. Получив вашу телеграмму, я еще раз все обдумал. Я ведь вам говорил, мисс Уиллс что-то скрывает от нас, я был уверен в этом и решил в последний раз попытаться выведать у нее всю правду. Приехал к ней около половины десятого. Оказалось, что она еще утром уехала в Лондон, обещала к вечеру вернуться, а потом от нее принесли телеграмму, где она сообщает, что на день-другой задерживается и просит не беспокоиться.

— А есть основания беспокоиться?

— Пожалуй. Понимаете, она ничего с собой не взяла.

— Странно, — тихо сказал Пуаро.

— Да. Кажется, будто… Не знаю. Мне как-то не по себе.

— Я же ее предупреждал, — буркнул Пуаро. — Всех предупреждал. Помните, как я тогда всех просил: «Говорите! Говорите, пока не поздно!»

— Да, да. Вы думаете, она тоже?..

— Есть у меня кое-какие соображения, — ответил Пуаро. — Но пока я предпочел бы их не обсуждать.

— Сначала дворецкий Эллис, теперь мисс Уиллс. Где же все-таки Эллис? Не верится, что полиция до сих пор не напала на его след.

— Они ищут тело не там, где надо, — сказал Пуаро.

— Тело? Стало быть, вы согласны с Мими? Думаете, он мертв?

— Во всяком случае, живым мы его не увидим.

— Боже мой! — вырвалось у сэра Чарлза. — Какой-то кошмар! Ничего не понятно.

— Напротив, все понятно и логично.

Сэр Чарлз пристально посмотрел на него.

— Как? Вы шутите?

— Отнюдь. Это подсказывает мне моя железная логика.

Самоуверенность Пуаро явно задела сэра Чарлза.

— Не понимаю, — бросил он. — Выходит, я не умею мыслить логически.

Мистер Саттертуэйт тоже с удивлением смотрел на сыщика.

— Вы мыслите как актер, сэр Чарлз, — творчески, оригинально, невольно привнося в жизнь драматический эффект. Мистер Саттертуэйт заядлый театрал, он и мыслит как зритель, который наблюдает действие на сцене, игру характеров, чутко воспринимает атмосферу. А я.., у меня трезвый ум. Я вижу только голые факты, ни тебе романтического флера, ни огней рампы.

— Ну что ж, в таком случае оставляем вас наедине с вашими мыслями.

— Да. На двадцать четыре часа. Об этом я и хотел вас просить.

— Тогда желаем удачи. Покойной ночи.

Когда они вышли, сэр Чарлз раздраженно бросил:

— Этот тип слишком уж возомнил о себе.

Мистер Саттертуэйт улыбнулся. Главная роль! В этом все дело.

— Сэр Чарлз, вы только что сказали: «У меня теперь совсем иное на уме». Что вы имели в виду?

На лице актера появилось застенчиво-глуповатое выражение, столь хорошо знакомое мистеру Саттертуэйту. Сколько раз он ловил его на лицах счастливых влюбленных во время свадебных церемоний на Ганновер-сквер!

— Видите ли, мой друг, дело в том, что я.., э-э.., ну Мими и я…

— Рад слышать! Примите мои поздравления.

— Конечно, я слишком стар для нее.

— По-моему, она так не считает. А ей лучше знать.

— Вы слишком добры ко мне, старина. Знаете, я ведь вбил себе в голову, что она влюблена в Мендерса.

— Бог с вами, Картрайт. С чего это вы взяли? — искренне удивился мистер Саттертуэйт.

— Не важно, — решительно заключил сэр Чарлз. — Главное, что это не так…

Глава 14

Мисс Милрей

Пуаро не удалось провести в раздумье двадцать четыре часа, которые он себе выговорил.

На другое утро в двадцать минут двенадцатого к нему вдруг явилась Мими. К своему удивлению, она застала великого сыщика за возведением карточных домиков. На ее лице столь живо выразилось презрение, что Пуаро был вынужден оправдываться.

— Не подумайте, мадемуазель, что я на старости впал в детство. Нет. Просто мой мозг работает лучше всего, ког-

да я строю карточные домики. Это моя старая привычка. Сегодня утром я первым делом купил колоду карт. К сожалению, они оказались не настоящие. Но ничего, такие тоже сойдут.

Мими подошла к столу и пригляделась к сооружению.

— Господи! Вы же купили «Счастливые семьи»[43]! — засмеялась она.

— Что значит «Счастливые семьи»?

— Это игра. Детская игра.

— Ну ничего, мне и такие годятся.

Мими взяла со стола несколько карт и принялась с нежностью их перебирать.

— Мисс Булочка — дочь пекаря. Как она мне всегда нравилась. А вот миссис Бидон, жена разносчика молока. О, Боже, Бидон! Да ведь это я.

— Почему? Что общего у вас с этой смешной картинкой?

— Как что? Фамилия.

У Пуаро было такое растерянное лицо, что Мими засмеялась и все ему рассказала.

— А, так вот о чем говорил вчера сэр Чарлз. А я недоумевал… Бидон… Само собой, вы поменяете фамилию. Не захотите же вы, чтобы вас называли леди Бидон, а?

Мими снова рассмеялась.

— Да уж. Пожелайте мне счастья.

— Я искренне хочу, чтобы вы были счастливы, мадемуазель. И не только пока вы молоды. Я хочу, чтобы счастье сопутствовало вам всегда, чтобы оно было построено не на песке, а на скале.

— Хорошо, я скажу Чарлзу, что вы назвали его скалой, — улыбнулась Мими. — А теперь о том, зачем я к вам пришла. Мне не дает покоя та вырезка из газеты, которую Оливер выронил из бумажника. Помните? Ее еще мисс Уиллс под-

няла и отдала ему. Так вот: или Оливер лжет — не может он не помнить, как эта вырезка к нему попала! — или у него ее вообще не было. Он выронил какую-то бумажку, а мисс Уиллс подсунула вместо нее вырезку о никотине.

— Зачем ей это понадобилось, мадемуазель?

— Она хотела избавиться от этой вырезки. Вот и подсунула ее Оливеру.

— Вы думаете, это она убийца?

— Да.

— А какие у нее мотивы?

— Нашли у кого спрашивать! Может быть, она сумасшедшая — это единственное, что мне приходит в голову. У талантливых людей довольно часто бывают психические отклонения. Другой причины не вижу. Право, не знаю, какие еще могут быть мотивы.

— Действительно, какой-то impasse[44]. Впрочем, что это я вас спрашиваю о мотивах. Ведь я без конца задаю этот

вопрос себе. Почему убили мистера Беббингтона? Как только я смогу ответить на этот вопрос, дело будет закончено.

— И все-таки, может быть, это сумасшедший?

— Нет, мадемуазель, не сумасшедший в общепринятых смысле этого слова. У него была причина. Ее-то я и должен установить.

— Ну что ж, прощайте. Жаль, что потревожила вас, но эта мысль не шла у меня из головы… А теперь мне надо спешить. Мы с Чарлзом идем на генеральную репетицию «Собачки». Вы слышали об этой пьесе? Ее написала мисс Уиллс для Анджелы Сатклифф. Называется «Собачка смеется». Завтра премьера.

— Mon Dieu![45] — вскричал Пуаро.

— Что с вами? Что-нибудь случилось?

— Да. И впрямь случилось. Мысль! Блестящая мысль! О, как слеп я был.., как слеп…

Мими смотрела на него широко открыв глаза. Спохватившись, Пуаро взял себя в руки.

— Вы, наверное, думаете, что я спятил? Отнюдь! — сказал он. — Я прекрасно слышал, что вы сказали. Вы идете смотреть «Собачка смеется», играет мисс Сатклифф. Идите и не обращайте на меня внимания.

Мими ушла немного озадаченная. Оставшись один, Пуаро принялся шагать из угла в угол, что-то бормоча себе под нос. Глаза у него стали зелеными, как у кошки.

— Mais oui[46], это все объясняет. Любопытный мотив.., очень любопытный… Ни с чем подобным я до сих пор не сталкивался, однако в этом есть здравый смысл, а в тех обстоятельствах было вполне естественно действовать подобным образом. Все равно очень необычное дело.

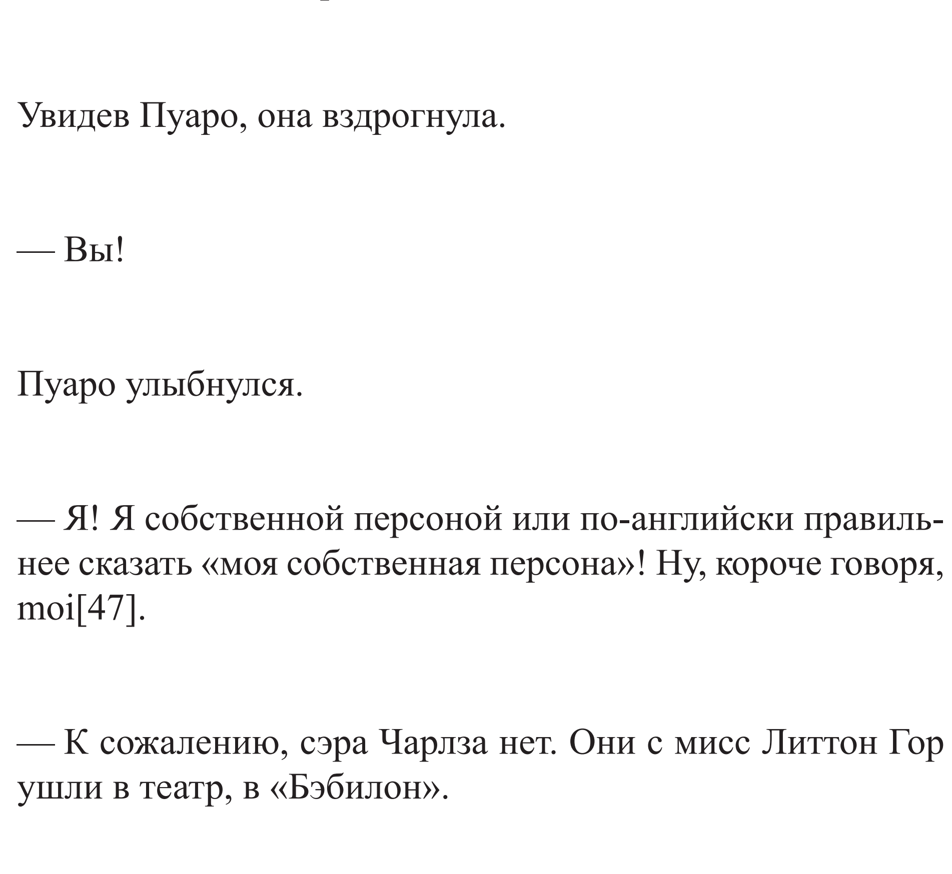
Проходя мимо стола, где все еще стоял карточный домик, Пуаро смахнул его.

— «Счастливые семьи»! Они мне больше не нужны, — сказал он. — Задача решена. Теперь надо действовать.

Он схватил шляпу, надел пальто и спустился вниз. Швей-

цар вызвал ему такси. Пуаро дал адрес сэра Чарлза.

Подъехав к дому, он расплатился с шофером и вошел в холл. Лифтера не оказалось на месте, и Пуаро стал подниматься по лестнице. Едва он достиг третьего этажа, где располагалась квартира сэра Чарлза, как дверь отворилась и вышла мисс Милрей.

Увидев Пуаро, она вздрогнула.

— Вы!

Пуаро улыбнулся.

— Я! Я собственной персоной или по-английски правильнее сказать «моя собственная персона»! Ну, короче говоря, moi[47].

— К сожалению, сэра Чарлза нет. Они с мисс Литтон Гор ушли в театр, в «Бэбилон».

— Мне он, собственно, и не нужен. Я пришел за своей тростью. По-моему, на днях я забыл ее здесь.

— А-а, понятно. Ну что ж, Тампл вам ее найдет. Прошу прощения, но мне надо бежать. Хочу успеть на поезд. Еду к матушке в Кент.

— Не смею задерживать, мадемуазель.

Он галантно отступил, и мисс Милрей заспешила вниз по лестнице. В руках у нее был маленький чемоданчик.

Стоило ей исчезнуть из виду, как Пуаро будто и забыл, зачем пришел. Вместо того чтобы позвонить в дверь, он повернул назад и торопливо пошел следом за мисс Милрей. Подойдя к парадной двери, он увидел, как она садится в автомобиль. Вдоль обочины тротуара медленно двигалось другое такси. Пуаро, подняв руку, остановил его и велел ехать следом за первой машиной.

Он нисколько не удивился, увидев, как автомобиль мисс Милрей направляется к Паддингтонскому вокзалу, хотя всякому понятно, что в Кент оттуда никак не попадешь. Пуаро пошел в кассу и взял билет до Лумаута. Поезд отправлялся через пять минут. Подняв воротник и поплотнее закутавшись в пальто — день был холодный. — он уютно устроился в уголке вагона первого класса.

В Лумаут поезд прибыл около пяти. Уже темнело. Держась немного поодаль, Пуаро услышал, как носильщик дружески здоровается с мисс Милрей:

— Это вы, мисс? А мы вас не ждали. Разве сэр Чарлз приезжает?

— Нет, да и я ненадолго, — отвечала мисс Милрей. — Завтра утром мне надо вернуться. Приехала кое-что отсюда взять. Нет, благодарю, кеб не нужен. Пойду пешком, по рыбачьей тропинке.

Темнота сгущалась. Мисс Милрей торопливо шла по крутой извилистой тропе. За ней неслышно, как кошка, крался Пуаро.

Подойдя к «Воронову гнезду», она вынула из сумочки ключ, открыла дверь черного хода и вошла в дом. Дверь она за собой не затворила. Очень скоро она вышла. В руках у нее был ржавый ключ и электрический фонарь. Пуаро спешно спрятался за куст.

Мисс Милрей обошла дом и стала подниматься по заросшей тропинке. Пуаро следовал за ней. Она все шла и шла, и вот вдруг из тьмы выступили очертания старой каменной башни, каких немало здесь, на побережье. Башня была не-

высокая, полуразвалившаяся. Однако на окне висела занавеска. Мисс Милрей вставила ключ в скважину массивной деревянной двери.

Лязгнул замок, и дверь со скрипом отворилась. Мисс Милрей вошла, светя себе фонариком.

Пуаро торопливо прокрался следом за ней. В слабом свете фонарика он различил стеклянные реторты, бунзеновскую горелку, какие-то приборы.

Мисс Милрей стояла с ломом в руках. Вот она его подняла и занесла над приборами… Пуаро стремительно подскочил к ней и схватил за руку.

Она вскрикнула и обернулась.

Ее взгляд встретился с зелеными как у кошки, глазами Пуаро.

— А вот этого делать нельзя, мадемуазель. Вы же понимаете, что это улики.

Глава 15

Занавес падает

Эрктоль Пуаро утопал в глубоком кресле. Бра были выключены. Только одна лампа с розовым абажуром бросала на него свет. В этой картине было нечто символическое: Пуаро — только он один — в освещенном пространстве, остальные трое — сэр Чарлз, мистер Саттертуэйт и Мими Литтон Гор — точно зрители, сидели в полумраке.

Голос Пуаро звучал немного отстраненно. Казалось, он обращается не к присутствующим, а куда-то в пространство.

— Воссоздать картину преступления — вот цель детектива. Для этого необходимо складывать известные вам факты так, будто вы строите карточный домик. Если какой-то факт не ложится в нужное место, — если карта не сохраняет равновесия, — надо начинать заново, или все ваше построение рухнет.

Как-то я уже говорил, что есть разные типы мышления:

мышление, свойственное, например, режиссеру-постановщику или драматургу, которые видят события как бы в их сценическом воплощении — замечу кстати, что к этому же типу относятся и те, кто мыслит как театральный зритель и с готовностью воспринимает драматические эффекты; затем есть вид мышления, присущий юным романтикам, и, наконец, мышление, свойственное трезвым людям, которые видят не голубое небо и мимозу, а грубо намалеванный задник театральной сцены.

Итак, mes amis[48], перехожу к убийству Стивена Беббингтона в августе прошлого года. Тогда сэр Чарлз Картрайт предположил, что мистера Беббингтона убили. Я с этим не согласился. Просто был убежден, что А: никто не станет убивать такого человека, как этот старый славный пастор, и В: в тех обстоятельствах совершить преднамеренное убийство определенного лица было физически невозможно.

Теперь я признаюсь, что сэр Чарлз оказался прав, а я ошибался. Ошибался, потому что рассматривал это преступление под неверным углом зрения. И только двадцать четыре часа назад я вдруг увидел все в новом свете и понял, что убийство Стивена Беббингтона было вполне возможно и оправданно.

Однако позвольте шаг за шагом провести вас по тому пути, который прошел я сам. Смерть Стивена Беббингтона я бы

назвал первым актом драмы. Конец этого акта — наш отъезд из «Воронова гнезда». Занавес опускается.

Второй акт драмы начинается в Монте-Карло, когда мистер Саттертуэйт показывает мне газету, в которой сообщается о смерти сэра Бартоломью. Я тотчас же понял, что ошибался и что прав был сэр Чарлз. И Стивен Беббингтон, и сэр Бартоломью Стрендж убиты, и оба убийства — два звена одного преступления. Затем следует третье звено этой цепи — убийство миссис де Рашбриджер. Итак, что нам требуется? Правдоподобная версия, которая позволила бы связать эти три звена. И такая версия существует, а именно: все три преступления совершены одним и тем же лицом в его собственных интересах.

С самого начала меня поразило в этом деле одно обстоятельство — почему первым убит Стивен Беббингтон, а не сэр Бартоломью Стрендж. Если отвлечься от времени и места совершения этих трех преступлений, то естественно предположить, что главная и основная цель — убийство сэра Бартоломью Стренджа, а два других преступления — следствие первого, и их жертвы каким-то образом были связаны с сэром Бартоломью. Однако, как я уже говорил, факты — вещь упрямая, хотим мы того или нет, но вначале был убит Стивен Беббингтон, а немного спустя сэр Бартоломью Стрендж. Поэтому создается впечатление, что второе убийство — неизбежное следствие первого, и, стало быть, первое убийство — ключ ко всему этому делу.

Придерживаясь теории вероятности, я весьма склонен был считать, что произошла ошибка. Возможно, думал я, первой жертвой должен был стать сэр Бартоломью Стрендж, а мистера Беббингтона отравили по недоразумению. Однако скоро мне пришлось отказаться от этой мысли. Каждому, кто более или менее близко знал сэра Бартоломью, было известно, что он не пил коктейлей.

Рассматривал я и иную версию: Стивена Беббингтона отравили по ошибке не вместо сэра Бартоломью, а вместо кого-то другого из числа приглашенных. Однако никаких доказательств в пользу этой версии я не нашел и был вынужден вернуться к мысли о том, что убийство Стивена Беббингтона преднамеренное, но тут на моем пути вставал камень преткновения: в тех обстоятельствах не существовало ни малейшей возможности осуществить такое убийство.

Любое расследование необходимо начинать с самых простых и очевидных версий. В том, что Стивен Беббингтон отравился коктейлем, сомнений нет. Кто имел возможность подмешать туда яд? На первый взгляд мне показалось, что это могли сделать только те двое, кто готовил коктейли, то есть сам сэр Чарлз Картрайт и горничная Тампл. Но пусть даже кто-то из них и подмешал яд, подстроить так, чтобы именно этот стакан достался мистеру Беббингтону, было невозможно. Правда, Тампл могла бы, ловко орудуя подносом, предложить Беббингтону последний стакан. Такой

маневр выполним, хотя и требует известной сноровки. Сэр Чарлз мог просто взять стакан, в котором был яд, и собственноручно подать его Беббингтону. Но ведь ничего подобного не произошло. Все выглядело так, будто этот стакан попал пастору только по воле случая.

Итак, сэр Чарлз Картрайт и Тампл готовили коктейли. Но присутствовал ли кто-то из них в Мелфорт Эбби? Нет. Кому легче всего было подмешать яд в портвейн сэру Бартоломью? Конечно, дворецкому Эллису и горничной, которая ему помогала. Не исключено, правда, что это сделал кто-то из гостей. Любой из них мог проскользнуть в столовую и влить в стакан сэра Бартоломью раствор никотина. Рискованно? Да. Но возможно.

Когда я приехал в «Вороново гнездо», вы уже составили список гостей, присутствовавших на обоих званых обедах. Четыре первых имени — капитан Дейкерс, миссис Дейкерс, мисс Сатклифф и мисс Уиллс — я немедленно исключил из рассмотрения.

Никто из них не мог знать заранее, что они встретят в «Вороновом гнезде» мистера Беббингтона. В качестве яда применили никотин, стало быть, это не экспромт, а тщательно продуманная операция. В списке фигурировали еще три имени — леди Мэри Литтон Гор, мисс Литтон Гор и мистер Оливер Мендерс. Маловероятно, что кто-то из них замешан в преступлении, но теоретически возможно.

Все трое местные жители, и каждый из них мог иметь какие-то причины, чтобы избавиться от Стивена Беббингтона. Почему бы не воспользоваться для этой цели званым обедом у сэра Чарлза?

С другой стороны, я не мог найти ровно никаких доказательств, что преступление совершил кто-то из них троих.

Мистер Саттертуэйт, который, вероятно, рассуждал примерно так же, заподозрил Оливера Мендерса. Действительно, юный Мендерс вызывал серьезные подозрения. В тот вечер в «Вороновом гнезде» он выказывал все признаки крайнего нервного возбуждения. Кроме того, вам известна необычная судьба этого молодого человека, которая, безусловно, наложила отпечаток на его отношение к жизни и к людям. К тому же у него довольно явно выраженный комплекс неполноценности, который часто толкает человека на путь преступления. Да и молод он еще, не успел обрести ту уравновешенность, которая приходит с годами. Вы помните, что он ссорился с мистером Беббингтоном и открыто выказывал неприязнь по отношению к нему. А как он появился в Мелфорт Эбби? Разве это не подозрительно? А нелепая история с письмом от сэра Бартоломью Стренджа? А газетная вырезка, которую подобрала мисс Уиллс?

Таким образом, Оливер Мендерс по всем признакам должен был возглавлять список подозреваемых.

И тут-то, друзья мои, у меня возникло странное чувство. С одной стороны, преступник, очевидно, должен был присутствовать на обоих званых обедах, другими словами, это один из тех семи, что внесены в список. Но вместе с тем у меня было такое ощущение, что эта очевидность подстроена специально. Будто кто-то заранее рассчитал, что к такому именно выводу должен прийти любой здравомыслящий человек, способный рассуждать логически. И вот тогда я понял, что мне подсунули ловко намалеванную декорацию. Преступник умен, и он рассчитал безошибочно: каждый, чье имя значится в этом списке, окажется под подозрением, поэтому его — или ее — имени здесь быть не должно.

Другими словами, убийца Стивена Беббингтона и сэра Бартоломью Стренджа должен был присутствовать на обоих званых обедах, но на одном из них не явно.

Есть ли такие, кто на первом обеде был, а на втором не был? Да, это сэр Чарлз Картрайт, мистер Саттертуэйт, мисс Милрей и миссис Беббингтон. Мог ли кто-нибудь из них присутствовать на втором обеде в каком-то ином обличье? Сэр Чарлз и мистер Саттертуэйт были во Франции, мисс Милрей в Лондоне, миссис Беббингтон в Лумауте. Значит, можно заподозрить мисс Милрей и миссис Беббингтон. Но встает вопрос: могла ли мисс Милрей сделать так, чтобы ее не узнали? У нее характерное лицо. Оно врезается в па-

мять. Такое лицо не загримируешь. Уверен, появись мисс Милрей в Мелфорт Эбби, ее бы сразу узнали. То же самое можно сказать и о миссис Беббингтон.

Теперь спросим себя: могли ли мистер Саттертуэйт и сэр Чарлз присутствовать в Мелфорт Эбби и чтобы окружающие об этом даже не догадывались? Что касается мистера Саттертуэйта, то это возможно, но не более того; а вот с сэром Чарлзом дело обстоит иначе.

Он актер, он привык играть. Какую же роль он мог играть на этот раз?

Тут я стал размышлять о дворецком Эллисе. Загадочная личность этот Эллис. Появился невесть откуда за две недели до убийства, а потом исчез, как в воду канул. Почему не напали на его след? Да потому, что на самом деле никакого Эллиса на свете нет и не было. А было актерское искусство, костюм и грим.

Возможно ли такое, спросите вы. Ведь в Мелфорт Эбби каждый лакей знает сэра Чарлза Картрайта, который был близким другом сэра Бартоломью Стренджа. Ну, с прислугой все ясно. Сэр Чарлз ничем не рисковал: если кто-то из них его узнает — не беда, все можно обратить в шутку. Если же за две недели никто ничего не заподозрит, значит, все в порядке, можно действовать. Я припомнил то,

что прислуга говорила о дворецком. Он был «совсем как настоящий джентльмен», служил в хороших домах, знал светские сплетни. Тут нет ничего особенного. Но вспомните одну важную подробность. Алиса-горничная, сказала об Эллисе: он «делал все вроде, что полагается, но как-то не так, как другие». Когда я это услышал, то сразу понял, что мое предположение правильно.

Теперь поговорим о сэре Бартоломью Стрендже. Трудно предположить, что сэр Чарлз мог его провести. Сэр Бартоломью должен был знать о розыгрыше. Есть ли этому доказательства? Есть.

В самом начале расследования проницательный мистер Саттертуэйт обратил внимание на то, что сэр Бартоломью вопреки своей обычной манере шутил с Эллисом: «Вы славный малый, Эллис, вам просто цены нет!» Вполне понятное замечание, если предположить, что дворецкий — сэр Чарлз Картрайт и что сэр Бартоломью посвящен в тайну.

Сэр Бартоломью, очевидно, считал перевоплощение сэра Чарлза удачной шуткой. Может быть, даже они заключили пари. Видимо, доктор собирался разыграть гостей. Помните, он говорил, что готовит сюрприз. Этим и объясняется его необычная веселость. Между тем, заметьте, есть еще время отступить. Если бы в этот вечер кто-то узнал в Эллисе сэра Чарлза Картрайта, непоправимого несчастья

не случилось бы. Все превратили бы в шутку. Но никто не обратил внимания на этого немолодого, чуть прихрамывающего дворецкого с его потемневшими от белладонны глазами, бакенбардами и родимым пятном на запястье. Какая улика для опознания! Как тонко все продумано! Однако, увы, полный провал! Люди, оказывается, в большинстве своем совсем ненаблюдательны. Казалось бы, описывая Эллиса, все должны были упомянуть о родимом пятне, а его за целых две недели никто даже не заметил! Кроме дотошной мисс Уиллс. Впрочем, к ней мы скоро вернемся.

Что происходит потом? Сэр Бартоломью умирает. Не своей смертью. На этот раз никто в этом не сомневается. Приходит полиция. Допрашивают Эллиса и всех остальных. Ночью Эллис исчезает, воспользовавшись потайным ходом, затем вновь обретает свой обычный облик и спустя пару дней уже разгуливает по парку в Монте-Карло, ожидая известия о смерти друга и готовясь выразить приличествующие случаю удивление, сожаление и прочее.

Это, напоминаю, всего лишь версия. У меня нет доказательств, но все последующие события подтверждают мою правоту. Карточный домик, построенный мною, не падает. А письма, найденные под камином в комнате Эллиса, спросите вы. Но ведь именно сэр Чарлз их обнаружил!

Письмо, в котором сэр Бартоломью якобы просит юного Мендерса подстроить аварию, сэр Чарлз тоже пишет сам.

Что может быть легче? Если Мендерс не уничтожит это письмо, сэр Чарлз, он же Эллис, сам это сделает. Ведь подсунул же он Оливеру в бумажник газетную вырезку!

Теперь перейдем к третьей жертве — миссис де Рашбриджер. Когда мы впервые о ней слышим? Сразу же после рассказа горничной о том, как сэр Бартоломью, к ее удивлению, шутит с Эллисом и называет его славным малым, что совершенно несвойственно доктору. Сэру Чарлзу любой ценой надо отвлечь внимание мистера Саттертуэйта от этой опасной темы, и он торопливо спрашивает у горничной, что дворецкий сообщил сэру Бартоломью. Она называет имя пациентки — миссис де Рашбриджер. Сэр Чарлз делает все, чтобы обратить внимание мистера Саттертуэйта на эту никому не известную женщину и поскорее замять разговор о дворецком. Он идет в санаторий и расспрашивает старшую сестру. Словом, сэр Чарлз из кожи вон лезет, чтобы направить следствие по ложному пути.

Рассмотрим роль, которую играет в этой драме мисс Уиллс — весьма любопытная личность. Она из тех людей, образ которых невозможно удержать в памяти. Она не блещет ни красотой, ни остроумием, ни обаянием. Ее просто невозможно описать. Однако она чрезвычайно умна и наблюдательна. В своих произведениях она берет реванш. Она зло и беспощадно мстит людям. Из всех сидевших за столом только она одна обратила внимание на дворецкого. Возможно, что-то в его облике поразило ее, не знаю. Наутро после убийства жадное любопытство заставило ее, как вы-

разилась горничная, сунуть нос в чужие дела. Она заглянула в комнату Дейкерсов, она ходила на ту половину, где живет прислуга. Ее вел инстинкт мангусты.

Она одна вызывала у сэра Чарлза некоторое беспокойство. Вот почему он сам хотел ею заняться. Разговаривая с ней, он совершенно успокоился. Особенно порадовало его то, что она заметила родимое пятно. А потом случилось непредвиденное. Думаю, до этой минуты в сознании мисс Уиллс образы Эллиса и сэра Чарлза не связывались между собой. Наверное, Эллис ей просто смутно кого-то напомнил. Но, как я уже говорил, она необыкновенно наблюдательна. Когда дворецкий подавал блюда, она невольно обратила внимание на его руки.

Тогда ей не пришло в голову, что Эллис — это сэр Чарлз. Но теперь у нее вдруг мелькнуло подозрение. Она попросила сэра Чарлза сделать вид, что он подает ей блюдо с овощами. Ей, как вы, наверное, догадываетесь, было все равно, на какой руке у него родимое пятно — на правой или на левой. Она выдумала этот предлог, чтобы хорошенько рассмотреть его руки в том же положении, в каком она видела руки Эллиса.

Вот тут-то она все и поняла. Но мисс Уиллс женщина со странностями. Она в одиночестве упивалась своим открытием. Кроме того, она никоим образом не была уверена, что сэра Бартоломью Стренджа убил сэр Чарлз. Ну, сыграл

роль дворецкого, да, но это вовсе не означает, что он убийца. Сколько ни в чем не повинных людей молчат, потому что боятся навлечь на себя подозрение.

Итак, мисс Уиллс держала свое открытие в тайне — и наслаждалась этим. Однако сэр Чарлз был встревожен. Ему не давало покоя выражение злобного торжества у нее на лице, которое он случайно подглядел, выходя из комнаты. Она что-то знает. Что? Не о нем ли? Хотя уверенности у него не было, он чувствовал, что это касается дворецкого Эллиса. Сначала мистер Саттертуэйт, теперь мисс Уиллс. Надо отвлечь внимание от опасной темы и обратить его на что-то другое. У сэра Чарлза созрел план — простой, дерзкий, который, как он надеялся, введет всех в заблуждение.

В тот день, когда я вас пригласил к себе на коктейль, сэр Чарлз, вероятно, встал рано поутру. Он отправился в Йоркшир и, переодевшись в лохмотья, подговорил мальчишку отправить телеграмму. Затем вернулся в Лондон как раз вовремя, чтобы принять участие в том маленьком представлении, которое я задумал. Но сэр Чарлз сделал и коечто еще. Он отправил коробку шоколадных конфет миссис де Рашбриджер, женщине, которую он никогда не видел и о которой ничего не знал.

Вам известно, что произошло в тот вечер. Видя, как встревожен сэр Чарлз, я был твердо уверен: мисс Уиллс что-то

подозревает. Когда сэр Чарлз разыграл сцену смерти, я наблюдал за лицом мисс Уиллс. На нем отразилось изумление. И я понял, что мисс Уиллс подозревала сэра Чарлза в убийстве. Увидев, как он упал замертво, она удивилась и решила, что заблуждалась.

Но если мисс Уиллс подозревает сэра Чарлза, ей грозит большая опасность. Человек, совершивший два убийства, не остановится и перед третьим. И я протрубил тревогу: в тот же вечер я позвонил мисс Уиллс по телефону. По моему совету она не мешкая на следующее же утро уехала из дому. С тех пор она живет здесь, в этом отеле. Я был прав в своих опасениях — сэр Чарлз, вернувшись из Джиллинга, помчался в Тутинг. Но он опоздал. Птичка упорхнула.

Между тем все идет так, как он задумал. Миссис де Рашбриджер хочет сообщить нам что-то важное. Ее убивают, она ничего не успевает сказать. Какое трагическое совпадение! Прямо как в детективных романах, как в театре, как в кино! Снова декорации, картон, мишура.

Однако Эркюля Пуаро не проведешь. Помните, мистер Саттертуэйт мне сказал: «Миссис де Рашбриджер убили, чтобы она не рассказала нам того, что знала». «Или того, чего не знала», — заметил я тогда. Мистер Саттертуэйт был озадачен. Хотя можно было догадаться, в чем дело. Миссис де Рашбриджер убили, потому что на самом деле она вообще ничего не могла нам рассказать. Она ничего

даже не знала о преступлении. Но сэру Чарлзу необходимо было, чтобы она умерла. И несчастную, ни о чем не подозревающую женщину убивают…

Сэр Чарлз уверен, что все идет как по маслу. Он не догадывается, что совершил ошибку.., причем так глупо, совсем по-детски! Телеграмма от миссис де Рашбриджер была адресована мне, Эркюлю Пуаро, в отель «Ритц». Но ведь о том, что я занимаюсь этим делом, она знать никак не могла. Никто в тех местах об этом не знал. Какая глупая оплошность!

Eh bien, я значительно продвинулся в расследовании дела. Убийца был мне известен. Но я до сих пор не знал, почему он совершил первое преступление.

И я продолжал размышлять.

Как и прежде, я понимал, что главное звено в цепи преступлений — убийство сэра Бартоломью Стренджа. Почему же сэр Чарлз убил своего старого друга? Можно ли представить себе мотивы его поступков? Да, можно.

Послышался глубокий вздох. Сэр Чарлз Картрайт медленно поднялся и подошел к камину. Он стоял подбоченясь, сверху вниз глядя на Пуаро. Как сказал бы мистер Сат-

тертуэйт, вылитый лорд Иглмаунт, надменно взирающий на жалкого стряпчего, который осмелился обвинить его в мошенничестве. На породистом лице его светлости написано отвращение. Ни дать ни взять картина под названием «Благородный лорд и ничтожный плебей».

— У вас слишком пылкое воображение, мосье Пуаро, — сквозь зубы процедил сэр Чарлз. — Стоит ли говорить, что в вашем повествовании нет ни слова правды. Как у вас хватило наглости, черт побери, преподнести нам эту дешевую стряпню. Впрочем, продолжайте, мне даже любопытно. Зачем, по-вашему, мне понадобилось убивать человека, с которым я дружил с детских лет?

Эркюль Пуаро, презренный буржуа, плебей, поднял взгляд на гордого аристократа, возвышавшегося над ним.

— Сэр Чарлз, у нас есть пословица — cherchez la femme. Вот тут-то и зарыта собака. Я наблюдал за вами и за мадемуазель Литтон Гор. И слепому ясно, что вы влюблены, вы одержимы страстью, которую способен питать только очень немолодой человек к очень юной невинной девушке.

И ее сердце, как я заметил, принадлежит вам. Стоило вам сказать слово, и она призналась бы в своих чувствах.

Но вы молчали. Почему?

Перед вашим другом, мистером Саттертуэйтом, вы притворялись этаким простодушным влюбленным, который не ведает, что возлюбленная отвечает на его чувства. Прикидывались, будто ревнуете мисс Литтон Гор к Оливеру Мендерсу. Не верю, что вы, человек столь светский, столь искушенный в отношениях с прекрасным полом, могли так обманываться. Нет, вы прекрасно понимали, что мисс Литтон Гор питает к вам нежные чувства.

Почему вы не женились? Ведь вам так этого хотелось. Стало быть, существовали какие-то препятствия. Какие же? Может быть, у вас уже есть жена? Но никто никогда об этом не заикался. Все считали вас холостяком. Возможно, вы женились в ранней юности, еще до того, как стали известным актером, спрашивал я себя.

Что же случилось с вашей женой? Если она жива, то почему никто ничего о ней не знает? Если вы живете врозь, то почему не развелись? Может быть, ваша жена католичка или она просто не одобряет разводов. Во всяком случае, все равно было бы известно, что у вас есть жена и что она живет отдельно от вас.

Бывают, однако, трагические обстоятельства, когда развод

невозможен. Скажем, вашу жену приговорили к пожизненному заключению в тюрьме, или она находится в психиатрической больнице. Правда, если вы вступили в брак, будучи совсем молодым, об этом может никто не знать.

А если никому ничего не известно, то можно жениться на мисс Литтон Гор. Однако допустим, что старый друг вашего детства сэр Бартоломью Стрендж, почтенный доктор и честный человек, посвящен в вашу тайну. Он глубоко вам сочувствует, снисходительно смотрит на ваши любовные связи и беспорядочную жизнь, но вы понимаете, что он не станет молчать, глядя, как вы при живой жене вступаете в брак с ничего не подозревающей юной девушкой.

Стало быть, чтобы жениться на мисс Литтон Гор, необходимо устранить сэра Бартоломью Стренджа.

Сэр Чарлз засмеялся.

— А старый Беббингтон? По-вашему, он тоже все знал?

— Именно так я и подумал вначале. Но потом выяснилось, что никаких подтверждений этому нет. К тому же все равно никуда не деться от одного неоспоримого обстоятельства: у вас не могло быть никакой уверенности, что яд попадет мистеру Беббингтону. Почему вы его убили? На этот воп-

рос я никак не мог ответить. И вдруг случайное замечание, брошенное мисс Литтон Гор, открыло мне глаза.

Яд был предназначен не Стивену Беббингтону. Он был предназначен любому из присутствующих, за исключением троих: мисс Литтон Гор, которой вы сами заботливо подали стакан, вас самого и сэра Бартоломью Стренджа, который, как известно, не пил коктейлей.

— Что за чепуха! Должен же быть какой-то повод! А я его не вижу! — вскричал мистер Саттертуэйт.

— Тем не менее он есть, — торжествующе сказал Пуаро. — Повод необычный.., весьма необычный. Убийство Стивена Беббингтона не что иное, как генеральная репетиция.

— Что?

— Да, ведь сэр Чарлз актер. Его ведет актерская привычка. Прежде чем совершить убийство, надо его отрепетировать. Никаких подозрений возникнуть не может. Он ведь не получает никакой выгоды, кто бы из присутствующих ни умер. Кроме этого, как мы знаем, доказать, что он собирался отравить какое-либо определенное лицо, невозможно. Итак, друзья мои, генеральная репетиция проходит ус-

пешно. Мистер Беббингтон умирает, но никому и в голову не приходит, что это убийство. Сэр Чарлз вынужден сам наталкивать нас на мысль о преступлении, и он весьма доволен тем, что мы не принимаем всерьез его подозрений. Стаканы подменить ему тоже удается довольно легко. И он убеждается, что во время настоящего представления все сойдет без сучка без задоринки.

Как вам известно, события развивались немного иначе. На обеде у сэра Бартоломью среди гостей был доктор, который сразу заподозрил отравление. Теперь сэру Чарлзу не остается ничего другого, как всячески подогревать интерес к смерти Беббингтона. Надо, чтобы все поверили, будто убийство сэра Бартоломью — естественное следствие той смерти. Надо, чтобы все задумались над вопросом — почему убит Стивен Беббингтон, а не доискивались, кому и зачем понадобилось устранять сэра Бартоломью.

Однако сэр Чарлз не учел необычайную наблюдательность и деловитость мисс Милрей. Во-первых, она знала, что ее хозяин любит иногда производить химические опыты в полуразрушенной башне в саду. Во-вторых, она заметила, что никотин, который она заказывала для опрыскивания роз, расходуется необъяснимо быстро. Когда мисс Милрей прочла в газете, что мистер Беббингтон отравлен никотином, она с ее острым умом сразу поняла, чем занимался у себя в лаборатории сэр Чарлз.

Он добывал из раствора для опрыскивания роз чистый алкалоид.

Мисс Милрей не знала, как ей поступить. Она с детства была знакома с мистером Беббингтоном, и в то же время глубоко и преданно любила своего неотразимо-обаятельного хозяина, любила так, как способна любить только дурнушка.

В конце концов она решается уничтожить приборы в лаборатории сэра Чарлза. Сам он столь уверен в своей безопасности, что и не помышляет об этом.

Итак, мисс Милрей отправляется в Корнуолл, я следую за ней.

Сэр Чарлз снова засмеялся.

Сейчас, более чем когда-либо, он выглядел настоящим аристократом. На лице его выражалась брезгливость, точно он увидел крысу.

— Значит, эти старые химические приборы и есть все ваши улики против меня? — с презрением спросил он.

— Нет, — возразил Пуаро. — Еще ваш паспорт, где указано, когда вы уехали из Англии и когда вернулись. И Глэдис Мэри Бидон, жена Чарлза Бидона, находящаяся в психиатрической лечебнице в графстве Харвертон.

До этой минуты Мими не проронила ни звука и сидела, не шелохнувшись, точно статуя. Но тут она встрепенулась. У нее вырвался негромкий вскрик, похожий скорее на стон.

Сэр Чарлз повернулся к ней — движения его были неторопливы и величественны.

— Мими, вы ведь не верите ни единому его слову, правда?

Сэр Чарлз с улыбкой простер к девушке руки.

И Мими медленно двинулась к нему, будто он ее гипнотизировал. Ее глаза, в которых застыла мучительная мольба, неотрывно смотрели на него. Сделав несколько неверных шагов, она вдруг опустила глаза, дрогнула, не зная, куда идти, у кого искать поддержки.

Внезапно она вскрикнула и упала на колени перед Пуаро.

— Это правда? Правда?

Пуаро движением, исполненным доброты и сочувствия и в то же время твердым, положил руки ей на плечи.

— Правда, мадемуазель.

В полной тишине слышались только рыдания Мими.

Сэр Чарлз будто сразу постарел.

Теперь у него было лицо старика, на котором пагубные страсти оставили свой след.

— Будь ты проклят! — хрипло сказал он. За всю свою долгую жизнь на сцене он не произнес реплики, в которой звучала бы такая неподдельная и такая бессильная злоба.

С этими словами сэр Чарлз повернулся и бросился вон из комнаты.

Мистер Саттертуэйт вскочил со стула, но Пуаро покачал головой, продолжая нежно гладить по волосам рыдающую Мими.

— Он сбежит! — кричал мистер Саттертуэйт.

— Нет, ему осталось одно — уйти. Медленно удалиться на глазах у публики или сразу исчезнуть со сцены.

В это время дверь бесшумно отворилась, и кто-то вошел. Это был Оливер Мендерс. Его лицо утратило столь привычное, презрительно-насмешливое выражение. Он побледнел, осунулся, и вид у него был несчастный.

— Посмотрите, мадемуазель, — мягко сказал Пуаро, наклоняясь к девушке. — Вот ваш друг. Он отвезет вас домой.

Мими поднялась с колен. Она молча смотрела на Оливера, точно не узнавая его, потом, споткнувшись, неуверенно сделала шаг к нему навстречу.

— Оливер… Отвези меня домой. О, пожалуйста, отвези меня поскорее домой.

Он обнял ее и повел к двери.

— Да, дорогая, пойдем. Пойдем.

Ноги у девушки подкашивались, она едва шла. Оливер и мистер Саттертуэйт с двух сторон поддерживали ее. У двери она, казалось, взяла себя в руки, выпрямилась и вскинула голову.

— Благодарю. Мне уже лучше.

Пуаро поманил Оливера Мендерса, и молодой человек вернулся в комнату.

— Будьте с ней как можно деликатнее, — сказал Пуаро.

— Еще бы, сэр! Она самое дорогое, что есть у меня на свете, вы это знаете. Любовь к ней причинила мне так много страданий, так меня ожесточила. Но теперь я стану другим. Я буду для нее надежной опорой. И может быть, когда-нибудь…

— Верю, так и будет, — сказал Пуаро. — По-моему, в ее

сердце уже пробуждались нежные чувства к вам, но тут явился он и поразил ее воображение. Эти знаменитости, которым все поклоняются, как они опасны для юной девушки! В один прекрасный день Мими вас полюбит, и вы построите здание своего счастья на прочном фундаменте.

Оливер вышел из комнаты, и Пуаро проводил его ласковым взглядом.

Вскоре вернулся мистер Саттертуэйт.

— Мосье Пуаро, — сказал он, — вы самый удивительный человек, которого я когда-либо знал.

Пуаро напустил на себя скромный вид.

— Вздор, право, вздор. Трагедия в трех актах. И вот занавес падает.

— Извините меня… — нерешительно начал мистер Саттертуэйт.

— Наверное, хотите, чтобы я что-то вам объяснил?

— Да, мне хотелось бы знать…

— Пожалуйста, спрашивайте.

— Почему вы иногда говорите по-английски безупречно, а иногда.., не совсем?

Пуаро засмеялся.

— О, охотно объясню! Я и впрямь умею хорошо говорить по-английски. Однако, мой друг, ломаный английский дает неоценимые преимущества. Люди начинают вас немного презирать. «Иностранец! — говорят они. — И сказать-то по-английски ничего толком не умеет». Я не люблю нагонять на людей страх, я предпочитаю выглядеть в их глазах немного смешным. А еще обожаю хвастаться! «Э-э, приятель, — думает англичанин, — уж слишком ты о себе возомнил! Видно, не многого стоишь!» Так обычно думают англичане. А ведь это неверно. Понимаете, я таким образом усыпляю их бдительность. К тому же это уже стало привычкой…

— Господи! — воскликнул мистер Саттертуэйт. — Сколько мудрости! Прямо как у змеи!

Он задумался, затем огорченно сказал:

— А я вот, кажется, отнюдь не блестяще проявил себя в этом деле.

— Напротив. Вы первый обратили внимание на чрезвычайно существенное обстоятельство — на то, как сэр Бартоломью говорил с дворецким. Вы заметили, что мисс Уиллс необычайно наблюдательна и проницательна. Право, вы могли бы сами обо всем догадаться, если бы не были падки, как всякий заядлый театрал, на сценические эффекты.

Мистер Саттертуэйт заметно приободрился. Внезапно его поразила какая-то мысль, у него даже челюсть отвисла.

— Боже мой! — вскричал он. — До меня только сейчас дошло! Ведь отравленный коктейль мог выпить любой из нас! Это мог быть я!

— Нет, друг мой, все могло обернуться куда хуже.

— Как?!

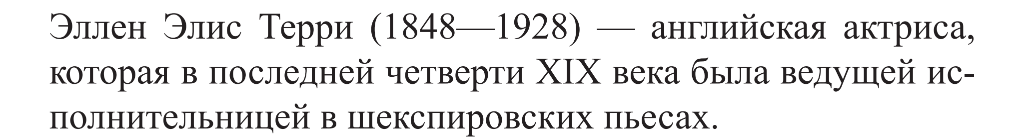
— Это мог быть я, — сказал Эркюль Пуаро.

Примечания

1

Дыня-канталупа — разновидность очень сладких и сочных дынь с жесткой шероховатой коркой и сильным ароматом (по названию города в Италии, где начали выращивать этот сорт).

2

Эллен Элис Терри (1848—1928) — английская актриса, которая в последней четверти XIX века была ведущей исполнительницей в шекспировских пьесах.

3

Буколическая жизнь — Мирная жизнь на лоне природы; от названия жанра литературных произведений. В «буколиках» описываются прелести пастушеской жизни и сельского быта.

4

Лобелия — травянистое растение с гроздьями синих, красных или белых цветов, родом из Северной Америки.

5

Сердечно рад, мосье (фр.)

6

Молодость! (фр.)

7

Не правда ли? (фр.)

8

Мамочка, поиграй со мной! (фр.)

9

Да займись же чем-нибудь, Марсель! Поиграй в мяч! (фр.)

10

Я развлекаюсь (фр.)

11

…вскоре после этого началась война. — Имеется в виду Первая мировая война 1914—1918 годов.

12

Счастливого пути! (фр.)

13

Криппен (1862—1910) — преступник, отравивший жену и расчленивший ее труп. Бежал с любовницей в Америку, но был опознан, арестован и приговорен к смертной казни.

14

Кью (или Кью Гарденз) — большой ботанический сад в западной части Лондона, основанный в 1759 году.

15

Что ж (фр.)

16

В курс дела (фр.)

17

Ах, это же просто великолепно! (фр.)

18

Что за мысль! (фр.)

19

Женщины (фр.)

20

Охотничья собака (фр.)

21

Безусловно (фр.)

22

Конечно, конечно (фр.)

23

Испанский (фр.)

24

Обычного вина (фр.)

25

Маленький соблазн (фр.)

26

Нежные чувства (фр.)

27

…И рука все еще пахнет кровью. — Слова леди Макбет из трагедии Шекспира «Макбет» (акт V, сц. 1; перевод Б. Пастернака).

28

Диффамация (от лат. «порочу») — в уголовном праве некоторых стран распространение порочащих сведений, которые в отличие от клеветы могут и не быть ложными.

29

Совершено верно (фр.)

30

Здесь обыгрывается строка «— Добро пожаловать в мою гостиную, — сказал паук мухе» из стихотворения «Паук и муха» английской писательницы Мэри Хоуитт (1799—1888).

31

«Ты, женщина!» — Библейская аллюзия. Ветхий Завет, Книга Судей, IX: 54.

32

Что за выдумки! (фр.)

33

Ну-ну! (фр.)

34

Ну вот! (фр.)

35

…пить и веселиться, ибо завтра умрем. — Библейская аллюзия. Новый Завет, Первое послание к Коринфянам, XV: 32.

36

Вот беда (фр.)

37

Какая мерзость (фр.)

38

Что там такое? (фр.)

39

Вайолет — по-английски «фиалка».

40

Черт возьми! (фр.)

41

Да, да (фр.)

42

Друзья мои (фр.)

43

«Счастливые семьи» — детская карточная игра. На картах изображены определенные персонажи, которые нужно расположить по соответствующим «семьям».

44

Тупик (фр.)

45

Боже мой! (фр.)

46

Ну конечно (фр.)

47

Я (фр.)

48

Друзья (фр.)